

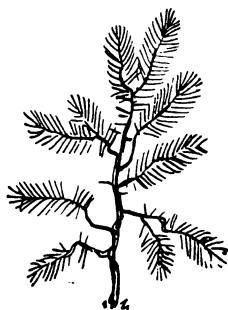

ИВАН МИНИН
Кукушкин рай

ИВАН МИНИН

Кукушкин рай

ПОВЕСТИ

Пермское книжное издательство
1984

М62
Р2

Художник В. АВЕРКИЕВ

Рецензенты Л. Давыдычев, Л. Кузьмин

М $\frac{70803-12}{M152(03)-84}$ 19-84

© Пермское книжное
издательство, 1984.

**Сто верст
до города**

РАЗВЕСЕЛЫЕ ЛЮДИ

неделю назад в Лобане закончился весенний сев. Более месяца он длился нынче, немало всяких тревог и волнений было, но отсеялись все-таки благополучно.

Позавчера завершили посадку картофеля, кое-каких овощей, и председатель Сидор Антонович, хитроватый мужичок с большим горбом на спине, на радостях разрешил людям трехдневный отдых. Плечи расправили лобановцы, повеселели: теперь живем!

Да не все ладно получилось. Разрешил председатель отдых уставшим людям, а выдать хоть немного хлебушка не распорядился. Долго он сидел в правлении, на счетах щелкал, пересчитал так и этак каждый грамм и под конец, крепко потирая лысину, устал буркнул счетоводу:

— Запасов муки совсем нет. Если выдадим сейчас, на сенокос не хватит.

— А я что говорил?

— Придется это самое... Как бы точнее выразиться, а? — поморщился председатель.

— Придется того маленько, — помог ему счетовод.

— Перебьемся как-нито в эти дни, а на сенокос и муки выдадим. Пшеничной, без всякой примеси!

На том и порешили.

Пригорюнились было лобановцы, поворчали, как это водится в таких случаях, но, закаленные и веселые от природы, духом не пали:

— Поживем и без муки. Тоже нам!

— Сейчас не зима. Эвон, зелени сколь.

Сидор Антонович тут как тут:

— Верно, не зима — июнь на дворе. Иду это я вчера по лужку, вижу — пикан подрос. Нарвал сколько надо, сварил дома в горшке. Беда хорошо получилось. Но прежде как ложкой вооружиться, я на эту самую божью травку сквозь лупу посмотрел. Ахнул, братцы!

— Чего там узрел?

— Витамины! Тьма-тьмущая! Да все такие бойкие, такие развеселые — чисто жеребцы бегают. Один шельмец чуть из горшка не сиганул. Ну, я его, окаянного, понятное дело, сцапал. Сейчас три дня сыт буду. В общем, смерть Гитлеру — и больше ничего!

Поохотали люди, подзакусили председательской шуткой, да делать нечего — разбрелись кто куда. Одни в лес подались, другие на болото, а остальные на луга — витамины ловить.

Вот так и получилось, что почти во всех домах селения Лобан в эти дни появились тяжелые ступы, когда-то выдолбленные ее прадедами из корявых пермяцких берез. Сейчас, когда идешь по улице, так только и слышишь со всех концов: гырк-йирк, гырк-йирк! бут-бут-йорк! Как у всякого имеется свой голос, так и у лобановских ступ были свои голоса. В одной избе слышался легкий перестук со скрипом, в другой — тяжелое бухание, а в третьей — то и другое вместе. Лобановцы толкли все, что пахло витаминами: толкли пистик — полевой хвощ, пикан-борщевник, а некоторые для разнообразия, чтобы выделиться от соседей, что ли, толкли туганы — побеги с молодых сосен. Наберут их полные пестери, высушат в печи, столкут в ступе, глянь — мука получилась, пеки себе лепешки!

Гырк-йирк, гырк-йирк!

Бут-бут-бут!

Сегодня, вчера, позавчера...

Почти во всех домах играла эта музыка. Играла и в Степанкиной избе. Вчера вместе с братом Сашком сбегали на Кукушкино болото, что за Журавкиной горой, нарвали по мешку пикану. Сегодня старательно делали муку. Пикан за ночь хорошо высох в печи, был ломкий. Накладешь его в ступу до краев, начнешь тюкать пестом — только пыль идет, будто на всамделишной мельнице. Сашок еще мал, во второй класс бегал зимой, громыхать тяжелым пестом у него не хватает проку. А про Симку и говорить не стоит: три годика ей всего-навсего. Понятно, и в ее ручонки пест не сунешь. Так что работать приходилось одному Степанку. Слава богу, силенок вроде бы не занимать, какникак четырнадцатый год на свете живет. Мужик.

Вчера вечером он внес существенное усовершенствование в дедовский пест. Известно, давние лесные жители, то есть наши предки, в большинстве своем были

люди могучие, кряжистые. И что бы они ни делали для своего хозяйства, делали все под стать себе — прочно и добротнo. Прочные мастерили и песты — из мореных березовых рубцов. Но концы их были все-таки тупые, плохо измельчали пикан. И Степанко усовершенствовал старый пест: вбил в его рабочую часть граненую гайку на болту. Замечательно получилось. Тюкнешь разок — и треск идет, любая трава моментально в пыль превращается.

— Ну и башка у тебя, Степанко! — завистливо скавал Сашко. — Ловко придумал!

— Это что! Могу и похлеще. Ну-ка, сбегай в чулан, тащи мою находку!

— Пружину, что ли?

— Ее. Сейчас второй фронт откроем.

Как-то, возвращаясь с поля, Степанко нашел на меже толстую стальную пружину от тракторного плуга. Другой бы не обратил на нее внимания, прошел мимо — эка невидаль, пружина ржавая! — а Степанко поднял, повертел в руках и решил: в хозяйстве пригодится. Не приспособить ли ее сейчас к делу?

Сашок моментально притащил из чулана пружину, заложив руки за спину, стал наблюдать за братом. Степанко глядел в потолок. На потолке с давних времен висело толстое железное кольцо. Возможно, это дед вбил его в матицу в пору своей молодости, чтобы продевать в него длинный березовый очеп — гибкий шест для зыбки.

— Хорошее кольцо, в самый раз, — заключил Степанко.

Примерился он, прикинул что-то в уме и полез на полаты. С полатей дотянулся до кольца и — Сашок даже рот не успел разинуть — примотал толстой проволокой пружину к дедовскому приспособлению. К другому концу привязал здоровенный гладкий пест. И любуйся!

— Чудеса! — не выдержал Сашок.

— Мозгами шевелить надо!

Ухватился Степанко за пест, тюкнул по пикану. Отлично получилось, прямо замечательно. Поднимать самому пест не пришлось, пружина его так и подбросила до потолка.

— Машина! — крикнул Сашок. — Ура!

— Гитлер капут!

Пошумели братья, полюбовались механизацией — и снова за дело.

— Дзурки-вирк, дзурки-вирк, — скрипела ржавая пружина.

— Гырк-йорк, гырк-йорк, — громыхал пест.

— Дзурки-вирк! Гырк-йорк!

Чтобы работать было еще интересней, Степанко задумал считать, сколько раз тукнет пестом. Раз, два, три... десять... сто...

— Идет дело! Уже тысячу разов хрястнул после полудня, — бросил он брату, утирая со лба обильный пот.

— Ты сильный, Степанко, — опять похвалил брата Сашок. — Ты и не устаешь. Руки-то не отнялись?

— Как не отнялись! Каждая жилка ноет. Может, потюкаешь маленько?

Сашок охотно взялся за пест, громыхнул два-три разочка, вздохнул тяжело:

— Не могу. В животе колет.

— Эх ты, богатырь. Ты только за столом сильный, — незлобиво сказал Степанко и легонько отстранил брата от ступы.

Сестренка Сима торчала тут же, деловито глядела на работу старшего брата, сосала палец.

— Что, проголодалась, а?

— Есть хочу. А лепешки гойкие...

— Конечно, горькие, — согласился Степанко. — Но уже скоро земляника поспеет, потом малина. Вот житуха пойдет. Ты, Сима, потерпи маленько, не хнычь. Скоро мы разбогатеем. Вот после дождичка грибы появятся, смородина почернеет. Пусть Гитлер поддыхает, а нам ни к чему!

НЕ ДО РЫБАЛКИ

Днем было жарко, июньское солнце до одури пекло, а вечером укатилось куда-то за Журавкину гору, сразу посвежело. Степанко с остервенением долбанул последний раз по ненавистному вороху, выскреб до щепотки пыль из ступы и унес лукошко на залавку, поближе к печи. Шабаш! Хватит на сегодня. Сейчас можно и отдохнуть.

— Завтра сходим, попробуем? — спросил Сашок.

— Надо сходить, — ответил Степанко.

Вчера, возвращаясь с болота, братья завернули к Круглому озеру. Хотелось узнать, гнездятся ли там утки. Побродили маленько по топкому берегу и наткнулись на чей-то бредень, спрятанный от лишних глаз в густом подлеске.

— Степанко, эва! — сверкнув глазами, воскликнул Сашок. — Кто-то рыбу ловит, а мы и не знали!

— Будет и у нас рыба!

Старый отцовский бреденишко лежит в чулане, надо использовать. Правда, худой он, порванный во многих местах, но если действовать с умом, то можно из озера всю рыбу вычерпать.

— И как-то мы раньше не догадывались, а? — укоризненно посмотрел на брата Сашок. — Не малыши, кажись.

— Не малыши! Всю весну в борозде был. Когда рыбачить? А завтра можно будет. Завтра отведем душеньку.

— Завтра отведем!

Вернулась с работы мать. Она сняла латаный-перелатаный халат, повесила у дверей на гвоздь. Взгляд у матери печальный, неживой какой-то, щеки подернуты землистым загаром. Но это не июньский загар. Степанко знает: это от усталости.

— Буренка вернулась ли? — спросила она, ни к кому не обращаясь. Потом заметила Степанкино приспособление, головой покачала: — Лихо мне. Пест к полтку привязали.

— Так легче, мам, — сказал Степанко. — Механизация.

— Вижу. Мука, стало быть, в избытке?

— Вона!

Еще несколько лет назад мать была очень бойкая да живая: день-деньской работает на колхозном поле, а вернется домой — как-то незаметно и быстро, почти шутя, управится с домашними делами, успеет и вовремя ужин приготовить, и постирать, да и ребятишек найдет время приласкать. Сейчас она устало прошлась по избе, даже и не обрадовалась, что мука, можно сказать, настоящая крупчатка, в избытке имеется.

Симка уцепилась было за ее подол, запросилась на руки, но мать легонько отстранила свою ненаглядную и по головке не погладила. Она подозрительно посмотрела на Степанка, огорошила:

— Председатель тобой интересуется чтой-то. Встретился у фермы, спрашивает: чем твой сынок занят, дома ли?

— Сидор Антонович?! А чего он?

— Вот и я гадаю — чего? Велел никуда не уходить, разговор-де серьезный будет. Может, натворил что?

Повел плечами Степанко, лоб наморщил. Долго ворошил в памяти все свои делишки за последние дни — нет, ничего будто бы, все правильно. А на лице у матери тревога, Сашок глазами так и зыркает.

— Лихо мне с вами, лихо, — устало сказала мать, направляясь к шестку.

У Сидора Антоновича была страшная фамилия: Ошкоков. А ошкок, как известно, медвежья нога. Но слыл он человеком добрым, людей зря не наказывал, а Степанка даже не раз хвалил при всех лобановцах за хорошую работу. И все-таки заныло в груди после маминых слов, затрепетало сердчишко. Что там еще?

Не успела мать выйти к Буренке, не успела и подойник взять, а Сашок, стоявший у окна, уже сообщил:

— Идет!

— Ошкок?

— Он.

Шумно и деловито, как и положено большому начальству, Сидор Антонович зашел в избу. Нарочито весело улыбнулся всем — дескать, вот он я, — по-отцовски погладил Симкину головку, а Степанку даже руку пожал. Все перевели дух: кажется, ничего.

— Ну, как она, жизнь-то? Оклемался маленько после сева? — спросил Ошкоков Степанка.

Тот пожал плечами.

Сидор Антонович устало шлепнулся на лавку, плешивую голову втянул в плечи. Было видно, зашел не с простым делом, приготовился к длинному разговору. От напряжения у Степанка колени задергались. Да не тянул бы он душу, говорил бы, что ли.

И председатель заговорил:

— Вот, значит, Степанко, дела-то какие. Дела, брат, хоть волком реви. Не успеешь с одним управиться — глянь, за другое браться надо. А там и третье на пятки наступает.

Все опять перевели дух. Раз Ошкоков заговорил о работе — значит, направит Степанка куда-нибудь, это

уж ясно как день. Ну и пусть, лишь бы не худая весть с войны...

Председатель втянул голову еще глубже в плечи, поморщился, точно щелкнули ему по больному зубу.

— Пары пахать надо, навоз вывозить надо. Надо же сегодня-завтра выходить на луга. Все надо, надо. Везде требуется народ, а тут еще сейчас только принесли из района приказание: завтра же отправить в ямщину пару подвод. В Кудымкар, мол, горох везти надо. Что бы там ни случилось — надо. Иначе... сами понимаете... Война — ничего не попишешь...

Мать так и встрепенулась, в отчаянии хлопнула по бокам:

— Господи, да куда же он поедет? Парень в чужой деревне еще не бывал, сгинет в трудной дороге. Да и лошадка вконец заморена, позавчера на поле едва последний круг сделала. Того и гляди с ног свалится. Как на ней до Кудымкара доедешь? Ведь сто верст...

— Не надо этак, Мариш, — остановил ее председатель. — Парень уже в годах, жених, можно сказать, ничего с ним не случится. Лошаденка, конечно, того, заморилась мало-мало. Четырнадцать гектаров вспахал Степанко — это не шутка. Но Сырчик еще сильный, сходит до города. Да и не одного Степанка посылаю, а с надежным человеком. Митюбаран вчера обратно вернулся, не взяли его, малого, в армию. Вот с ним и направим Степанка. Лошадь у Митьки справная, в случае чего — поможет.

Степанку были лестны слова председателя. Обращались к нему уже как к взрослому колхознику. Это приятно было слышать. Только Сырчик вот... Позавчера на картофельном поле действительно шатался, будто на ходулях. Доедешь ли до города?

— Не знаю, что и сказать. Устал Сырчик.

— На сытой лошади и дурак доедет, а ты вот на заморенной сумей.

Мать поднесла краешек передника к глазам, пригорюнилась:

— Когда только кончится эта проклятая война. Не приведи господь...

— Скоро кончится, Мариш. По всем видам, дело к концу идет. Войска наши крепко дерутся. А что в газетах пишут? Союзники обещают-де наконец открыть второй фронт.

Дело было сделано, председатель заторопился куда-то по другим, не менее важным, делам. Но у порога остановился:

— Завтра утречком чуть свет и отправляйтесь, чтоб к сроку поспеть. Ты, Мариш, истопила бы баньку, пусть парень попарится перед дорогой. А ты, Степанко, не забудь котелок прихватить. Пригодится. Соли побольше возьми. Вдруг сварить что понадобится. Да телегу готовь с вечера, хорошенько смажь колеса-то. Дегтярку с мазью тоже не забудь. Брезент возьми, вдруг дождь пойдет...

Едва председатель вышел, Сашко так и налетел на брата:

— Дурак ты, какой все-таки дурак! Сразу согласился. А рыба?!

— Что — рыба?

— Так договорились же!

— Было дело, — вздохнул Степанко.

МИТЮБАРАН

Развеселые люди жили в Лобане, умели беду шуткой посолить. Не последним среди них был Митюбаран, с которым Степанку приказали отправляться в дальнюю дорогу. Тоже мог распотешить соседей, побасенку какую рассказать. И фигурой своей Митька заметный был в деревне. Ростом не вышел, зато так раздался вширь, что как ни крути-верти, с какой стороны ни глянь — мешок мешком.

В детстве Митька был озорником клятым-переклятым. Началось это еще в первом классе, в котором сидел он ровно три года. То лбом кого забодает, то плечом поддаст, то по загривку крутой рукой шибанет. И все это, разумеется, без всякой причины. Учиться у него не хватало проку, на каждую задачу, даже на самую пустяковую, смотрел словно баран на новые ворота. А вот в озорстве Митя — куда ты! С хвостиком! Именно за эти дела окрестили его в школе бараном. И пошло-поехало! Подрос со временем, остепенился вроде бы, в колхозе неплохо работает, лбом никого не бодает, по загривку никого не хлещет, а прозвище старое прилипло на веки вечные.

Попервоначалу называли Митю просто бараном, а когда подрос, стали называть его более уважительно:

Митю-баран. А народ в Лобане — это всем известно — говорит быстро, взахлеб, всяк отличается особой скороговоркой, поэтому не удивительно, что и прозвище и имя у Митьки произносили одним выдохом, слитно — Митюбаран. Попробуй тут оторви одно от другого, ничего не получится. Говорят, счетовод в конторские бумаги так и записал его — Митюбаран.

Сам Митя на все это, конечно, наплевал, до своего прозвища ему и дела нет. Он всегда и везде бодрый, веселый, говорит без умолку. Вот и сегодня так. Не успели выехать из деревни, а он, пригласив Степанка на свою телегу, уже рассказывал, как вызывали его вчера в военкомат и что из этого вышло. Три версты было от Лобана до районного села, а у Мити и рот не закрывался, язык так и ходил туда-сюда, точно заводной. Его мать, сидевшая тут же на телеге и тоже катившая зачем-то в село, только головой качала укоризненно.

— Пришел я, значит, в военкомат, ввалился в кабинет самого капитана. Так, мол, и так, товарищ начальник, прибыл по вашему приказанию, взял с собой котелок, кружку, ложку, как и было указано в повестке. А капитан и спрашивает: «Почему до сих пор не на войне? Почему дома околачиваешься? По какой такой причине только котелок и ложку прихватил, а продовольствие на три дня забыл?» Ну, за словом к соседям я век не ходил. Брякнул ему: «Виноват, товарищ начальник! Я дома не околачиваюсь, я дома воюю, а продовольствие не взял, как нету — уже на фронте оно». Не в духе был капитан, злой, видимо, плохо выспался. Как глянет на меня, как фыркнет, черные усики под носом так и зашестинились. Но я и тут не заробел — не из того десятка. Капитан пофыркал-пофыркал, взял меня за руку и к весам тянет. А я что? С полным почтением. Взвесил самолично, обрадовался: «Семьдесят кило. Богатырь!» Затем опять взял за руку, потянул к какому-то агрегату, чтобы, значит, рост мой измерить. Я опять с полным нашим удовольствием. Мол, меряй, меряй, коли так не видишь, какой я есть великан. И начал он тут колдовать. Подвел к агрегату вплотную, велел по команде «смирно» встать, собственноручно башку мне откинул. И смерил все-таки. Да ка-ак рывкнет на весь дом, ровно медведь: «Симулянишь, лешачий сын! Один метр

сорок семь сантиметров! Почему так мал?» Ну, об этом, говорю, моих родителей спросите. С полным удовольствием! Они должны доподлинно знать, а мне-то откель? Рассвирепел опять капитан, велел мне убраться с глаз долой...

Митька помолчал, плутовато подмигнул Степанку — дескать, смотри, какой я есть, — и продолжал:

— Так он, значит, и сказал: «Убирайся, молокосос, подрасти дома, да не груби мне больше, варнак. В строй ты не годен, а в трудовую армию возьму, жди повестку». Ну, говорю ему, этот номер не пройдет. Вы, говорю, товарищ капитан, еще не знаете меня. Недаром, говорю, меня бараном зовут. Раз не берете на войну, сам пойду. С полным моим почтением! Ну, капитан, ясное дело, взял меня за шиворот да как даст в самый лен, так я и вылетел из кабинета. Вот, брат, какие капитаны бывают. Это самое...

— Перестань! Перестань, говорю! — визгливо прикрикнула мать на болтуна. Но остановить сына ей не удалось. Митька разливался пуще прежнего, продолжал веселить Степанку:

— Ну, выскочил я на улицу, кубарем слетел с крыльца. Гляжу: мужики на завалинке сидят, к капитану очереди ждут. Один славный такой детина, русоголовый такой, симпатяга, не чета мне, спрашивает что да как. Я и рассказал, как обошелся со мной грозный капитан. Детина рассмеялся и ну же, черт, зубы свои белые показывать. Не понравилось мне это. Человека на войну не взяли, из военкомата в лен вытолкали, а ему, дикарю, весело. Ка-ак развернулся да ка-ак двинул ему под ухо — так и растянулся, подлец, завыл благим матом.

— Высокий был детина-то? — спросил Степанку.

— Высокий, лешачина. В два раза выше меня.

— Тогда загибаешь.

— Как это загибаю? Почему?

— Руки твои короткие, ростом мал.

Митюбаран растерялся на минуту, приумолк, но быстро нашелся:

— Да я же на завалинке стоял, а он в канаве...

— Перестань! Вот проклятый, на себя напраслину несет, — крикнула снова мать.

На этот раз Митька замолчал. Скорее всего потому, что подводы уже входили в село и стали попадаться

встречные. Неудобно все-таки, когда на тебя смотрят, разинув рты, незнакомые люди.

Степанко заключил: веселый человек этот Митюбаран. С ним, пожалуй, не заскучаешь. Только Сырчик вот... Эх ты! Не успели выехать, а уже вспотел. А до города сто верст.

ХЛЕБ ТЫ НАШ, БАТЮШКА

— Степанко, гляди-кось, а! Глянь-ка, Степанко, дела-то какие — дивно получается!

Ничего дивного, конечно, не было. На площади у военкомата стояло до десятка подвод — и только. Они, эти подводы, и привлекли внимание Митюбарана.

— Для мобилизованных подготовлены, понял? — таинственно сообщил он. Оглянувшись по сторонам и убедившись, что никого поблизости нет, добавил: — Сидеть бы мне сегодня на одной из тех подвод, катить бы прямохонько до станции, хи-хи...

— Если бы вчера в лен не вытолкали?

— Но!

У продовольственного магазина шумела длинная очередь. И она привлекла внимание Митюбарана:

— За хлебом стоят: ждут, когда привезут из пекарни.

— Ждут люди, — согласился Степанко.

Но вот и склады заготзерна. У забора тоже подводы, ямщики на телегах сидят. Размахивая руками, бабы о чем-то беседуют, наверное, домашние дела обсуждают.

— Глянь, сколь народу. Грузиться подъехали, — знающе заключил Митюбаран.

Остановив лошадь, он бойко спрыгнул с телеги и покатился к старику с огромной пегой бородой. Старикан одиноко сидел на крылечке конторы и, повесив голову, кажется, дремал.

— Здорово, земляк! — приветствовал его Митюбаран. — Опять в ямщину?

— В Гайны направляют. Овес приказали в леспромхоз везти, — уныло сказал тот. — Лошади падают, а все надо ехать.

— Так, так, батя. Вот и нас в Кудымкар вытурили.

Степанко бросил Сырчику клок свежего клевера. Кто-то не очень больно ткнул парнишку в спину кнутовищем, зафыркал. Оглянулся Степанко, а тут Колька Чугайнов зубы скалит. Степанко поздоровался с другом за руку.

С Колькой они целый год учились в одной школе. Вместе жили в интернате. Колька был тогда низкорослый, толстый, щеки огнем пылали. Он любил поозорничать, иногда куражился перед учителями — в общем был видный ученик. За последние годы сильно вытянулся, подрост и наполовину стал тоньше.

— Куда едете? Тоже в Гайны? — спросил Колька.

— Нет, в Кудымкар.

— Это хорошо. Хоть город увидишь. Как ты думаешь, хлебушка на дорогу дадут?

— Кто их знает. Председатель сказал: обещали-де. Хорошо бы...

Сели два друга на телегу, поговорили о том о сем, своих школьных дружков вспомнили. Оказывается, некоторые успели стать героями. Пашка Пешоркин, подумать только, тихий и тщедушный был, а выкинул штуку: без согласия родителей на фронт удул. Это после того, как не взяли добровольцем. Анька Закина, оказывается, окончила школу ФЗО и сейчас где-то на заводе чудеса творит: ее портрет напечатан в областной газете. Дела!

— А меня недавно в райком вызывали. В райком комсомола, — сообщил Колька.

— Чего там?

— Поговорили насчет того, что, мол, пора о комсомоле думать. Тебя не вызывали?

— Нет, не вызывали, — сказал Степанко. — Девушка из райкома сама у нас была. Тоже со мной беседовала: дескать, пора в комсомол.

Митюбаран заходил в контору и, выйдя, весело крикнул Степанку:

— Дуй на склад! Горох грузить приказали.

На складе поленицами лежали наполненные горохом мешки. Степанко так и ахнул: богатства-то, богатства сколь! Весовщик показал на штабель, велел класть мешки на весы. Митюбаран медвежьей хваткой взвалил на плечи тяжелый мешок, потащил кряхтя. Степанко тоже осторожно взялся было за мешок, но не смог его и с места сдвинуть.

— Маловато, брат, каши ел, — попытался пошутить кладовщик. — В мешке-то семьдесят пять кило. Стандарт.

— Если бы кашу, — огрызнулся Степанко.

Митюбаран уложил на свою телегу четыре мешка — три центнера. Степанко вместе с кладовщиком положил тоже четыре и сразу накрыл их брезентом, крепко-накрепко перевязал веревкой.

— Вам как, одну накладную выписать? — спросил кладовщик.

— Выпиши, пожалуй, отдельно, — сказал Митюбаран. — В дороге всякое случается.

Весовщик спорить не стал, выдал каждому по накладной, и подводы выехали на улицу. И только успел Степанко приблизиться к гомонящей толпе ямщиков, как среди них заметил очень уж знакомую фигуру. Спinoй к нему стоял белобрысый парень, худой и лохматый, одетый в темную пестрядинную рубашку и в некрашенные холщовые штанишки. Чтобы штанишки ненароком не сползли и не опозорили на людях хозяина, он предусмотрительно наладил крепкую лямку из сыромятного ремня и накинул через одно плечо. Такую лямку, наверное, на всем свете носил только один человек — это, конечно, Сашок.

Степанко щелкнул брата в темя. Тот сразу затараторил:

— Во, ножик забыл. А без ножика разве можно? Я сразу смекнул: никак нельзя. И вот прыг-прыг-прыг! И здесь. Я шибко бежал...

Сашок был несказанно рад, что застал брата, говорил громко.

Мать Митюбарана, смеясь, подошла к пареньку:

— Ох, углан, углан! И хитрый же ты растешь. Вишь, какую причину выдумал — ножик!

И впрямь, не из-за ножика прыгал сюда лукавый Сашок. Не успел встретиться с братом, спросил тихо:

— Степанко, а хлебушка выдали уже? Много?

Степанко улыбнулся.

— Нет, Сашок, не выдали пока. Вот выдадут, тогда...

Хлеб сначала выдавали кокоринским ямщикам, целым обозом отправлявшимся в далекие Гайны. Степанко и Сашок стояли у ларька, наблюдали, сколько кому дают. Подходяще! Вот тот бородатый старик уже

держит в руках полторы буханки черного хлеба, столько же дали Кольке Чугайнову. Подходяще! Старичок, когда получил хлеб, широко и важно осенил свой лоб, прошептал, точно молитву: «Хлеб ты наш, батюшка...» А Колька Чугайнов сразу уселся на завалинку, отломил от неполной буханки большой кусок и начал молоть.

Настала очередь получать Степанку. Хорошо! И ему отвесили полторы буханки. Парнишка первым делом побежал к своей телеге. Здесь он долго — и так и сяк — вертел буханку в руках, не раз понюхал. Хлеб был мягкий, только из пекарни, и еще не успел до конца остыть. И запах был такой приятный, одурманивающий — голова закружилась. Сашко, не отрываясь и не мигая, смотрел на братнины руки, державшие хлеб, от нетерпения переминался с ноги на ногу.

— Во, Сашок, хлеб! — широко улыбаясь, сказал Степанко. — Давай ножик.

Сашко протянул ножик.

— Хлеб! — сказал он. Не утерпел — ткнул пальчиком в буханку.

Степанко отрезал ему большой ломоть, отрезал и себе. Затем достал из-под полога мешочек с солью, круто насолил свой кусок, начал осторожно кусать одними губами. А Сашок действовал совсем иначе. Он напихал в рот сколько влезло и — раз-раз! — проглотил все сразу.

Митюбаран с матерью тоже ели хлеб. Видимо, старушка затем и навязалась в село, чтобы отведать настоящего хлеба. Митюбаран ел, как Сашок, а старушка ела степенно, кусала понемногу, как Степанко. Затем Митюбаран спрятал полную буханку в мешок, затолкал его под брезент.

— А это тебе, мам, — протянул он матери оставшийся от полбуханки небольшой кусочек.

— Спасибо, сынок, спасибо, кормилец.

Степанко сначала хотел свою буханку тоже спрятать под полог, но потом подумал хорошенько, прикинул так и сяк и решительно затолкал в Сашкину сумку всю нетронутую буханку. Оставшийся кусочек положил к себе в карман.

— Вот, тащи домой, — сказал он брату. — Да смотри, не трогай в пути, отдай все матери. Она и разделит. А если тронешь, то берегись.

— Как это можно трогать? — удивился Сашок. — Ты давай, Степанко, завяжи сумку своими руками, чтобы я и вовсе развязать не смог.

Сашок был рад-радешенек. Хлеб!

ГЛАВНОЕ — НЕ УНЫВАТЬ

Кокоринские подводы тронулись в путь, вытянулись на пыльную гайнскую дорогу. Митюбаран и Степанко провожали их взглядами и, когда последняя подвода скрылась за угловым домом, тоже отправились. Колеса застучали по твердой укатанной мостовой, под тяжелой кладью заскрипели телеги.

После вкусного хлеба Митюбаран лег на мешки и уснул. Степанко привязал вожжи к тележному ящичку, спрыгнул на обочину. Идти решил пешком. Глядишь, Сырчик меньше устанет. Конечно, весу в Степанке не ахти, но не зря же говорят, что солдату в походе и лишняя иголка тяжела. Так же, наверно, и лошади.

По обеим сторонам дороги лопотали листьями березовые сколки, зеленели поля, покрытые всходами яровых, озимыми. Весна нынче была ранняя, теплая. Пройдет несколько дней, и озимые выйдут в трубку.

По обочинам, в рощицах, росла густая трава. Это радовало Степанка: будет чем кормить коня в дороге.

Одно плохо — дорога тяжелая. Начинались тягунны, давно проклятые ямщиками. После двух-трех километров лошади вспотели, лохматая шуба Сырчика покрылась пеной. И сам Степанко вспотел, снял холщовый шабур — летнюю куртку, бросил на мешки.

Подводы поднялись на крутую Казаринскую гору, и глазам открылась прямо-таки расчудесная картина. На десятки верст окрест расстилался лес, зубчатый, колючий. Отсюда он казался каким-то волшебным огромным одеялом, ворсистым, сшитым из разноцветных ярких кусков: на высоких холмах чернели ельники, чуть пониже золотились сосняки, а в низинах и по долинам речушек буйно зеленели березняки, кустарники. Над лесом плыла легкая дымка, и подумалось, будто кто-то в тайге затопил большую баню, озорно плеснул на каменку сразу несколько ве-

дер воды — и горячий сизый пар заструился между деревьями, поплыл над тайгой.

Степанко оглянулся назад. С высокой горы он увидел родную деревню. Смотри ты, как оно выходит! Больше пяти верст будет от Лобана, а видна деревенька, будто на ладони. Домишки, правда, маленькие-маленькие, еле различимы, зато вековые тополя и кедры — вот они, совсем близко. Хорошо виден и тот старый тополь, что растет перед их домом.

А недалеко от тополя другое пышное дерево чернеет. Это черемуха бабушки Аксины. Хорошая черемуха, памятная. В каждую осень ягод на ней полно, и все вкусные, сочные. Степанко и Сашок в прошлом году «помогли» бабушке Аксины обчистить черемуху, ладно справились... Да и чего греха таить, не только на черемухе побывали. Старая Аксины, их соседка, — личность богатящая. В огороде у ней всякая всячина так и прет: брюква величиной с голову, репа слаще меда, огурцы. Хорошо братья на грядках попаслись. Правда, стыдно потом было, да чего уж там, дело прошлое.

А все-таки вспомнишь про бабу Аксиныю — и всегда смеяться хочется. Приключилась с ней история, век не забыть... Нынче зимой в Лобане собирали для фронтовиков теплые вещи. Кто овчину принесет, кто полушубок, кто валенки. А бабушка Аксины для такого случая связала очень хорошие варежки — теплые, мягкие, из лучшей шерсти. Но прежде чем сдать их приемщику, зашла к Степанку и приказала сочинить письмо воину. Бабушка диктовала, а Степанко писал:

«Дорогой милый воин! Желаю тебе счастья и великой военной удачи. Вот посылаю тебе, милый, варежки, сама их связала. Носи на здоровье да бей супостата, чтоб ему, проклятому, лихо было. Ждем вас со скорою победой. Без вас, здоровых да сильных, в деревне тяжело жить.

Аксины из Лобана».

По приказу бабушки Степанко надписал обратный адрес и сунул письмо в варежку.

Ровно через две недели старушка получила ответ из-под Сталинграда. Прибежала опять к Степанку:

— Читай, углан!

Надо же такому случиться! Бабушкины теплые варежки, оказывается, угодили в собственные руки Ки-

рюхе Попану, недавно взятому на войну пареньку из деревни Бугор, что рядом с Лобаном!

Удивилась бабушка Аксинья:

— Ну и ну! Читай, углан, до конца!

Хорошее было ответное солдатское письмо. Кирюха Попан писал, что в начале января текущего года он находился в Сталинграде в самом пекле, бил врага жестоко, за что лично генерал вручил ему медаль «За отвагу», что он, Кирюха Попан, до армии мечтал жениться и взять обязательно лобановскую. «Жалко, — писал воин, — с тобой, милая, не встретились. Судя по варежкам, девка, ты великая мастерица. Будешь ждать?»

— Прекрати, прекрати, супостат! — рявкнула строгая старуха. — Не читай боле! Охальник он, этот Попанов сын. Охальник!

— Бабушка, да мы же сами виноваты! — рассмеялся Степанко. — Забыли тогда сообщить... Это самое...

— Все равно охальник!

Расстроилась старушка и под страхом божьей кары велела Степанку никому не говорить об этом письме. И правильно сделала: народ в Лобане известно какой.

...Под крутую гору подводы спускались легко. Лысанко даже задумал потрусить рысцей, и Митюбаран проснулся. Он усердно протер заспанные глаза, рукавом рубахи смахнул слюну с подбородка. Оглядываясь, широко разевал рот.

— Ого, мы уже за Казаринской! — удивился он. — Славно! Если будем так шпарить, скоро в Кудымкаре будем.

— Прыткий ты.

— А чего ж... Ехать так ехать.

Соскочил Митюбаран с телеги, зашагал рядом со Степанком. Молчать он не умел, заговорил сразу же.

— Красивый месяц июнь, а скучный все-таки. Глазу морока.

— Чего так?

— Пустота. Если бы отправили нас в ямщину через месячишко-другой, мы бы с тобой, Степанко, на славу повеселились. Через месяц в каждом огороде поспеет картошка, брюква да репа. Жри, сколько душе угодно. С полным удовольствием.

— Осенью хорошо, — усмехнулся Степанко, вспомнив огород бабушки Аксиньи. — Хорошо осенью. В эту пору в огороде всего хватает.

— Еще бы! Ездили мы как-то тоже в Кудымкар, дело в августе было, уже жатва начиналась. Веселились, врать не буду. Приезжаем в деревню обычно ночью. Отдохнем маленько и перед самым рассветом, когда собаки даже дрыхнут, мы в это самое время и заходим в огородишко, да и копаем себе картошки, сколь надо. А затем деру — подальше от этого места. Гоним лошадок куда-нибудь до речки, костер запалим и — веселись душа. Беда ловко выходило.

— Печеной в золе картошки я могу слопать целое ведро, — заметил повеселевший Степанко. — И всякий овощ почему-то на чужом огороде завсегда слаще кажется...

— Точно! Это ты, Степанко, очень верно сказанул! И жаль — рановато нас вытурили. Ну да ладно, что-нибудь придумаем. Дай только до реки добраться.

Дорога между тем запетляла на подъем, лошади сбавили шаг. Сырчик повесил голову, сгорбился и, наверное, остановился бы отдохнуть, если бы не топал впереди Лысанко. Лысанко шел бодро, и Сырчик старался не отстать от него. Понимает и он: вдвоем веселее.

— Вспотел мой Сырчик. Дотянет ли до города? — с тревогой сказал Степанко.

— Вспотел. Пожалуй, того... — отозвался Митюбран. Но тут же успокоил Степанка: — Слишком-то не тужи. Мы тоже кое-чего можем. Вот послушай-ко, какой случай однажды со мной приключился. Попер я, значит, из ФЗО. Кормили там нашего брата как на убой — вот и не понравилось мне это. Со станции домой на своих двоих — топ-топ, топ-топ... Устал я, чисто лешак после свадьбы. В ногах гуд, горят они. Прилег вечерком на обочину, думаю: назад вернуться в ФЗО — смыслу нет, домой чесать — ноги коротки. А тут и ночь навалилась. Что же делать-то? Но вдруг вижу: лошади недалеко пасутся. Эге-е! Поймал я одного воронка, из ивовой коры уздечку смастерил, сел и посакал, что тебе барин. Весело стало, куда с добром. Километров двадцать гнал галопом, а потом пожалел лошадку, отпустил сердягу. Лошадь — тварь разумная, на чужой стороне околачиваться не будет,

все равно к своим прибежит. И совесть моя будет на месте.

— На чужой лошади скакал? — искренне удивился Степанко. — Ну и ну! Я бы ни за что не догадался.

Митюбаран широко улыбнулся и, озорно зажмурившись, рассказал, как он на чужих лошадях тогда, точно на перекладных, добрался со станции до самого Лобана.

— Видел, как получилось, а? — ухмыльнулся он. — Словом, бывали дни веселые. Вникай!

И вникай тут нечего. Степанко окончательно уверился, что его товарищ, хоть и болтун всем известный, но изобретательный малый, с таким не пропадешь. Интересно, что же он такое выкинет на реке Косе? Засосало под ложечкой, в животе заурчало.

— Далеко еще до реки? — спросил осторожно.

— Пустяк. Километра два, не больше, — сказал Митюбаран и загадочно усмехнулся.

КАК КОНЧАЕТСЯ ДЕТСТВО

Уже два года гремела война. Но жизнь шла своим чередом.

В пермяцкой парме стучали топоры, визжали пилы. Люди и зимой и летом валили вековые деревья, вывозили на берега бревна и каждую весну сплавляли их.

Нынче зимой Степанко тоже два месяца потрудился в тайге. Тяжела там работа. Но выдюжил парнишка, справился с заданием. На своем Сырчике выволлок по лесовозной делянке немало лесин. И сейчас, когда они с Митюбараном вышли на многоводную таежную Косу да увидели, что по ней непрерывным потоком идет молевая древесина, Степанко первым делом подумал: «Тут где-то и мои бревна плывут...»

— Плывет! Хороший лес плывет, — глядя на воду, задумчиво сказал он.

— Да, ничего лесок. Построить бы себе домишко вон из тех бревен — тысячу лет простоит, — согласился Митюбаран.

На крутом берегу они распрягли лошадей. Митюбаран сразу же притащил откуда-то сухие палки, вывороченные половодьем пни-раскоряки и запалил большой костер. Степанко сбегал к реке, зачерпнул в котелок воды, поставил на огонь вскипятить.

— Сейчас мы, Степанко, так налопаемся, — болтал неумолимый Митюбаран, — что больше три дня не захочешь есть. Вот погоди...

Рядом плескалась река, и в ней, в тихих заводях, надо полагать, водилось немало всякой рыбы. Почему-то думалось, что Митюбаран, этот бывалый и дошлый человек, достанет из-под брезента какую-нибудь хитроумную снасть, запросто наловит лещей и щук и сварганит небывалую уху. Но Митюбаран никакие снасти доставать не собирался.

— Дела-а! Повезло нам, — сказал он. — У тебя кумпол-то не с дырками? Тогда слушай. В прошлом годе с Кона Олешем в Гайны съездили. Дело, брат, было тоже летом, хлеба на дорогу не дали, а везти приказали тоже горох. Смекаешь? Лесозаготовителям везли его. Ну и вот, значит, так. Есть до смерти хочется, а какую такую баранину? Тогда я и говорю: «Олеш, давай-ка сварим горошницу». — «Так ведь горох-то того... убавится», — отвечает мне Олеш. Человек он, сам знаешь, маленько тронутый, голова у него вовсе без всякой выдумки. Ну да ладно. Я, Степанко, возьми да и открой ему один секрет.

— Высыпал горох и в мешок добавил песку?

— Эка ты! Тоже — песку. Воды налил! Бухнул сколь надо, и дело с концом. Горох любит воду, набухает. Сколь ни лей, все сожрет. И никакого изъяну. Вот сейчас...

Едал Степанко когда-то горошницу, едал. И говорить нечего — вкусна штукавина. Известно ему и то, что горох уважает влагу, набухает. И если взять из мешка с котелок, то вряд ли кто заметит. Догадливый Митюбаран, сообразил.

Слюнки потекли у Степанка, перед глазами круги пошли. И видения разные начались. Всплыла из воздуха плутоватая рожица брата: «Везет тебе, Степанко, беда как везет! Почему меня с собой не взял? Вот бы налопались горошницы!» — «Но ведь казенный...» — замылся Степанко. — «Чепуха! Чепуха! Нынче все мы казенные!»

Это верно, все мы казенные нынче. И горох, и лошадь. И даже сам себе не свой... Так как же?

— Сегодня для хорошего почину сварим горох с моего воза. На всякое дело рука у меня легкая. А завтра... коли захочется... сварим с твоего воза.

Горошница получится дай боже, — говорил Митюбаран.

— В прошлом году, говоришь, все гладко было?

— Шито-крыто.

— Так-то неплохо бы, — задумчиво сказал Степанко.

Опять Сашкина рожа выплыла, улыбнулась ободряюще: «Везет тебе, Степанко! И не трусь. Помнишь, как в прошлом году на бабкином огороде паслись? Брюкву слямзили, огурцов перепробовали. Думаешь, догадалась бабка Аксинья? Черта с два! Ничего она не заметила. Сойдет и сейчас. Подумаешь, с полкотелка гороху взяли. Капля в море. Даже меньше капли».

Но вот в тумане какая-то новая фигура неожиданно замаячила. Все ближе, ближе к Степанку подходит. Мужичок вроде. Кто такой? Худой он, бледный, впалые щеки обросли щетиной. Господи, да это же Кадуля Терень! «Сгинь, сгинь, нечистый дух! Тьфу!» — прошептал Степанко.

Вот лешачье наваждение! Откуда взялся? Кадулю Тереня, квелого мужичка, придавленного всякими болезнями, нынче судили в Лобане. Украл семенной пшеницы на севе, и увели его милиционеры куда-то, говорят, дали немалый срок. И вот, пожалуйста, из тумана маячит. Можно подумать, убежал из тюрьмы.

На лбу испарина выступила, ноги подкосились. Чтобы избавиться от наваждения, Степанко быстро провел ладонью по лицу, глаза продрал. Нет никого в тумане — ни брата, ни Тереня. Один Митюбаран во зится у телеги, какую-то песенку мурлычет.

— Сейчас мы соорудим. Хо!

— Не надо, Митя! Не надо горошницы.

— Ты сыт?

— Сыт я, Митя. Не хочу есть.

ССОРА

Не соврал Степанко, правду сказал. Есть и в самом деле расхотелось. С перепугу, наверное. Спасибо Кадуле Тереню, образумил, не дал сгинуть. И легко стало, будто стопудовую глыбу с плеч сбросил. «Казенный горох — это не брюква из чужого огорода. Понимать надо, дурак!» — пристыдил себя паренек.

Нехорошими словами обругал он себя за минутную слабость, червяком обозвал, скотиной. И когда окончательно избавился от наваждения, твердо решил: что бы там ни случилось, а казенный горох трогать не будет. Ни в коем случае. Ну его!

— Струсил? Вроде не из того десятка? — усмехнулся Митюбаран.

— Не струсил я, Митя. Просто есть не хочу. И еще... сцапают...

— Черт нас поймает! Не впервой.

Степанко еле стоял на ногах. А Митюбаран уже курочил воз, поднимал мешок. Он поставил его на попа, точно подушку. Он был сильный, этот человек. И ловкий. Не прошло и секунды, как мешок был развязан и перед Степанкиными глазами матово блеснули в темноте крупные белые горошины. Митюбаран зачерпнул из мешка полный котелок. И он, конечно, сварил бы. И вылил бы в мешок сколько надо воды. Но Степанко вдруг дернул его за рукав, показал в сторону леса.

— Идет кто-то. Сплавщик, поди, — сказал тихо.

— Где? Кто?

Митюбаран быстро высыпал горох обратно, завязал мешок, свалил его и проворно накрыл брезентом. Спрыгнув с телеги, прислушался. Вокруг тихо. Только лошади звучно мурскают сочную траву да где-то не совсем в урочный час тревожно прокрякала утка.

— Где ты увидел сплавщика? Померещилось?

— Мне, Митя, отец вспомнился. Он ведь на войне, солдат. Что, если нальют отцу горошницу, а она, горошница-то, из гнили? Что он обо мне подумает?

— Кто подумает?

— Да отец, кто же еще?

— Болван ты.

— Пусть болван.

Митюбарана точно подменили. Он в течение минуты буравил Степанка острыми злыми глазами. При этом как-то странно, быстро-быстро перебирал ноги, вертел головой. Ни дать ни взять — баран.

Степанко струсил: «Сейчас забодает!»

— Вот что, дружок, — растягивая каждое слово, внушительно начал Митюбаран. — Человек ты еще сопливый, только вылутился, и умишка в твоей ды-

рявой башке нет ни грамма. Ты думаешь, со мной можно шутить?

— Какие шутки? — оборвал его Степанко. — Мне еще Кадуля Терень вспомнился. Хорош я буду солдатский сын, если за воровство, как этого Тереня, в тюрьму посадят.

— Дурак он был, этот Терень. Ты думаешь...

— Ничего я не думаю.

— Расскажешь? Значит, донесешь?

— Зачем доносить? Мы просто не возьмем горох, вот и все. Недавно со мной девушка из райкома говорила, мол, пора о комсомоле подумать. Примут меня в комсомол, если испортим казенный горох?

Митюбаран был страшен. Степанку показалось, что обязательно полезет драться. И он приготовился к отпору. «Тресну ему в живот — и свалится». Но Митюбаран драться не стал, ворча себе что-то под нос, пошел прочь. Он как-то сразу сник и бормотал глухо!

— Дурак ты. И более ничего. Давай спать.

— Давай спать, — согласился Степанко.

ВОТ ТЕБЕ И КУДЫМКАР

Недалеко в тумане паслись стреноженные лошади. Они звучно хлестали по бокам хвостами, отгоняя гнуса. Где-то за кустами заскрипел коростель: мер-р-р, мер-р! Из тайги с того берега отозвалась старая скрипучая сушина: гер-р. «Это что еще за чучело? Кто дразнится?» — верно, подумала пичужка и заскрипела пуще прежнего. В густой траве бойко застрекотали кузнечики.

Было сыро и зябко, и Степанко перебрался на мешки, под полог. Дневная жара пригрела горох, на мешках было тепло. Усталый Степанко моментально заснул. Когда он проснулся, над широкой рекой уже низко летали утки, а в небе, на стороне Лобана, во весь свой позолоченный лик сияло ярко-красное солнышко. Со стороны реки тянуло приятной мягкой сыростью, там в осоке квакали лягушки, плескались шустрые рыбки. Туман уже растаял, но на стебельках трав еще блестели бусинки росы.

Степанко не сразу заметил, что на реке он один. Глянул туда, глянул сюда, а Митюбарана и след пропал. На том месте, где вчера стояла его телега, была

только измусоленная трава да чернел свежий конский навоз, сплошь покрытый мухами. «Оставил! Неужели оставил?» — испугался Степанко и, не помня себя, бросился к лошади.

Он быстро и ловко запряг Сырчика, выехал на дорогу. По всем приметам, Митюбаран уехал только-только, примятая колесами трава не успела еще распрямиться, следы не покрылись росой. И Степанко решил во что бы то ни стало догнать наглеца. Что ни говори, а лошадка у Митюбарана справная, куда сильнее Сырчика, и в случае, если понадобится подниматься на крутую гору, Лысанко поможет тянуть тяжелый воз.

Надо догнать! Но как?

Степанко щелкнул хлыстом, и отдохнувший за ночь Сырчик запрядал ушами, заметно прибавил шагу. Несколько километров шел бойко. Кажется, и ему хотелось быстрее догнать товарища — одному скучно...

Позади осталась какая-то худенькая деревенька, точно вымершая — без собачьего лая и петушиного пения. Подвода взобралась на холм. Окрест виднелись небольшие рощицы, перелески, поля. Впереди по холмам и полям бесконечной лентой вилась серая пыльная дорога. До боли напрягая зрение, Степанко силился увидеть на ней одинокую подводу, надеялся заметить Митюбарана. Но дорога, насколько хватало глаз, была безлюдна. Митюбаран, видно, катил уже где-то за холмами.

Нет, кажется, не догнать.

Оставил Митюбаран Степанка. А председатель Ошкоков говорил, что Митюбаран — человек надежный, в случае чего поможет. Вот тебе и помог.

Сырчик! Сырчик! Ты не останавливайся, шагай бодрее, Сырчик!

Солнышко, уймись! Хоть на часок спрячься за облака — без тебя жарко!

Степанко одиноко постоял на холме, в тоске долго смотрел в сторону Кудымкара. Затем оглянулся назад. За рекой Косой в утренней дымке чернела одна тайга. Родной Лобан был уже далеко.

Чем быстрее хотелось ехать, тем медленнее шагал Сырчик. И донец выдался куда жарче вчерашнего, до невозможности душный и знойный. На небе ни еди-

ного облачка. Там беспрестанно пылает солнце, ошалело кидает на землю невыносимую жару.

Эх, хотя бы небольшой дождичек брызнул!

Выбьется из сил Сырчик, станет.

Вот впереди опять виднеется деревня. Рядом с ней большой холм, круглый, точно каравай. Сумеют ли подняться? Если не хватит силенок у лошади — беда.

Еще далековато было до холма, а коняга уже сгорбился.

— Но-но, Сырчик, давай! — крикнул Степанко, толкая телегу сзади.

Заскрипела дуга, струной зазвенели отосы-расчалки. Под тяжелыми колесами противно заскрежетала мелкая галька.

— Сырчик, давай, Сырчик!

Половину дороги Сырчик осилил, поднялся не отставиваясь, затем как-то отрешенно мотнул головой и, сделав еще полшага, остановился.

Тяжелая телега тотчас потянула обессиленную лошадь обратно, пришлось пихнуть под задние колеса камни.

Ну вот и все. Вот тебе и Кудымкар!

Степанко навалился на мешки, часто задышал.

А в голове ни одной доброй мыслишки, все завертелось, закружилось, к горлу комок подступает. От обиды на Митюбарана сердце сжимается. Растерялся Степанко.

ВАЖНОЕ ОТКРЫТИЕ

А со стороны деревушки доносились громкие женские голоса, там мычали коровы, бренчали ботала, разок-другой хриплым баском тьякнула собачонка. В деревушке шла жизнь. Сходить, что ли, туда? Поговорить с людьми, все легче станет.

Не хотелось терять дорогого времени, хотелось как можно быстрее ехать вперед, догнать Митюбарана. Да поди догоняй!

Надеясь на что-то хорошее, Степанко зашагал в деревню. На ходу ругал Митюбарана самыми распоследними словами. Потом ругал себя за то, что так опростоволосился, проспал у реки все на свете. «Засоня! Еще нюни распустил, когда люди под боком. Свет-то, надо думать, начинен не одними Митюбаранами...»

Успокоился Степанко только в деревне, когда, миновав угловую избенку, заметил телегу, двигавшуюся навстречу. Мотая головой, по ухабистой дороге ступала грязно-пегая лошадь. На телеге сидел парнишка лет десяти и помахивал хворостиной. Пригляделся Степанко и чуть не ахнул, до того парнишка был похож на Сашка: такой же белобрысый, в холщовой одежонке и что главное — сыромятный ремешок перекинут через плечо.

Ехал он прытко и при этом улыбался. Улыбка и успокоила Степанка окончательно.

— Чему так радуешься? — спросил он, заложив руки за спину.

— Смехота у нас, хо! — с готовностью сообщил тот. — Корова в своем навозе утопла! Хо-хо!

— Как это случилось? Почему утопла?

Парнишка объяснил. Оказывается, зимой из скотного двора не убрали навоз. Весной он раскис, а тут еще вчера как раз под скотным двором вдруг ни с того ни с сего забил ключ.

— Такая струя — до потолка! — заливался он чистым колокольчиком. — Бабы вырыли канаву до самого лога. А канаву-то ночью залил навоз. А корова, дура, сломала изгородь и угодила туды. И утопла! Хо-хо!

— Вытащили хоть, нет?

— Выволокли! Всем колхозом!

— И ты радуешься? И тебе смешно, дурачок?

— Дак интересно же!

— Ничего интересного. Лучше расскажи, куда так прытко скачешь?

— За соломой. На гумно послали. Новую подстилку в коровнике надо подбросать, чтобы коровы больше не топили.

— Это другое дело. Давай вон до той подводы вместе и поскачем. Там я тебе другую комедию покажу.

— Давай!

Прытко скакала грязно-пегая лошадь, жалобно скрипели колеса, переваливаясь через колдобы и канавы. Ямщик улыбался, вот-вот расхохочется.

— Это твоя телега? — спросил он, когда подъехали.

— Вот именно. А лошадь, видишь ли, стала. Не может поднять груз на холм. Давай-ка поможем ей.

— Лошади? А как?

— Ты читал, как ездили раньше барины? Цугом! Вот сейчас... Развяжи свою веревку, неси сюда. Комедия будет — ахнешь!

Парнишка послушно развязал веревку, подал Степанку. Примерив хорошенько, Степанко сложил ее вдвое и привязал концы к гужам своей упряжки. Затем, подогнав телегу развеселого человечка под самую морду Сырчика, привязал сдвоенную веревку к задку.

— Давай садись на свою лошадку и гони! Мы мигом, двойной тягой...

— Это интересно! Хо-хо!

Взлетел паренек на круп коняги, взялся за поводья. Степанко затормошил Сырчика, щелкнул плетью. Скрипнула дуга, зазвенели отосы.

— Сырчик, давай! Сырчик!

— Хо-хо! Едем!

Пошла машина! Заскрипели телеги, застучали колеса! Десяти минут, наверно, не прошло, как преодолели подъем.

На вершине холма, убрав веревку, они немного побеседовали. Беседовали солидно, как и положено двум мужикам, встретившимся в пути. Углан сообщил, что папка его на войне, уже год, как не пишет письма. Степанко посочувствовал ему, обнадежил: всякое на войне случается. Может, солдату просто нельзя писать, вот и молчит пока, а потом обязательно напишет и вернется домой.

— А я горох везу воинам, — похвастался он. — Вот четыре мешка. Знаешь, сколько обедов можно сварить из этого гороха?

— Интересно!

— А вот считай. В четырех мешках триста килограммов, это ровным счетом триста тысяч граммов. А на один суп возьми, ну самое большее, двести граммов. Сколько получится?

— Много!

— Конечно, много. Получится, брат, ровным счетом тысяча пятьсот обедов. Это значит, можно будет накормить целый полк солдат!

Промолчал на этот раз угланишка, ничего не сказал, только рот раскрыл от удивления. Степанко поблагодарил его за помощь и велел навозить как можно больше соломы, чтобы колхозные коровы больше

не тонули в навозе. Ямщикок уехал. Глядя ему вслед, Степанко почувствовал, что тот опять улыбается во весь свой рот.

— Но, Сырчик, поехали!

Спускаясь под уклон, Степанко сложил из трех пальцев известную комбинацию, мысленно поднес Митюбарану: что, донял, подлец? На-кось, выкуси! Без тебя обошлись. Эх ты, баран!

ПИКАН РАСТЕТ ПОВСЮДУ

В самый полдень, когда солнце палило особенно немилосердно, Степанко завернул за обочину и у широкого извилистого лога распряг Сырчика. Бедная лошадь тяжело дышала, бока ее так и ходили ходуном, все мохнатое тело было в хлопьях пузырястой грязной пены.

Над лошадью столбами гудели кровожадные слепни и прилипчивые мухи, но Сырчик стоял не шелокнувшись. Он не мотал головой, не хлестал по бокам длинным хвостом. И это особенно встревожило Степанка.

— Бедный ты, бедный мой, — говорил он, обтирая бока Сырчика пучком травы. — Тяжело нам с тобой, шибко устали. Но ничего, все будет хорошо.

Степанко снял с лошади седелку, сбросил хомут. И тут же сокрушенно вздохнул: войлок хомута от лошадиного пота промок насквозь и задубел. А это плохо. Задубевший войлок может до крови натереть Сырчику холку — тогда пропало дело. Тогда беда.

— Ну, Сырчик! Ты давай ешь. Гляди, какая трава-то вокруг, любо-дорого. — Он говорил все это громко, стараясь вместе с конем успокоить и себя.

Сырчик и ухом не повел. Тогда Степанко достал из-под мешков свою заветную котомочку с солью, развязал ее дрожащими руками и высыпал на ладонь несколько щепоток. Соль, это всякий знает, для уставшей лошади — слаще пряника.

Осторожно, чтоб не обронить ни крупинки, Степанко поднял ладонь к губам Сырчика. Лошадка слабо пошевелила отвисшими губами, потянула горячими ноздрями. И тогда парнишка быстро накрыл ладонью Сырчику рот, начал тереть ему губы. Лошадь резко встряхнула головой, стала облизываться. Шер-

шавым и твердым, как подошва, языком она вылизала ладошку хозяина, покачала головой, будто сказала спасибо.

— Ну вот и хорошо, вот и хорошо, Сырчик, — обрадовался Степанко. — Сейчас я поведу тебя к самому лугу. Там трава мягкая, сочная. Там должен и ручей быть. Чего еще надо?

На дне оврага действительно журчал неширокий ручей. И трава между кустами росла сочная, по поясу человеку. Но это трава болотная, для лошадей мало-сытная. Надо нарвать клеверу. Клевер — это для всех животных наилучшая трава. Нынче зимой, когда Степанко работал в лесу, лошадям не давали ни грамма овса, а они знай себе возили и возили с утра до позднего вечера тяжелые лесины. А почему? Да только потому, что вдоволь давали добротного клеверного сена. И весной, во время сева, лошадей тоже подкармливали запаренным клевером. А то бы, хоть убей, не вспахали ни одного гектара.

Клеверное поле было рядом, и Степанко за малую пору нарвал порядочную ношу, приволок в овраг, бросил под ноги Сырчику. Лошадь снова мотнула головой, точно опять сказала хозяину спасибо.

Сырчику хорошо. Еда — вот она, под ногами.

А что делать самому, когда хочется что-то пожевать и нет у тебя даже черствой корочки? Последний кусочек хлеба Степанко доконал еще вчера. Сегодня с утра во рту не было ни крошки. И конечно, в животе давно играла настоящая музыка. Там беспрерывно что-то выло, что-то дребезжало и урчало. «Пожалуй, действительно хапну гороху. Не выдержу...» — подумал паренек.

— Не надо думать о еде, к черту! — громко сказал он.

Надо думать о хорошем, о светлом, тогда и есть раскоется. О чем таком светлом? Что радостного было в жизни Степанка?

Оказывается, было. Вспомнились довоенные летние вечера, шумные да веселые. Бывало, выйдут за околицу парни да девчата, заведут хоровод и ну же распевать песни. На околице они поют, а в лесу, под Журавкиной горой, другие парни да девчата разливаются: эхо так и гудит волнами, откликается озорно, дразня поющих.

Незадолго до войны Степанко тоже начал выходить на гулянки. Выходил, признаться, не своей волей — девчата заманивали. Тогда мал был Степанко, худенький такой да угловатый, а на гармошке лучше его в Лобане играть мало кто умел. Еще в школе он научился играть частушки, после как-то незаметно, вроде бы мимоходом, стал играть песни. И как вечер, так и бегут к нему девчата, известные в округе мастерицы попеть да поплясать. А Степанку что — приглашают, так надо идти. Выйдет за деревню с гармошкой, сначала свою любимую поиграет «Как родная меня мать провожала», а там и за новые песни примется. И загорается за Лобаном, на зеленом пригорке, настоящий праздник. На небе луна улыбается, рядом березовая роща листочками лопочет, точно в ладоши бьет, а на лужайке девчата в ярких красивых платьях пляшут. Степанко играет и играет, гармошка рассказывает всему свету, как ходила на крутой берег Катюша, заводила песню про того парня, которого любила.

...Вспомнилось все это Степанку, вроде бы легче стало. А есть не расхотелось. Наоборот, еще сильнее засосало под ложечкой. В голове непонятный гул, вискам больно.

Кругом была тишина. В этот полуденный час на кустах у оврага не гомонили пичужки, не трещали в траве кузнечики. И казалось, что на всем белом свете такой же покой, такая же тишина. Не думалось, что в этот самый час где-то без умолку трещат пулеметы, ухают снаряды, что где-то солдаты поднимаются в атаку, и для кого-то из них эта атака — последняя...

Тишина вокруг. Только Сырчик, переморенный и усталый, хрумкал клевер. Он ел сначала беззвучно, будто одними губами, затем вдруг громко зафыркал, а чуть погодя стал изо всех сил обхлестывать бока хвостом. Это хорошо. Степанко любовно похлопал коня по высохшему крупу, с телеги взял котелок и спустился к ручью. Что бы там ни было, а надо зачерпнуть воды, развести костер и вскипятить хотя бы чай. «Вот нарву себе побольше клеверных куколок, запарю в котелке и слопаю. А что? Клевер — это белок. Насолю и съем», — думал он. И еще он подумал о том, что горох тяжело везти, лучше бы камни, что ли. Или, скажем, чурки березовые...

Ну, да ладно. Чего уж там...

Ручеек был неширокий, перешагнуть можно. Но вода в нем бурчала светлая и чистая. Не иначе, его поил и поддерживал ключ. В некоторых местах трава была сильно примята. Как и он, Степанко, у ручья побывали, видимо, ямщики, поили своих коней, пили вкусную воду сами и отдыхали в прохладе. Ничего тут удивительного не было.

Удивило и обрадовало Степанка другое. В траве вдруг он заметил знакомые, узкие, точно луковичные перья, листочки, растопырившиеся веером на сочном стебле.

Пикан! Да это же как раз то, что требуется! Пикан, конечно, трава, но не такая уж простая. Знаменитая в общем трава, ничего плохого не скажешь. Председатель Ошкоков на все лады хвалил ее. До того нахвалил, что девчата частушки сочиняют. Ха!

Перед всем честным народом
Разливался как баян:
— Слаще хлеба, слаще меда
Знаменитый наш пикан!

Улыбнулся Степанко, развеселился опять и сам не заметил, как запел у ручья:

Слаще хлеба, слаще меда
Знаменитый наш пикан!

Вода есть, котелок — вот он, спички в кармане. На лужку, у старого остожья, полно бросовых гнилых жердей — эти на дрова пойдут. У лога в траве растет пикан. Нарвать, сварить — чего же еще надо? Ничего больше не надо. Хорошо, что вчера не поддался на уговоры Митюбарана. Казенный горох он не тронет. Он заставит себя думать, что в мешках вовсе не горох, а камни. Так лучше.

А солнце сияло, весело подмигивало ямщику: не трус! Будем живы — не помрем.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЗАВИДУЕТ СТЕПАНКУ

Еще спускаясь к ручью, Степанко заметил на дороге человека, появившегося со стороны Кудымкара. Из рассказов бывалых людей парнишка знал, что где-то недалеко впереди должен быть старинный торговый посад Юм. Одинокий путник шел не иначе из

этого посада. По тому, как он шел, можно было безошибочно заключить, что спускается с горки отнюдь не первостатейный молодец. В длиннополом шабуре, похожий на огородное чучело, он топтался почти на одном месте.

Степанку почему-то показалось, что идет это охранник полей, который непременно спросит, на каком таком основании он, Степанко, посмел «скосить дугой» чужой клевер. Что там ни говори, а рвать с колхозного поля траву, пусть даже для переморенного Сырчика, — дело нехорошее.

Но так он думал только вначале, когда человек неожиданно появился на взгорье. А потом махнул рукой: вряд ли будет приставать такая немощь к незнакомому человеку. Да и то рассудить — эка беда, нарвал немного клеверу. Лето только начинается, вырастет еще травка человеку по грудь.

В котелке сначала клокотала вода, затем зашипело. Это значит, пикан «ожил». Чтобы не пригорело варево, Степанко раскидал костерок, оставил только немного углей. На малом жару пикан хорошо упреп и минут через десяток был готов.

Усевшись в траву, Степанко глотнул слюну. Осторожно, чтоб не опрокинуть, достал палкой котелок, подвинул к себе. И как раз в эту минуту совсем неожиданно незнакомец вышел из-за придорожных елей. Степанко сделал вид, что он занят только котелком и больше ничем.

— Здорово тебе, мал-мужичок!

— Здравствуй, дедушка. Присядь, отдохни.

За свою короткую жизнь Степанко успел повидать немало. Достаточно повидал и стариков разных, и старух тоже. Старых людей и в Лобане хватает. Но такого изможденного и дряхлого деда он, пожалуй, увидел впервые. Бороденка у деда была не больше заячьего хвоста, а глаза... Глаз не было видно совсем, они ввалились, словно спрятались. Щеки, лоб — все лицо, загоревшее до черноты, сплошь было покрыто морщинами. У рта морщины были похожи на глубокие борозды, а около глаз — мелкие-мелкие.

Он еле дышал.

Старичок снял войлочный колпак, вытер пот со лба. На солнце матово блеснул угловатый череп без единого волоска. Кажется, и на темени у деда были

морщины. А сам он сухонький, тощий, дунь посильнее — и разлетится тотчас, как одуванчик.

— Что, супец сварганил? — спросил он, обеими руками опершись на клюку.

— Какой там суп. Пикану нарвал.

Старичок облизнул обветренные, потрескавшиеся губы, закрыл на минуту глаза и задумчиво покачал головой:

— Так. Ешь пикан да хвоц — и будешь не тощ. Далеко?

— В ямщину. В город велели съездить.

— Так, мал-мужичок.

Бросив палку, старик крепко потер лицо и лоб, снял с плеч небольшую тощую котомку и, тяжело дыша, опустился на землю. При этом в коленях его хрустнуло так, будто там вместо костей были лучинки.

— Ноженьки мои, ноженьки, потопали свое, — криво улыбнулся дед.

Степанко попробовал варево, подумав, добавил соли.

— Может, есть хочешь, так давай садись рядом. Только вот беда — ложка-то у меня одна.

Ему казалось, что раз он голоден, то и все другие сегодня тоже помышляют только о еде. Особенно такой человек, одежка которого — заплатка на заплате и порыжевшие сапоги каши просят. Но старичок неожиданно отозвался:

— Не стоит беспокоиться. Я, брат, закусил-таки в Юму. Живет у меня там один старый дружок, Першин Ванька. Угостил на славу. Капусты квашеной выставил, вареными картошками попотчевал. Человек он шибко хороший. Недавно бедную сиротиночку приютил. Так уж лележит ее, так лележит...

Тут старичок пригорюнился, забормотал тихо, вроде как засыпая, в забытьи:

— Хороший он мужик, успокоил меня маленько. Вот и с аппетитом поел у него. А так я, паря, не могу уже есть. Не хочется.

Пошарив в кармане шабура, старичок вдруг вынул кусочек хлеба, протянул Степанку:

— Прими-ка вот корочку, пожуй о горячим-то.

Степанко даже растерялся, не знал, что и сказать. Подумав, хлеб все-таки взял.

— Спасибо. Без хлеба я сегодня. Спасибо, деда.

— Не стоит благодарности. Жуй.

Он снова закрыл на минуту глаза, тихо жевал и облизывал губы. Затем долго устраивался поудобнее, вытянул свои костлявые скрипучие ноги, сокрушенно вздохнул.

По всему было видно, никуда он не торопился, собирался посидеть порядочно, и Степанку это понравилось: вдвоем как-никак веселей будет коротать длинный знойный день.

— Да, сыт я, мал-мужичок. По горло сыт всякой всячиной. Скоро, сказывают, сто лет мне будет. Повидал свое. Давно пора на покой, да все господь не прибирает. А ты, паря, еще молод. Ты еще ничего не видел. И давай кушай на здоровье.

И Степанку уплетал. Он ел, обжигаясь, изредка поглядывая в сторону деда. Старенький тот, больно уж старенький.

Носком порыжевшего сапога старик легонько пнул свою котомочку, заговорил опять, будто про себя, задумчиво:

— Всякое повидал на своем веку. А этакое не привелось. Да. Не привелось, говорю, парень. Не доходил я до такого, чтобы народ меня боялся, стороной обходил. А нынче боятся, будто бы смерти. Филькина сноха намедни так и лягнула: «Увижу тебя, дедушка, и сердце так и захолонет...» А у Елески Могутного сноха, Дунька, значит, еще почище выразилась: «Лучше бы с самим лешаком повстречалась, только не с тобой...» Вот ведь, паря, как может случиться. Видал?

— Отчего же это так, дедушка? Вижу, ты добрый. Чего же бояться? — осторожно спросил Степанко.

— А вот этого-того... Из-за этой котомки, чтоб ей пусто было, — и старичок опять пнул свой мешок. — Ведь как получилось? Ты, председатель мне говорит, человек, уж на ладан дышишь, пахать и жать тебя не пошлешь, а до почты сходишь как-нито. А я, говорит, тебя хлебушком за труды буду подкармливать. Ну, я сразу смекнул, в чем загогулина. Бегут ноне почтари деревенские со своих должностей, не любят эту котомочку таскать, потому как тяжело. И я, понятно, начал брыкаться, отбиваться и руками и ногами. Не могу, мол, за такое браться, хоть голову отруби. Я, мол, лучше на пашню выйду, буду землю ковырять. Да куда ты! Все равно приказал: будешь почту носить —

и конец. Война нынче, пререкайся да рядиться некогда. Так рассуждал председатель. А затем, как лиса, подмасливать стал. Ты, говорит, дедушка, человек опытный, обходительный да душевный, все понимаешь, как и к кому подойти! Дело это, говорит, деликатное, не у каждого получится. А у тебя, глядишь, в аккурат и выйдет. И еще в Москву написать задумал.

— В Москву? Это зачем же?

— А так. Ты, говорит, нынче есть солдат, выполняешь боевое задание. Если хорошо выполнишь, как следует, до конца, то напишу в Москву, медаль тебе хлопотать стану.

Степанко ничего толком не понял, но спрашивать больше не стал.

Старик между тем развязал свою котомку, но прежде чем пошарить в ней, спросил Степанка:

— Ты, чай, грамотный, мал-мужичок?

— Бегал в школу до войны. А что?

— Хотелось бы знать, что я такое волоку сегодня. На почте начинал было расспрашивать, так ничего определенного не сказали.

Он вытряс из котомки целую кучу газет, большую пачку писем. Газеты тут же собрал и положил обратно, а письма протянул Степанку:

— Прочти адреса-те... Хотя стой!

Дрожащей рукой он взял пачку обратно, стал перебирать письма. В пачке были почти одни треугольники. На каждом треугольнике значился тоже треугольный штамп — воинский знак. Почудилось, будто от каждого письма вдруг повеяло пороховой гарью. Это были фронтовые письма. Почтарь выбрал из них всего один конверт, протянул Степанку:

— Откуль письмо?

Откуда оно — и не понять вовсе. Под адресом получателя, под жирной чертой, стоит только большое число, номер воинской части, больше ничего.

— Кому, мал-мужичок?

— Першиной Евдокии Тимофеевне, — медленно прочитал Степанко.

— Так я и знал, — прошамкал старичок.

Больше минуты он просидел молча, уткнув голову в колени, ни разу не шелохнулся. Затем быстро-быстро замигал ресницами, широко перекрестился.

— Царство тебе небесное, Савватюшко...

— Ты чего это, деда? Кого выдумал хоронить?

— Похоронка здесь. И прибыла она как раз той Евдокии, снохе, значит, того Елески Могутного. Выходит, не зря меня боялась, сердешная... Ох, ох! Сгинуть бы мне вместе с таким письмом.

— Вон оно что, — только и мог сказать ошарашенный Степанко.

— Пятеро детей, и все ма-аленькие...

Чтобы не торчать тут без дела, Степанко взял котелок и спустился к ручью. Он напился студеной ключевой воды, освежил лицо. Вскрапывая, к нему подошел Сырчик. Лошадь пила большими жадными глотками. Ее бока раздувались на глазах, и она уже проворнее мотала головой, отгоняя мух, сердилась. Значит, Сырчик не до конца выбился из сил. «Накормлю его здесь до отвала. Пусть отдохнет до вечера, — решил Степанко. — Вечером по холодку и тронемся. Ночью, глядишь, дотопаем до самой Юрлы, — говорят, есть такое село за Юмом...» Когда Степанко вернулся к телеге, почтальон был уже на ногах, с котомкой за плечами. Собираясь в путь, он говорил:

— Счастливый ты, парень, шибко счастливый. Пой песни и кати. Никогда никому не завидовал, а сейчас таким, как ты, завидую.

— Мне? Завидуешь? Да ты что, дедушка?

— Счастливый ты. Ты молод, и никто тебе не может приказать носить эту котомку. А я, кажись, допрыгался. Доконала меня котомка. Да.

— Я сегодня плакал, дедушка. Конь выбился из сил, и у самого ни грамма хлеба.

— Ну, это ты зря, парень. Когда нет хлеба, конечно, плохо. Но по себе знаю: есть захочется, да потом расхочется. Плакать не надо.

Он тяжело вздохнул и пошел, опираясь на клюку. Он нес за плечами снохе Елески Могутного горе. По всему видно, домой не торопился, шел все медленней и медленней, а у ручейка и совсем остановился. Обернулся, будто отгоняя сон, тряхнул головой:

— Толковый ты, вижу, паренек, самостоятельный. Может, поможешь мне, а?

— Помочь?

— Подмогни, мал-мужичок. Я уже еще хлебушка корочку тебе дам...

— Чем же я помогу-то? Сам в беде.

— А ты, милый человек, отнеси это письмо. Елсеке... Человек ты не здешний — отдай и беги обратнó. А мне — мочи нет... До деревушки рукой подать. Ужо хлебушком накормлю.

Степанко сделал вид, что сильно задумался. Он даже глаза закрыл, лоб наморщил, но мыслей не было. Он просто тянул время, чтобы очухаться. И когда чуточку пришел в себя, решительно замотал головой:

— Не могу я это, дедушка. Как же так? Я, дедушка, без хлеба и неделю проживу, а выполнить твое поручение не могу. Не могу, не могу. Понимаешь?

— Я-то понимаю... Не обессудь как-нито...

«ШПИОНЫ!»

Колеса монотонно стучали по каменистой дороге. Под колесами скрежетала мелкая галька. Бренчали железные подвески на узде, скрипела дуга.

Перед закатом солнца на деревцах придорожной рощицы громко верещали пичужки, пререкались между собой, долго не могли решить какой-то важный птичий вопрос. Но сразу же после того, как солнышко, бросив на землю последние длинные лучи, укатилось за дальний лес, пичужки успокоились.

Над лесом-пармой бледно светилась молодая луна. Куда-то плыли легкие облака, и Степанку казалось, будто луна, покачиваясь, несется ему навстречу.

На западе верхушки деревьев купались в огне. Ветерок запутался в ветвях, дышать стало легче. Сырчик гулко бухал подковами по твердой дороге. Покачивая головой, тихонько шел и шел вперед. Дорога здесь была укатанная, ровная. Она спускалась под небольшой уклон, и лошадка тянула телегу не останавливаясь.

Степанко был доволен собой: сообразил-таки покорить лошадку днем, в тени. На дневной жаре она после первых шагов выбилась бы из последних силенок, запыхалась, изошла потом. А сейчас шагала бодро. Видимо, и клевер помог.

После того, как старый почтарь ушел в сторону своей деревни, Степанко еще принес Сырчику добрую ношу клевера, накормил его до отвала. И на всякий случай с собой прихватил. Пусть себе лежит, пригодится. Вот дотащатся до Юма, Степанко остановит

Сырчика и опять накормит. Отдохнут в селе часок-другой, а там и опять вперед. Глядишь, к рассвету до самой Юрлы и дотопают. Половина пути за спиной будет.

Скрипела в ночной тишине дуга, стучали по твердой дороге колеса.

А Степанко думал. Он думал о матери, об отце, о братишке и сестренке, и снова о матери. Худо живет ей нынче, очень даже худо. Но она все-таки дома, дома и стены помогают. А вот как живется отцу там, на войне, где ухают снаряды и трещат пулеметы? Страшно, наверное, на войне, беда как страшно. А может, за два года уже привык и ему все нипочем? Кто знает. Отец об этом почему-то никогда не пишет.

Степанку очень хотелось, чтобы этот самый горох, который он возит, попал именно в ту часть, где сражается отец. Может быть, так случится? Бывают же на свете разные случайности. В жизни все может быть. Приключилась же история с варешками бабушки Аксиньи: не кому другому, Кирюше Попану угодили!

Долго обо всем размышлял Степанко. И даже вздрогнул, когда недалеко от себя услышал голос:

— Быстрей, быстрей водите! Шнель!

Глянул Степанко и растерялся. Совсем близко, у телеграфного столба, возились люди. Три мужика занимались каким-то совершенно непонятным, даже очень странным делом: один командовал, а двое — подумать только — пилили столб! Зачем?

Вредители! Так и есть — вредители! А может, даже шпионы. Никогда себя трусом не считал Степанко, но тут лоб моментально затянуло липким потом, сердце замерло. Шпионы! Подпиливают телеграфный столб, связь нарушают. И что будет, если заметят Степанка, если сцапают?

— Быстрей, говорю, быстрей!.. Шнель! — крикнул опять старшой. — Шнель!

Все-таки шпионы ли? Откуда им здесь взяться? Какая корысть забросит их в парму? Нет, здесь что-то не так. Эти люди наверняка просто ремонтники, заменяют подгнивший столб новым. Да, да, наверняка ремонтники.

— Но-но! — крикнул Степанко на Сырчика и щелкнул плетью.

Незнакомые люди тотчас обернулись.

— А-а, наконец-то! — обрадованно заговорил старшой. — Подъезжай, подъезжай, чего стал?

Пильщики бросили свой инструмент, выпрямились. А их командир, плотный пожилой дядька с длинными усами и давно не бритыми щеками, уже шел к Степанку навстречу.

Одет он был в военную форму, с погонами рядового, на ремне торчала кобура. А во рту какая-то загогулина, козья ножка, что ли.

— Табак куришь? — нетерпеливо спросил он и уставился на Степанку. Странный он был, этот человек, чудной какой-то: походка неровная, ноги подкашиваются, а глаза светятся, точно шалые.

— Табак куришь? — повторил он свой вопрос.

«Кажется, бить будет», — подумал с тревогой Степанку и не смог произнести ни слова, только промычал что-то.

— Да ты что, в самом деле, немой, что ли? Спрашиваю — имеются ли у тебя спички?

Последние слова он произнес по-пермяцки, даже на том диалекте, на котором говорят в Лобане, и Степанку быстро пришел в себя.

— Нет, табак я не курю, — наконец внятно ответил он.

— И спичек нет?

— Спички — вот они...

— Так чего же ты! Давай быстрей!

Степанку торопливо вынул из кармана спички и подал в дрожащие руки незнакомца.

— Чего такой бледный? Трусись? — насмешливо спросил тот, шумя спичками.

— Я — трушу? С чего это? Гляжу, взрослые люди, а озоруют, телеграфный столб пилят... Удивился — зачем?

Усатый дядька захохотал.

— Умора! Да мы, паря, огонь добывали! Сухую палку о столб терли, три пота пролили, и хоть бы хны. А ты — столб пилим!

Махнул рукой усач и торопливо, даже слишком торопливо, стал прикуривать.

— От дьявол, вот он, горлодер! — зажмурив глаза, произнес умиротворенно усач и чмокнул от удовольствия губами. — Дерет! У-у, дерет! Сейчас живем! Спасибо, выручил.

После нескольких затяжек он совершенно обмяк, устало шлепнулся на бровку кювета, вытянул ноги.

— Дерет! Не табак, а малина! Эй, господа хорошие, подь сюда. Шнель! — крикнул «пильщикам». — Бегите, говоря, к нам!

Два долговязых мужика в коротких шинелях энергично сдернули с голов мягые пилотки и, косясь друг на друга, нерешительно побрели к подводе. Передний был сутулый и заметно припадал на левую ногу. Второй, длинноносый и худой, прямой, как жердь, был совершенно лыс. Виновато и как-то растерянно улыбаясь, они присели на обочину, ничего не выражающим взглядом прошли по Степанку, кивнули головами.

— Кури, господа хорошие. Ничего, ничего, закуривайте, — предлагая кисет, насмешливо сказал солдат. — Битте! Уж сделайте такое одолжение.

— Данке, данке! — приподнявшись с мест, угодливо залопотали те.

— Кури, чего там.

Длинноносый взял протянутый кисет и неумело, рассыпая табак, стал завертывать сигарку. Усач снизходительно подмигнул Степанку, как бы говоря: смотри, мол, какие они, тоже ведь люди, а?

— Кто такие?

— Немцы, паря.

Степанка так и подбросило:

— Фашисты?! Наши враги!

— Внесем ясность: бывшие враги. Были зверями дикими. Сейчас-то они ручные.

Степанко в упор долго и бесцеремонно глядел на немцев.

— Немцы, фашисты... — прошептал он.

— Да, паря. И не простые, не случайные какие-нибудь, а из самого Сталинграда. Это прошу учесть. В Сталинграде, говорят, они дрались не на живот, а на смерть. И вот любуйся, какие они вояки после разгрома. Тише воды. Читал, поди, в газетах: более ста тысяч штук забрали их в Сталинграде. Вот и этих тоже.

Степанко, конечно, читал. Никогда ему не забыть, как зимой, когда трудился на лесозаготовках, приехал на делянку директор леспромхоза и, даже не поздоровавшись, объявил рабочим:

— Товарищи! В Сталинграде враг разбит! С победой вас!

Плотным кольцом окружили его рабочие, стремясь быстрее узнать подробности, поздравляли друг друга с победой, кидали вверх шапки, обнимались и даже целовались. А придя с делянок в бараки, все собирались вместе, будто одна семья, громко читали газеты. В них сообщалось о победе в Сталинграде. Людей ошеломяли многозначные числа: уничтожено фашистов столько-то, взято в плен столько-то. Сообщалось также, что фашистский главарь объявил по всей Германии траур.

— Так ему и надо, псу!

— Знай наших!

— Получили наконец по мозгам своим куриным! — ликовали лесорубы.

Вместе со всеми ликовал и Степанко.

Сейчас, сидя у дороги, он в упор смотрел на этих немцев, не в силах понять, что творится в душе: или злость клокочет, или радость через край прет. Хотелось встать, подойти вплотную и спросить с ехидцей: «Ну как, получили по роже?»

— Все выходит как по нотам, — заговорил между тем табакур, видимо угадав мысли молодого ямщика. — Рвались фрицы в Сталинград, а угодили прямо хонько в Кайский волок. Теперь лес рубят.

— Много их там?

— Хватает, паря. И работы для всех хватает. Даром их кормить не будем. И ничего. Трудятся все, послушные. А эти двое заболели зимой, занедужили. Пришлось увезти в больницу, что в селе Заречном. Полежали маленько, и вот обратно топаем. Я при их конвоиром значусь.

Солдат, сделав очередную свирепую затяжку, задымил. Немцы тоже курили, безучастно смотрели в землю, видимо, понимали, что речь идет о них.

— Не убегают? — спросил Степанко.

— Куда им бежать! Их, дьявол, и палкой из лагеря не прогонишь. После Сталинграда, думаешь, им хочется снова на фронт? Нашел дураков.

Конвоир бросил окурочек, растоптал его и сразу же стал завертывать новую сигарку.

— Проголодался я, паря, сегодня без курева. Смерть! Ведь надо же такому случиться. Умора! При

паническом бегстве пришлось бросить свою куртку, а в кармане спички были. Вот и остался без огня. Целых пять часов не курил, удивляюсь, как не помер. Если бы не ты, возможно, и помер бы. С этими фрицами и поговорить-то как следует нельзя. В общем, без курева — гроб! Шли мы, паря, тихо да мирно по дороге, дошли до одной деревушки, что вот там, за лесочком, и попали в переплет. У самой дороги на поле бабы навоз разбрасывали. И вдруг, слышу, одна крик подняла: «Бабоньки, глите-кось! Фашисты! Ей-богу, фашисты!» Что там они еще кричали, я, брат, не разобрал. И сообразить не успел. Вижу, кто с лопатой, кто с вилами, а кто с колом — прямо на нас, в атаку! Орут: «Бей! Смерть фашистам!» Вижу, смерть нам. Укокошат злые бабы. Ну да я третий калач, тоже на войне был, не растерялся, дал команду: «Бегом! Шнель!» Поняли меня немцы, побежали, да так прытко — пятки сверкают. Известно, немец за последнее время научился бегать. Километра два драпали, меня далеко оставили. Одна бабенка, шельма длинноногая, забастала было меня, уж за полу сцапала, но бог не выдал: скинул я с плеч куртку — и снова вперед налегке! Черт с ней, с курткой, драная уже была. А вот когда понял, что без спичек остался, чуть не заревел.

— Так, значит, не убегают из плена?

— Их, брат, теперь на фронт и калачом не заманишь! Не-е! Ну-ка, вот спроси у того, что постарше. Мужик он смышленный и по-пермяцки маленько кумекает. Вот смотри.

Конвоир, обращаясь к одному из пленных, спросил:

— Эй, Курт! Кывзы татчэ! Мунан Сталинградэ?*

Немец страшно вытянул шею, замахал руками:

— Мый тэ, мый тэ?! Ог, ог! **

Степанко так и взялся за живот, а солдат-конвоир от смеха сделал такую свирепую затяжку, что поперхнулся, с добрую минуту не мог откашляться.

— Умора! — наконец произнес он.

Выкурив без роздыха еще одну козью ножку, третью по счету, добродушный конвоир поблагодарил Степанка за спички и заторопился в путь.

* — Эй, Курт! Слушай сюда! В Сталинград пойдешь? (коми-перм.).

** — Что ты, что ты?! Нет, нет! (коми-перм.).

— Дяденька, — остановил его Степанко. — Что я хотел спросить...

— Что такое, говори.

— Значит, немца при слове «Сталинград» бросает в дрожь? Немец и не думает бежать из плена? Знает...

— А это, друг мой, значит, что немец далеко не тот, каким был в начале войны. Это значит, что Сталинград, как и пишут в газетах, сломал хребет фашистскому зверю. В остальном разберешься сам?

— Попробую.

— Ну, тогда ауфидерзен. Прощай, брат. Ну, вояки, давайте топать. Шнель!

Немцы быстро вскочили на ноги, отряхнулись и вышли на дорогу. Усатый дядька что-то сказал им по-немецки, те согласно закивали головами и побрели.

Степанко щелкнул плетью, разбудил Сырчика. Опять застучали колеса, заскрежетала под ними галька, заскрипели дроги. А над лесом, по вечернему небу, навстречу ему все плыла и плыла широколикая луна. Сырчик стал заметно уставать, шел все медленней. Дотянет ли он до Юма? Кажется, дотянет. Вот уже блеснул огонек, недалеко тявкнула собачонка. Село было совсем близко. Километров восемь отшагали по холодку. Пора отдохнуть.

ПЕРШИН ИВАН — ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК

Ни одного звука не было слышно на селе, но оно не спало. В некоторых избах светились огоньки, у иных ворот дремали лошади — кто-то куда-то собрался ехать. Подъезжая к пожарной каланче, Степанко на крылечке дома напротив заметил двух стариков. Один из них курил самосад, и маленький огонек, похожий на волчий глаз, то вспыхивал, то потухал в полумраке.

У каланчи Сырчик сам по себе остановился. Степанко расслабил чересседельник, бросил под ноги лошади траву с телеги и пошел к старичкам.

— Здорово живете, добрые люди.

— Здорово, здорово, мужик, — отозвался старичок с высохшим лицом, одетый в безрукавку, похожую на лузан. — В ямщину, никак?

— В ямщину и есть. В Кудымкар еду.

— Везешь-то что?

— Горох. Солдатский.

Старичок бросил на землю окурок, старательно затоптал лаптем и, когда уселся поудобней, сказал со-седу:

— Вот тебе и попутчик, кум. Сейчас уж в малую пору доберешься до Юрлы.

— Только бы добраться, кум,— дрожащим и охрипшим голосом отозвался тот и вдруг закатился нехорошим надсадным кашлем.

«И больным покою нет», — подумал Степанко, при-сев рядом со старичками.

Он скоро понял, что больной не здешний. Держась за грудь, старичок рассказывал о каком-то событии, происшедшем в их деревне, часто вспоминал какого-то Федота, у которого война отняла все, что можно толь-ко отнять.

— Весной похоронка пришла. Уже оплакали пар-ня, а он вдруг возьми да заявись...

— Была все-таки похоронка?

— Была, кум, была. Ошибка, видимо, вышла ка-кая-то.

От этой «похоронки» перед Степанкиными глаза-ми, точно живой, вырос старенький почтальон: «Пер-шин Ванька угостил на славу. Капусты выставил, ва-ренными картошками попотчевал...»

Кто он, этот Першин Ванька, который так щедро угостил старого почтаря? Если у него до сих пор со-хранилась капуста, значит, ничего живет. Конечно, картошки сейчас уже нет, всю ее съел старичок. Ну да ладно — капуста-то наверняка осталась...

— Значит, в ямщину отправили, мужик? — обра-тился опять к нему старик в лузанае. — Горох везешь? Это хорошо. Горох солдатам очень даже нужен. Сол-даты хлеб не сеют. А кушать надо. Наварит повар го-рошницы, нальет воинам в котелки — кушайте на здоровье. Покушают те горяченького — и в атаку. Сы-тый солдат — воин. Ты ужо распряги свою лошадку, пусть отдохнет. Вон лужок за банями, травка добрая выросла.

— Ехать надо, дед. Я ее целый день кормил у ручья. Днем жарко было, обессиленна. А сейчас про-хладно, авось дотопаем до Юрлы.

— Так. Достается нынче и лошадам.

Степанка что-то так и кольнуло в сердце, в голове неожиданная мыслишка заворочалась.

— Мне бы одного хорошего человека повидать надо. Здесь живет,— сказал он.

— Кто такой?

— Першин Иван.

Хозяин рывком поднял голову, уставился на Степанку. С удивлением посмотрел на него и хворый старичок.

— Першин Иван. Те-те-те... А зачем он тебе?

— Повидать бы надо. Встретился на дороге почтальон, так рассказал про Першина-то. Шибко, говорит, хороший мужик. Капустой, говорит, угостил, картошкой попотчевал. Может, продал бы он мне хоть немножко капусты? Вторые сутки без хлеба тащусь. Украла у меня котомку.

У Степанка, понятно, не было и ломаного гроша. И котомки у него никто не крал. Но он так и брякнул: «Украла!». Голод не тетка, и не то брякнешь. Старичок в лузанае еще больше разволновался, стал щелкать языком:

— Те-те-те. А ведь Першин-то Иван — это я!

На улице стояла уже ночь, и старики не заметили, как дрогнули у паренька руки, как его бледное лицо вспыхнуло.

— Да, это я, — подтвердил хозяин и улыбнулся как-то виновато. — Значит, так он и сказал: Першин Иван-де — хороший человек? Ах он прохвост, ах лысый прокурат... Ну так что ж, зайдем ин тогда в избу. Раз хороший человек. Капуста, конечно, найдется. Накормлю ужо. Зайдемте, кум. Там и покалякаем.

В избе было темно, и хозяину пришлось зажечь лучину. Когда маленький дымный язычок огня осветил кое-как избу, Степанко первым делом увидел старуху, которая, накрывшись какой-то дерюжкой, посапывала на полу. Прижавшись к ней, спала девочка, положив белокурую головку на кулак. Свою постель старуха со всех сторон обложила толстым слоем крапивы.

— Фашисты одолели, — как бы извиняясь, усмехнулся хозяин, — клопы то есть. Ох и жаднющие же до человеческой кровушки! Истинно фашисты. Так они, проклятушие, будто бы до смерти крапивы боятся. Вот

и спасается моя старушенция. Видите, как обложилась. Только клопы-то, они не дураки. Они, проклятые, на рожон не прут, а все в обход, в обход. Этаким манером поднимутся по стене на потолок, да оттудова прямиком и пикируют на бедную старуху. Хорошо еще, старуха толстая, а то загрызли бы до костей. А меня обходят...

— Не трогают? — смеясь, спросил кум.

— Куды им до меня! Кожа моя толстенная, твердая, что береста с корявой березы. Завалюсь себе на печь да и похрапываю, будто медведь в берлоге.

Добрый человек Першин Иван в темноте нащупал у шестка большую деревянную посудину, выдолбленную из березового нароста, и вышел на улицу. Скоро он вернулся и поставил на стол ту посудину, до краев наполненную капустой. Широко улыбнулся, пригласил гостей за стол. Больной кум от еды отказался: душа-де не принимает ничего, кроме болтушки из картофельного крахмала.

— Эка беда, а крахмала-то у меня как раз и нету, — сокрушенно развел руками хозяин. — Может, молочка выпьешь? Ужо занесу...

Он опять заторопился в погреб, а Степанко принялся за капусту. Была она холодная, несмотря на жаркое лето, нисколько не попорченная. Першин Иван, видать, загодя, еще ранней весной, спустил бочку в погреб на лед. Конечно, она была не мед, эта капуста, и не таяла во рту, точно сахар. Но Степанко ел с таким вкусом, точно в деревянной чашке перед ним и на самом деле был мед. Он ел осторожно, стараясь не хрумкать, каждую капустинку долго мусолил во рту и даже не думал, что произойдет потом, когда, выходя из-за стола, возможно, придется расплачиваться.

Больной, изможденный старичок опять закашлялся, задышал прерывисто и глубоко. Он обеими руками взялся за грудь, корчился, на лбу и на щеках выступили крупные капли пота.

Щедрый хозяин вернулся с полной кружкой молока. Больной развязал свою котомочку, вытащил из нее еще одну небольшую котомочку — туго набитый мешочек. Из этого мешочка он высыпал в молоко какую-то серую массу, хорошенько помешал ложкой и стал пить небольшими глоточками.

— Картофельную муку маленько прихватил с собой. Крахмал, — пояснил он. — Приключилась в колхозе беда — померзла зимой семенная картошка. Вот и пришел ко мне председатель. Давай, говорит, так условимся: возьми ты себе мерзлую, преврати в муку, а свою, хорошую, отдай колхозу на семена. Надо так надо, куда ж денешься.

— Это так, — произнес хозяин. — Без семян никак невозможно. Что ж, старуха-то не шибко ругалась?

— Как не ругалась! Шибко кричала, старая. Хотела живьем в землю закопать, да сжалилась под конец.

Оба старичка перемигнулись лукаво, а Степанко уничтожил капусту.

— Те-те-те, — вдруг встрепенулся хозяин и быстро юркнул к шестку. Он высоко поднял указательный палец, глазами таинственно показал на спавшую старуху и зажмурил левый глаз, точно заговорщик. — Сейчас мы ужо...

Что там, в темноте, делал Першин Иван, Степанко не видел. Только после, когда хозяин на цыпочках вернулся к столу, он понял все. Старик положил на стол два катышка домашнего творожного сыра, выкрашенное яйцо, добрый ломоть чистого пшеничного хлеба.

— Семик завтра, парень. Понял? Запасла старушечья моя немало всякого добра, чтобы, значит, как положено, по-христиански предков своих помянуть. Всю зиму готовилась к этому дню. Ну вот мы и сляздили кое-что из ее запасов. Ты ешь, парень, не стесняйся. Она ни за что не сообразит, что мы побаловались маленько.

Старички опять захихикали. Степанко тоже улыбнулся.

Он ел. А два кума продолжали беседу, которую начали еще на улице, говорили о жизни.

— Прижилась, значит, сиротинка. И не тоскует?

— Привыкла, кажись, все реже мать вспоминает. Такая, доложу я тебе, егоза, такая уж она егоза растет! Взял намердни на руки, а она вдруг и говорит: «Дедушка, у тебя, глянь, из ушей тоже борода растет. Зачем?» Ну, что ты тут скажешь, а? Вот ведь какая глазастая!

— Они такие. Вот подрастет — помощницей будет.

— Будет, кум, непременно будет. Уже и сейчас хозяйка. Говорит как-то: «Дедушка, давай петуха со двора прогоним». — «Это зачем же, — говорю, — петуха со двора гнать? Такой баской да горластый...» — «А он, дедушка, ленивый — яичек не носит!» Вот ведь как! — Хозяйка!

Старика задушил кашель, и он умолк.

Старуха на полу заворочалась, грузно повернулась на другой бок. Глубоко простонав, она что-то забормотала про себя — видимо, приснились предки, которых завтра задумала помянуть. Хозяин сидел у стола, жалостливо смотрел, как проворно управляется Степанко с припасами старушки, и качал головой:

— Эка беда... Проголодался ты, паренек. И что же, горох-от, что везешь, не кукарекает в пути?

— Сперва кукарекал, — улыбнулся Степанко.

И рассказал, как он избавился от соблазна.

— Те-те-те... Дошлый ты! Ведь и со мной так случилось когда-то. Бывало, везу из Усолья водку. А на дворе мороз. Водка-то и закукарекает — беда! А бес так и шепчет: «Долбани стѣпочку...» А разум твердит: «Не пей! Замерзнешь в пути, казенный груз потеряешь...» Ну, чтобы одолеть беса, я и затыкну песенку: «Водка — яд, водка — враг, водку ты не пей, дурак! Бес силен, но ты сильней. Водку никогда не пей!» Бывало, всю дорогу бормочу эти слова, язык устанет, а водку ни-ни... Ты, значит, так же действуешь! Хорошо!

Степанко съел все, что было принесено, и, выходя из-за стола, крепко, как настоящий мужик, соблюдавший обычай, пожал хозяину руку.

— Спасибо, деда. До самой смерти не забуду тебя.

— Не стоит, милоч. Меня-то ты можешь и позабыть. А вот это лихое время помни до смерти. Никогда не забывай, какое горе пришлось нам пережить через людоеда Гитлера. Детям своим расскажи, внукам передай...

Хозяин проводил своих гостей до подводы, пожелал им счастливого пути и здоровья.

— А старикашка этот, дружок-то мой, так и сказал, говоришь: Першин Иван-де хороший человек? Ах он, лысый волк, ах прокурат! Те-те-те!.. Ну и ладно, спасибо ему за добрые слова. А вы поезжайте.

Да на обратном-то пути заезжайте ко мне, не обойдите старика. Зайдете, расскажете уже что да как.

— Обязательно заверну, — заверил Степанко.

— Заверну, кум, — сказал и больной, держась за грудь.

ВДВОЕМ ВСЕ-ТАКИ ЛУЧШЕ

Где-то в стороне от дороги угадывались деревушки, хутора. Там изредка брехали собаки, базланили петухи, возвещая полуночный час. Иногда в деревнях загорались огоньки: видимо, матери вставали успокоить своих плачущих младенцев или другие люди не спали от какой-то заботы. Недалеко на лугах брнчали ботала, слышалось фыркание лошадей.

Степанко считал километровые столбы. Один, два, три... У каждого столба он останавливался и, задрав голову, смотрел на цифры, сообщал о них Васею Петровичу — так звали больного старика. Потом они вдвоем считали, сколько верст еще осталось до Юрлы. Хоть и медленно, а километры убывали.

По-прежнему донимали холмы, горки, овраги. На каждую горку Сырчик поднимался сгорбившись, еле переставляя ноги. Телега в таких местах, кажется, и не двигалась вперед, будто скрипела на одном месте. Зато под уклон она катила покачиваясь, легко, даже старалась подтолкнуть лошадку. Сырчик в таких местах шел широким шагом, и Васей Петрович приподнимался на мешки отдохнуть.

Васей Петрович был уже старый человек, хворый и сейчас добирался в Юрлу к какому-то знакомому доктору, прибывшему в лесной край из блокадного Ленинграда еще в прошлом году. Был доктор, по словам старика, замечательный человек, с золотыми руками и светлой головой.

— С месяц назад был у него на приеме, так хорошо отнесся, насквозь меня прослушал, каждую жилку прощупал и обещался поставить на ноги, — рассказывал старик. — Он приказал мне больше есть кисель. В крахмале-де имеется что-то очень хорошее, необходимое больному человеку, точно сахар. И еще мед велел есть. Но меду, понятно, сейчас нигде не найдешь. И я его долго не мог достать...

— И достал все-таки? — спросил Степанко.

— Достал, зонка*. Матушка-тайга подарила. Надо тебе, Степанко, знать, что в тайге для человека все имеется. И мясо, и грибы, и ягоды, а главное — полезные травы. И мед, конечно.

— Дикий мед мы с братом находили тоже, — заметил Степанко.

— Вот, вот... Отправился я позавчера в Таволжанскую кулигу сосновым воздухом маленько подышать, травки лекарственной поискать. Вот хожу по лесу и вдруг вижу: дикие пчелы так и звенят, так и снуют туда-сюда, носятся, точно пули. Эге, думаю, что бы это значило? Не «пчелиное» ли дерево поблизости? Стал я приглядываться, следить, в какую сторону они больше летят. И что ты думаешь — заметил ведь! Дикие пчелы шибко сообразительные и хитрые. Они выбирают себе под гнездо дупло что повыше, чтобы медведь не мог взобраться да разорить все дочиста. И мне, больному, пришлось домой возвращаться, позвать на подмогу внучонка. Он, шустрый пострел, и выкурил пчелушек, добыл мне меду, слава богу, целый чуман. И вот несу сейчас в Юрлу. Доктор обещался лекарство приготовить из него, вылечить меня. Вот так, зонка...

Васей Петрович сообщил об этом радуясь. Радовался и Степанко. Повезло старому человеку, нашел-таки мед. Это хорошо. Вот приедут утречком в Юрлу, доктор приготовит нужное лекарство, хворый Васей Петрович будет пить его и сразу поправится, перестанет кашлять.

Колеса стучали и стучали по каменистой дороге, подвода катилась под уклон. Сырчик помахивал хвостом. Телега сама катилась, и хомут не давил ему на плечи.

Старик сидел на мешках, поддерживая одной рукой грудь, а другой опираясь на тележный ящик, чтобы меньше трясло. Степанку захотелось узнать, какая хворь донимает старика, отчего она приключилась, и он спросил:

— Давно уж грудью-то маешься?

— Полгода уже, зонка. Еще осенью до покрова согнуло, да так круто, еле до дому добрался. Был я в трудовой армии. Ну и вот, копали под одно строение глубокий котлован. Конечно, лопатами копали, землю

* Сынок (коми-перм.).

отвозили на тачках. Тяжело было. А моросили уже дожди, осенние такие, холодные. Мокрень, грязища. И в котлован вдруг до краев хлынула вода. И вот однажды беда приключилась. Голова у меня закружилась, ноги не держат. И полетел кувырком прямохонько в котлован. Утонуть, конечно, не утонул — товарищи выловили, а простыл, согнула хворь. Ну вот и откомиссовали домой. А дома-то что? Кто поможет? Ох-ох... Спасибо доброму доктору, утешил маленько. Может, и поставят на ноги. Кто знает?.. Вот добраться бы до Юрлы.

— Может, доберемся же. Лошадка по холодку вроде ничего тянет, — сказал Степанко.

— Надо бы добраться. Живет в Юрле мой один знакомый, земляк, даже крестник, можно сказать. Зайдем к нему. Слышно, хорошо живет, в пекарне работает.

Сырчик уже не махал хвостом, все тише стучал копытами. Телега тяжело поднималась на взгорье. Васей Петрович слез на землю, опираясь на палку, тихонько заковылял по обочине. Задышал он опять прерывисто, тяжело — уф, уф... Точно кузнечный мех пыхтел.

Поравнялись с километровым столбом. Задрав голу, Степанко смотрел на цифры, считал так и этак. До Юрлы было еще десять километров.

— Десять километров! Далеко...

— Далеко-о-о еще, — сказал Васей Петрович. — Десять верст. Конечно, для здорового человека — это раз плюнуть. А для нас далековато. Ну да ладно. Скоро встретится деревня Кукольна. Накормим лошадку, сами отдохнем. А там и снова вперед. Что ж делать-то...

Выгнув хребтину, шагал Сырчик, тянул на гору тяжелый воз. На левой стороне дороги чернел задумчивый лес, глухо и уныло дышал шорохами. Направо, над широкими долинами, клубился туман. Сквозь туман угадывался бледный и тусклый лик луны.

У деревни Кукольной Степанко завернул за канаву. Васей Петрович так и шлепнулся на землю. Несколько минут он не мог отдышаться, сидел молча, хватая ртом воздух. А когда отдышался, первым делом велел Степанку развести костер и вскипятить в котелке воды.

— Чайку попьем. Полегчает, поди. С медком ужо. Степанко быстро сбежал в деревню, принес из колодца воды в котелке. Затем он в придорожной рощице набрал хворосту, притащил немало сухих палок и прямо у дороги запалил костер. Веселые язычки огня сначала осторожно облизывали палки, точно пробовали, по зубам ли пища, и, убедившись, что для дела в самый раз, озорно запыргали.

Сидя у костра, Степанко вдруг заклевал носом. А спать было нельзя. И он, чтобы отогнать сон, попросил Васея Петровича рассказать что-нибудь.

— Ну, расскажи хоть про того мужика, что в Юрле в пекарне работает, — проговорил он.

— А-а, ты вон о чем, — усмехнулся Васей Петрович, видимо угадав Степанкины мысли. — Так... Зовут его, зонка, Сидором Петрой, а по уличному — Медвежьим Обьедком. Сухонький такой мужичок, вся рожа, точно кокора, набок сдвинута. И левая нога назад смотрит. Медведь бедолагу задрал перед самой войной.

Васей Петрович уселся поудобнее и, глядя на костер, стал рассказывать:

— Отправился это я однажды в Таволжанскую кулигу лесовать. Дело поздней осенью было, уже снежок выпал и мороз небольшой пошаливал. В такую пору в самый раз белок щелкать: шкурка уже поспела, шерстка мягонькая, первым сортом пойдет. Забрался я в самую глушь, прохаживаюсь, до десятка белок зашиб в малую пору. И вдруг вижу: кора на одной ели вся выцарапана-изодрана. Я сразу смекнул: топтыгин резвился. Он, таежный хозяин, прежде чем завалиться в берлогу спать, завсегда кору на деревьях царапает, приметы ставит и другим медведям предупреждения делает: держись подальше, здесь место занято. Бросился туда-сюда, то под валежину гляну, то под выворотень, ищу берлогу. Собачка моя тоже принохивается, поскуливает от нетерпения, а вся шерсть ее так и вздыбилась на загривке, поднялась, что щетина. Ну, думаю, где-то близко косопалый похрапывает. И верно! Вижу, столетняя ель свалилась, корни вместе с землей выворотились. Подхожу ближе к выворотню, а из-под него парок вьется, весь снег пожелтел. Медведь спит! Но дробью его не возьмешь. А у меня, как назло, все патроны только мелкой

дробью начинены, ни одной пули нет. Пришлось махнуть рукой. Кое-как успокоил я собаку, и пошли домой, подалее от греха. И надо же было мне пробазланить на всю деревню! Одному сообщил, другому: набрел, мол, в лесу на берлогу. И Сидорову сыну тоже проболтался. А он, Петра-то, иногда ружьишкой забавлялся, белок да тетерок сшибал. Вот и решил он, оказывается, втихаря убить того медведя, чтобы, значит, даровым мяском подзапасть и славу доброго медвежатника себе добыть. Как я позже узнал, отправился он в Таволжанскую кулигу по моим следам, а жене наказал: запаси дров, пельмени стряпать будем, не я-де буду, коли не свалю медведя. И отправился, значит, в лес. Прибежала ночью его бестолковая баба ко мне, слезами горькими обливается: «Васеюшко, заступник родной, задерет его, окаянного, медведь, так и знай — задерет. Помоги, вызволи из беды». Ну я и сам понял: несдобровать поганцу, погибнет. С медведем шутки плохи, его надо умеючи брать. И вот схватил я свое ружьишко, зарядил самодельными пулями несколько патронов — и снова в лес. Бегу, тороплюсь так — ноги земли не касаются. Сильный я был тогда, быстро бегал. И успел к самому сроку...

В котелке в это время забулькала вода, и Васей Петрович достал из своей котомки какие-то сухие травы, заварил чай. Из котелка тотчас пошел пряный мятный запах. Васей Петрович налил Степанку этот кипяток в кружку, а сам, обжигаясь, стал пить прямо из котелка.

— Хорош чаек. Так по жилам и течет.

Старый лесовик не забыл и про свой туесок. Вынул его из котомки, снял крышку, помешал мед ложкой.

— Давай-ка, зонка, попробуй дар тайги. Ни-ни... Не отказывайся — много-то и не дам, ложечку только.

Степанко хотел было увернуться, но старичок как-то незаметно сунул ему в руку ложку, заулыбался так, что отказаться стало совсем невозможно.

— И что же дальше-то было? — только и напелся спросить Степанко.

— А что там может быть? Прибежал я к выворотню. Сидоров сын на земле лежит, а топтыгин на нем верхом сидит, ребра пересчитывает. Ну, прицелился я хорошенько да как долбану сразу из обоих стволов! Медведь рывкнул и свалился наземь. Подо-

шел я к ним, а Петру-то, горемыку, и узнать нельзя. Медведь провел лапищей по его лицу, наизнанку всю кожу вывернул, считай, до затылка, ногу пережил, ребра переломал. Медведь, зонка, медведь он и есть. Ош! Ну да ладно. Смазал я все раны Петры салом таежного хозяина, поднял на руки и понес домой, будто младенца. А там в больницу. Полгода провалялся и ожил, слава богу. Только уж на человека все равно не походит. Не-ет... Инвалид. И на войну его не взяли. Работает сейчас в селе на пекарне сторожем. Слышно, хорошо живет. Вот и завернем к нему, может, хлебушком накормит. Как-никак крестник.

Степанко на это ничего не сказал. Он только подумал, что человек, которого спасли, должен, конечно, чем-то отблагодарить своего спасителя. А как же иначе?

У МЕДВЕЖЬЕГО ОБЪЕДКА

В Юрлу они приехали, когда на восточной стороне безоблачного неба засияло солнце. Оно, отдохнувшее за ночь, сразу же бросило на землю полную горсть длинных, пока еще не горячих лучей. Широкая земля зажмурилась, заулыбалась и стала вроде еще шире и просторней.

В Юрле топились печи. В воздухе пахло острым дымком бересты, горевшей осинной.

Степанка так и передернуло: он вдруг уловил тонкий запах свежеспеченного ржаного хлеба. Недалеко была пекарня, и там, видно, только-только вынули из печей хорошие буханки. Они, чуточку поджаренные, надо полагать, сейчас были уложены на полочки, накрыты холстиной, чтобы после жаркой печи маленько поотдохнули, или, как говорят, ожили.

Когда-то Степанкина мать тоже пекла хорошие ржаные ковриги. И всякий раз, когда их вынимала из жарко натопленной печи, вся изба мгновенно наполнялась вкусным духом. Густой запах плотно заполнял все уголки и щели, вырывался на улицу, плыл за околицу. И тогда все, кто проходил мимо их деревни, угадывали, что одна из хозяек испекла и вынула из печи хорошие челпаны.

Эти челпаны мать укладывала рядышком на заставку, накрывала длинным холстом, чтобы хлебы под

ним «ожили». Степанко любил есть горячий хлеб. Осторожно отломит краешек ковриги, нальет в кружку холодного молока. Поджаристая хлебная корочка похрустывает на зубах, горячий хлеб обжигает язык, и когда в это время глотнешь молока, во рту будто так все и растает.

Вот бы добыть хоть половину буханки...

Хоть бы половину той половины.

Почему-то подумалось, что Сидор Петра, которого Васей Петрович спас от неминуемой смерти, первым делом, когда зайдут к нему, угостит Степанка и своего спасителя именно свежевыпеченным, еще теплым хлебом. Кто знает, может, и молоко у него найдется.

В селе то в одном, то в другом конце мычали коровы, блеяли овцы и козы. То тут, то там слышались звонкие женские голоса, у колодцев гремели ведра, где-то скрипели на намазанных петлях калитки.

Из всех труб клубами вырывался густой дым. В домах топились печи, и, наверное, в каждой печи, у самого огня, что-то варилось и жарилось.

Небольшая, как-то криво поставленная избушка Сидора Петры стояла на краю села, у самой большой дороги. Избушка — так себе, ни хороша, ни плоха. К задней ее стене притулилась какая-то погребушка, рядом хлев. Как и полагается доброму хозяину, свой двор Сидор Петра покрыл тесом, обнес заплотом из кругляков. Недобрый человек лоб расшибет, а в ограду не проникнет.

Над избой Сидора Петры тоже вился дымок.

«Наверно, не успели еще испечь хлеба-то, — подумал Степанко, когда подвода поравнялась с оградой. Но он тут же успокоил себя: — Зачем ему самому хлебы печь? Человек работает на пекарне, наверняка готовый получает».

Как бы там ни было, они, оставив Сырчика под самыми окнами дома и отряхнув пыль с одежды, вошли в избу. Первым вошел Васей Петрович. Он у порога сдернул с головы картуз, поклонился и только после этого сказал хозяину:

— Здорово, земляк!

Степанко тоже стянул с головы кепчонку, тоже солидно, как и полагается самостоятельному человеку, поклонился хозяину, сидевшему за столом и хлебавшему что-то из горшка.

В избе несло запахом вареной картошки, тушеной капусты и овчинной кислятиной.

На приветствие гостей Сидор Петра поднял голову от горшка и буркнул, обращаясь к одному Васею Петровичу:

— Здорово, здорово, земляк.

Степанко в это время успел рассмотреть его лицо. Ну и рожа была у этого человека! Встретишь такого в темноте — испугаешься. Таежный хозяин, видимо, изо всех сил хлестнул ему под ухо, одним ударом свернул скулу набок, и сейчас рот у Сидора Петры был не на своем естественном месте, а где-то там, где по законам природы должно было торчать левое ухо. Из этого рта торчали стальные зубы, не прикрытые совершенно ничем, так как медведь в клочья разнес у Петры нижнюю губу, а верхнюю снял напрочь вместе с носом.

Встав из-за стола, Сидор Петра резким движением отодвинул горшок, заковылял к Васею Петровичу и подал ему руку.

— Бу-бу-бу... Как уж живешь-то, земляк?

Васей Петрович улыбнулся как-то виновато и, поглаживая свою бородавку, ответил тихо:

— Живем, пока живы. Харчи есть — так хорошо, а нет — так и того лучше. Много ли человеку надо?

— Это так.

Из-за дощатой перегородки вышла костлявая баба в больших сапогах и в длинном, до самого полу, дубасе. Она поздоровалась с Васеем, пригласила сестру на лавку, так как «на ногах правды нетути», затем молча взяла со стола пустой горшок и убралась за свою перегородку. Степанку подумалось, что баба сейчас же вернется обратно, пригласит за стол, поставив в своем горшке какое ни на есть варево. Но хозяйка больше не появилась. Она гремела там, за перегородкой, ухватками, ведрами и что-то пекла на сковороде. Из-за перегородки в горницу потекли запахи перегорелого сала, настойчиво вытесняя на улицу овчинную кислятину и тяжелую капустную вонь.

Сидор Петра долго испытующе буравил гостей малюсенькими острыми глазками и сказал:

— Бу-бу-бу... Как ты отоцал, земляк. Кожа да кости... Пожалуй, не жилец ты на этом свете. Бу-бу-бу... А вдруг помрешь?

— Я — помру?! Да ты что, зонка? Я еще двадцать верст пехтурой протопал — хоть бы хны.

— Помрешь, пожалуй, — не поддавался Петра, — Шибко ты отошал. И лицо высохло, пожелтело. Эх, жизня, жизня... А ведь мог бы ты, Васеюшко, и здоровяком быть. И капитал мог бы заиметь. Слыхал я, опять-де кур насмешил. Колхозу, слышь, свою хорошую картошку отдал, а себе взял гниль? Ох, пролетар, ох, пролетар... А ведь мог бы ты картошку ту продать, деньги бы немалые взял...

Васей Петрович прервал его:

— Зачем они мне, деньги-то?

— Бу-бу-бу... Так тебе и деньги не нужны? Пролетар! Вечно ты, Васей, чудил, вечно свое добро по ветру пускал. Вот и дошел — кожа да кости. Ты давай, старик, опомнись. Нынче всяк о своем животе печется, всяк к себе тянет, а ты свое добро — по ветру...

У хозяина, кажется, устал зияющий рот, несколько минут он сидел молча. Васей Петрович долго и надсадно кашлял, а когда успокоился немножко, по-детски улыбнулся хозяину:

— Научи, земляк, как жить на этом свете. Вот зашел к тебе поговорить, как да куда тыкнуться... Слышно, ты нехудо устроился, к хлебцу поближе...

— Так что, с божьей помощью наладил житуху. И доброму человеку почему не помочь, почему не научить. Вот послушай-ко. Топай сегодня же обратно домой и за эту картошку, что задарма отдал колхозу, затребуй зерна, а еще лучше — муки. Если хоть пудовку дадут, то можешь богатым человеком стать. Как? А вот как, очень даже просто. Тащи муку к нам. Хозяйка моя страсть как наловчилась пирожки стряпать. Слышишь, как колдует? Ну так вот. На базаре нынче каждый пирожок величиной с ноготь, знаешь, сколько стоит? Понял, что ли?

— Как не понять, не младенец все же.

— Вот-вот. Бу-бу... Из пудовки муки можно испекчи тыщу пирожков. Конечно, для начинки нужна будет капуста. Ну, я ее найду. Теперь считай. Тыща пирожков — это сколько денег? Половину тебе, половину мне.

— Вот как! — удивился Васей Петрович. — Из пудовки муки. А что, если начинить те пирожки не вонючей капустой, а, к слову, мясом?

— Тогда и вовсе в момент разбогатеем! Только откуль сейчас мясо-то?

— Хо, так я же охотник, — очень серьезно ответил Васей. — Я могу и лося свалить. Слышь-ко, был нынче весной, уже в конце апреля, дивный случай со мной. Ужо не перебивай, расскажу все по порядку. Лежу, значит, на печи, грею свою грудь, а тут сам председатель в избу пожаловал. Ты вот что, говорит, Васей Петрович, послушай-ко меня. Весенний сев идет, а кормить людей нечем — даже хлеба маловато. Вот и разрешили, говорит, в сельсовете лося пристрелить. Ты, Васеюшко, сбегай-ко в свою Таволжанскую кулигу, слышно, лосей там видимо-невидимо. Свали парочку, послужи людям. Так сказал мне председатель. Ну, я и отправился. Коли велят, то надо делать. Целый день бродил по лесу, измерил его вдоль и поперек. И напал ведь на след...

— Но-о-о! Бу-бу...

— Верно говорю. Ну, думаю, будет пожива, без мяса домой не вернусь.

— Ну и как? Свалил? — не мог спокойно дослушать Сидор Петра.

— Эка, какой ты! В том-то и дело, что без мяса вернулся. Догнал я одну животинку, гляжу, а зверь-то женского полу, и теленочек так и жметя к ней, этакой шустрый да длинноногий, бычок, кажись. Ну, полюбовался я да и махнул рукой: расти, подлец, у мамы. Осенью ужо поймаю тебя... Слышь, осенью, говорю, мясо будет. А?

— Осенью-у?! Ох, да до осени и война может кончиться. Кусай тогда локти свои. Ох!

У Сидора Петры так и кляцнули стальные зубы. В иступлении он сел на лавку, долго смотрел на Васею Петровича, будто видел его впервые. Для нормального дыхания ему не хватало воздуха, и в груди слышалось тяжелое бульканье. Зажав голову руками, забубнил чуть ли не сквозь слезы:

— Лося не убить... Да как же так-то? Ведь лось — это мясо. Ведь можно было запросто мильон нажать. Вот пролетар, вот патриет...

— Погоди, погоди, земляк, — успокоил его Васей Петрович. — Куда спешить? Дай срок, загребем и три миллиона. Половину тебе, половину мне. Ты только вот что... Э-э... Как бы тебе сказать? Мы ведь с делом

к тебе зашли. Вон парнишко-то в Кудымкар едет, горох воинам везет. И кушать он хочет, украли у бедолаги котомочку... Не найдется ли у тебя немного хлебушка?

— Хлебушка-а? Бу-бу... Да ты что, того-этого? Ведь я сам хлебушко-то уже боле года не кушаю. Ни крошки. Ведь я получаю не хлебом, а мукой. И из муки мы делаем пирожки... Эх, да как же ты не можешь понять! Кто же будет хлеб трескать в такую пору? Да целый год уже на одной картошке я живу. И гляди-кось, жив... Зато деньжат...

— Уже целый мешок? — спросил Васей.

— А что?

— Мыши скушают. У нас в деревне один старичок, Кила Егор, — не забыл еще? — накопил деньжат, говорят, боле тыщи, где-то в подполье держал, так у него всю тыщу мыши слопали.

— Всю-у?! Эх, человечина! Болван он, а не человек. Лучше бы мне принес. Раззява! А парнишка-то, говоришь, в Кудымкар едет, горох везет? И голодный? У гороха-то? Ох-ох, пролетары... Да ты, соплячок, продай мне с полпудика. Я тебе деньжат отвалю, а ты на деньги-то купишь у меня пирожков. Слышишь, хозяйка-то моя как колдует? Понял?

— Горох же солдатский, — сказал Степанко, поднимаясь на ноги.

— Ну и что? Ты еще молод, в тюрьму не посадят...

— Не в этом дело.

Степанко напялил на голову кепчонку и — ни спасибо, ни прощай — выскочил на улицу.

На дворе ликовало утро, звонкое и ясное. День обещал быть знойным — уже сейчас было душно.

Вышел Васей Петрович, улыбнулся как-то виновато. Старческими дрожащими руками погладил Степанкины худые плечи, сказал:

— Не сердись, брат, на меня. Кто мог подумать.

— Что ты, дедушка, за что сердиться? Я — ничего...

— Ну вот и ладно, коли так. Тужить шибко нечего. Ты, дружок, еще не забыл, что Першин-то Иван сообщил? К семику, говорит, старушка приготовилась. Сегодня семик, поминальный день. Сегодня всякий, кому хочется помянуть своих предков, идет на погост,

берет с собой стряпню. И хоть немножечко, но дает стряпню тому, кто голоден.

В Юрле топились печи. И в каждой печи что-то жарилось и парилось. У Сидора Петры тоже топилась печь. И вместе с запахами из открытых окон его дома на улицу летели скрипучие звуки:

— Бу-бу-бу... Вот пролетары, вот пролетары!

Васей Петрович плюнул себе под ноги и, наказав Степанку отправляться на могильник, тихонько побрел в сторону больницы. Степанко щелкнул в воздухе плетью.

В ЮРЛЕ

Юрла — село старинное, большое, на целый километр растянулось. И кладбище юрлинское тоже большое, огорожено кривым серым забором. Поднялся Степанко на пригорок, глянул — кресты, кресты, кресты... Старые, уже покосившиеся, и совсем новые, большие и маленькие, деревянные и железные — много крестов всяких.

Оглянувшись вокруг, больше думая о Сырчике, чем о себе, Степанко завернул в зеленую рощицу, что лоптала листьями рядом с могильником, выбрал небольшую поляну, сплошь покрытую мышиним горошком да диким клевером, распряг коня. Усталый, он прилег на мешки, решил дожидаться, когда на могильнике покажутся поминальщики. И заснул.

После утомительного ночного перехода он проспал бы наверняка до самого вечера, может, и ночь прихватил бы, да приснился, будь он неладен, дурацкий сон. Сначала далеко-далеко, как бы в густом тумане, копошились какие-то люди, а затем все ясней и ясней стала выступать скособоченная страшная рожа, заулыбалась как-то криво и злорадно: «А-а, вот ты куда забрел! Сейчас, сейчас, голубчик... Ужо!» И вмиг эта рожа сцапала Степанку, подвела к жарко натопленной печи. «Вот так, голубчик, вот так, — злорадствовала она. — Сейчас мы тебя пекчи будем, пирожки сделаем. На пять рублей!» Стал Степанко изо всех силенок отбиваться, руками и ногами задрыгал и проснулся.

Ногами пошевелил, голову пощупал — целы. Телега тоже цела. Сырчик на поляне пасется, хвостом помахивает. А солнышко уже над самой головой, палит

нешадно, даже сильнее, кажется, чем печь у Сидора Петры.

— Ну, умора! Надо же, а! — тревожно прошептал Степану и прислушался. На могильнике уже были бабы: семик, видимо, начался. «Надо сбежать хоть на минутку, посмотреть...»

У одной могилы на лавочке и прямо на земле сидело до десятка старух и баб. Тут же торчали дети и подростки. Высокий широкоплечий старик с отвисшим красным лицом и блестящей лысиной на макушке, важный, точно сам Христос, ходил вокруг могилы, плавно размахивал кадилом.

Семья, сидевшая у могилы, жила, видимо, справно. Расстеленная скатерть была густо покрыта пирогами, ватрушками, тонко нарезанным пшеничным хлебом, яйцами и другой снедью, при виде которой у Степанка все так и заходило внутри. Стоял на могиле и туесок, не иначе с суслом или брагой. Степанко залюбовался туеском. Был он новенький, светло-желтый, украшен замысловатыми узорами.

Степанко глотал слюну, но подойти к поминальщикам боялся. Ноги точно завязли в густой траве — ни вперед, ни назад.

— Рано, рано, голубь. Иди, погуляй еще, — глянув в его сторону, произнес «Христос» и повернулся к Степанку задом.

«Не везет мне сегодня. Худо дело», — подумал ямщикок. Миновал несколько могил и остановился у одной, где высился уже обветшалый большой крест, украшенный венками из живых цветов и пихтовых лапок. Здесь было тихо. Сидевшие на скамейке женщины и старухи не были и не бормотали тягучие псалмы. Они степенно, не торопясь, ели пироги и шаньги, на могиле царило суровое благочестие.

Степанко никаких молитв, конечно, не знал и осенять себя крестным знамением тоже не умел. Дома и в школе его этому не учили. Но он все же решился попытаться счастья. «Эка беда, — подумал он. — Поведу туда-сюда рукой — и ладно». Он постоял немного в нерешительности и наконец перекрестился. Перекрестился раз, затем, чуть погодя, опять, а третий раз не успел. Уже седая дородная старуха, до сих пор мирно жевавшая оладышку, вдруг свирепо глянула на паренька, уставилась колючими глазами и в течение

долгой минуты без всякой жалости буравила всю душу. И он хотел уже податься восвояси, но старуха задержала.

— Ну-ка, перекрестись еще разок, горадзуль*, — приказала она таким голосом, будто Степанко убил человека или стянул у старухи ковригу.

«А, будь что будет», — озорно решился Степанко и перекрестился как умел.

Старуха не спеша поднялась со скамейки, вытянулась во весь свой гигантский рост и, переваливаясь с боку на бок, подошла к Степанку, взяла его за руку.

— Ты почему это у могилы хулиганствуешь, а? — грозно спросила она. Затем повернулась к подружкам, спросила у них, злорадствуя, точно приглашая в свидетели: — Видите, что творится? Вы заметили, как он крестится? Сначала в пуп пальцем ткнет, затем в правое да левое плечо, а потом только в лоб. Ведь сразу видно: не учен верить в бога, а тоже рукой машет. Ты кто такой, басурманин, что ли?

— Я не басурманин, бабушка, — сказал Степанко.

— Так кто же тогда? Может, немецкий шпион?

— Он колхозник, сватьюшка! — вдруг услышал Степанко за своей спиной знакомый старческий голос. Оглянулся он, а тут Васей Петрович.

— Он колхозник, кума! В ямщину едет. И, видишь ли, в беду угодил — украли недобрые люди у паренька котомочку с хлебом, третий день с голоду пухнет.

— Пусть хоть десять. А зачем креститься? За кусочек хлеба? — спросила старуха, обращаясь к Васею. Затем сразу как-то смягчилась, с удивлением глянула на ямщика: — Воровать, поди, научился?

— Что ты, что ты, кума? Как это можно воровать? Самостоятельный паренек-то, очень такой смысленный, — сказал Васей Петрович.

Старуха отпустила Степанкину руку, молвила не так уж строго:

— То-то и вижу я — смысленный. В бога не верует, креститься не умеет, а лезет туда же, куда мы, старые да глухие. Ты, горадзуль, береги себя, по прямой дороге иди. А нам-то не шибко подражай. Мы пожили свое, а у тебя все впереди. На вас, малых, вся надежда.

* Весенний цветок (коми-перм.).

Она переступила с ноги на ногу, поправила на голове черный платок и, сощуриив глаза, произнесла строго:

— А уж коли решил, то молись правильно, молись за то, чтобы бог-то окаянный, в которого я не верую, Гитлера скорее бы поразил. Если уж решил рукой махать, то маши как надо. Понял?

— Понял, бабушка, — сказал Степанко.

— Ничего ты не понял. За кусок хлеба душу готов был продать. Не махись больше у этой могилы. Под этим крестом спит мой покойный мужик, Матвеем звали. Не признавал он бога-то и нам не велел. Первым председателем колхоза был. За это и убили сердешного кулаки. А какой мужик был! На руках меня носил, благо весу во мне в те годы не боле шести пудов было. От Юрлы до Белоева почти каждый вечер ко мне на свидания бегал, когда сватался. Шутка сказать: двадцать верст в один-то конец. Да год только и пожили вместе... Вот и приходится мне, грешной, к нему сейчас из Белоева бегать. Не признавал он семики-то, да что поделаешь: шибко любил меня. Не могу не помянуть.

Старуха степенно подала Степанку пару катышков домашнего сыра, большой ломоть хлеба, шанежки да еще яйцо.

— Ешь, басурманин, да вези груз-то. Хлеб, наверное?

— Горох. Четыре мешка.

— Горох?! Экой соблазн! Прости, господи... Но ты, дитятко, не тронь его. Ты потерпи, горадзуль, не много-то. Лучше уж проси, когда невмоготу станет... Понял ли?

— Не трону я горох. Ну его.

Степанко сказал старухе большое спасибо, еще раз обещал ни в коем случае не трогать казенный груз и ушел вместе с Васеем Петровичем от могилы Матвея. На душе почему-то было очень скверно.

ВАРНАКИ

— Ах ты, бабица! Ах, старуха! Настоящий гренадер... Как она тебя, а? — весело смеялся Васей Петрович, когда старуха осталась далеконько.

— Влетело бы мне, дедушка. Поколотила бы, по-

жалуй, если бы не ты. Очень серьезная старуха. Такая странная — не поймешь. Если бы знал, никогда бы не подошел к могилам...

Степанку хотелось быстрее бежать отсюда. Но Васей Петрович не торопился. Он уселся у забора в траву, долго и надсадно кашлял.

— Налаживается мое делишко, — говорил он, утирая слезы. — Выписывается сегодня из больницы один мужичок, так доктор меня хочет положить на его место. Я, говорит, живо-два вылечу тебя. В мед он хочет добавить какие-то мудреные травы, вплеснуть чуточку спирту и сделать настойку. Это будет, говорит, волшебное средство.

— Вот бы так-то, — сказал Степанко обрадованно. — Ты давай ложись, дедушка. А на обратном пути я заскочу в больницу, попроведаю тебя.

— Заскочи, пожалуй. Скучно мне будет одному.

На небе появилась неожиданно дождевая тучка, там раза два громыхнуло, полоснула кривая молния. Люди разбежались кто куда, Васей Петрович и Степанко вышли на улицу.

У самых кладбищенских ворот Васею Петровичу встретилась какая-то знакомая старушка, начала обычные при таких случаях расспросы, что да как. Они разговорились. А Степанко не торопясь зашагал к подводу. И только успел нырнуть в густой подлесок, как сразу почувствовал что-то неладное. У телеги возились люди, слышны были приглушенные мальчишечьи голоса.

— Торопись, торопись, эка ты... Ножик дай!

— Чичас... запропастился...

Екнуло Степанкино сердце: «Воз курочат, что ли!»

Прямоком через колючий ельник, через непролазные кусты можжевельника побежал Степанко, споткнулся о пенек, упал. Не обращая внимания на боль, вскочил на ноги, запрыгал вперед. На ходу поднял увесистую палку, успел подумать: «Убью!»

У телеги копошились два паренька. Один длинный, худой, одетый в домотканый шабур, держал приподнятый брезент, другой, поменьше ростом, руками выгребал горох из распоротого мешка, ссыпал в пешорку. Рассвирепел Степанко. Не помня себя, бросился к негодяям:

— Убью! Дедушка Васей!

Младший паренек, бросив пешорку, побежал напрямик по поляне в кустарник. Длинный ошалело оглянулся по сторонам и, точно заяц, помчался туда же. Глядя им вслед, Степанко чуть не расхохотался.

Подошел к телеге Васей Петрович, растерянно головой покачал:

— Никак воришки?

— Эвон... В лес сиганули.

— Надо же!

Чуть погодя они вдвоем ползали под телегой, собирали горох в оставленную воришками пешорку. Степанко дышал тяжело и прерывисто.

— Мешок распороти, гады, — шмыгая носом, бормотал он. — Что сейчас делать?

— Наладим. Иголка с суровыми нитками у меня завсегда с собой.

— Вот варнаки.

— Варнаки и есть. И трусливые, как все воришки. Глянь, даже пешорку оставили.

— Струсили. Сразу, как зайцы, — прыг, прыг...

Высыпали горох в мешок, Васей Петрович зашил дыру, велел Степанку запрягать.

Шагая к коню, паренек заметил в густой траве туесок, поднял, повертел в руках. Красивый туесок, новый, с замысловатыми узорами. Так вот кто позарился на казенный горох.

— Дедушка, глянь, туесок! И полный. Наверное, сусло.

— Наплевать. Брось!

— Ну нет. Попробуем!

Открыл Степанко туесок, к губам поднес. И поморщился: в нос резко ударило хмелем, кислятиной. Не сусло в посудине оказалось, а самое настоящее пиво, да такое крепкое — коня свалит. После первого глотка запершило в горле, пиво застряло в зубах, хоть жуй его.

— Какая дрянь!

Морщась, Степанко бросил туесок, пнул, точно мяч, и красивая посудина полетела в кусты, орошая землю вонючим пивом.

И о воришках забыл. Плевался:

— Какая дрянь!

СОЛДАТСКАЯ МЕДАЛЬ

За Юрлой дорога оказалась более людной. То и дело встречались пешие и конные. Встретился небольшой обоз, налегке возвращающийся из Кудымкара, встретились молодухи с топорами в руках — видимо, дрова в лесу заготавливали. Вот одинокая подвода встретила. На телеге сидит паренек, угловатый, тощий, как и сам Степанко. А рядом с пареньком — солдат. Одна нога свешена, а второй-то и не видно. Все ясно: ранен был солдат в бою, возвращается домой без ноги. Дымит он махоркой и что-то говорит пареньку, верно, про фронтовую жизнь рассказывает.

«Вот бы сейчас отец встретился, а?» — подумал Степанко и еще раз взглянул на солдата: не он ли, не отец? Нет. Конечно, не он. Своего отца Степанко и за версту бы узнал.

По обеим сторонам дороги за Юрлой — колхозные поля. На покатых холмах зеленеют озими, уже выходят в трубку. Рядом с ржаными полями — яровые. Всходы густые, дружные. Если не прихватит засуха, то будет урожай.

А дорога и за Юрлой тоже тяжелая. Не успеешь взобраться на одну гору, как впереди появляется другая, еще более крутая. Тягуны, тягуны... Горбатые какие-то, кривые. Сырчик через каждые два шага оттаивается перевести дыхание. Степанко сам наваливается на телегу, толкает изо всех сил, обливается потом, а много ли проку?

На одном тягуне, когда Степанко замучился было до слез, его догнала подвода. На телеге сидели четыре мужика и одна баба. Посредине бестарки торчали большие котомки. Степанко понял: мужики отправляются на войну.

— Что, устала лошадка, землячок? — спросил у Степанка уже пожилой дядька, одетый в домотканый шабур, и спрыгнул с телеги. — В Кудымкар, никак?

— В Кудымкар. Третьи сутки тащусь из Лобана.

— Ай-ай-ай! Вот где беда-то. Ну-ка, ребяташки, поможем ему. Эхма...

Мужики спрыгнули на землю, дружно взялись за Степанкину телегу, навалились.

— Э-эй, милый, давай, давай!

— Ну-ка, еще разок! Но, но!

Рявкнули, зашумели на лошадку, свистнули каждый на свой лад. Сырчик выгнул хребтину, тронулся. Мужики — кто за гужи, кто за колесо — толкали и тянули телегу вместе с лошадьё. Под колесами надсадно скрежетала галька.

— Но, но, лешак, но-о!

— Еще немножечко, дружно!

Весь путь рявкали, свистели и подняли-таки тяжелую телегу на горку, несли, можно сказать, на руках. Добрые оказались мужики. На вершине горы они похлопали Степанка по плечам, пожелали доброго пути и сели обратно на свою телегу. Степанко горячо пожелал каждому счастья и военной удачи.

Быстро сгущались сумерки, лес дышал уже сыростью, между деревьями и в логу поднимался туман. Степанка клонило ко сну, и он наверняка заснул бы на ходу, если бы опять не заметил раненого солдата. Боец отдыхал на обочине у небольшого костра и с любопытством поглядывал на ямщика. Был он еще не стар, широкоплечий, крутую грудь плотно облегла гимнастерка. На груди у солдата поблескивали боевая медаль и красивый гвардейский значок.

— Отдохни маленько, земляк! — приветливо крикнул он.

Степанко живо завернул за канаву, расслабил чепседелник, отпустил коня пощипать травки.

— В ямщину послали?

— Послали. С важным грузом.

— Все ясно. А лошадка, вижу, устала?

— Шибко устала. Заморилась на севе.

— Ты что, тоже пахал?

— Всю весну. Гектаров четырнадцать отпластали.

— О-о, да ты, оказывается, герой! Четырнадцать гектаров!

Степанка так и подмывало рассказать, как он от зари до зари трудился на пашне, как тяжело было, да вовремя прикусил язык. Не надо, пожалуй, об этом. Кажется, и так лишнее сболтнул. О гектарах, наверное, можно было и помалкивать. Еще подумает солдат: хвастает парнишка. Лучше будет, если солдат сам расскажет, как воевал, за какой такой геройский подвиг дали ему медаль.

Пока Степанко размышлял об этом, пока приглядывался к солдату, тот достал из огня котелок, при-

готовился пить чай. Работал он одной рукой, только правой. Левая висела на перевязи, была искалечена.

— Присаживайся, землячок, — пригласил он.

Степанко охотно присел рядышком.

— Значит, тяжеленько живется дома?

— Всякое приходится. Война же.

— Война, парень. Достается нынче всем.

Солдат вынул из котомки хлебушка, несколько кусочков сахара, заварил душистый чай. Чай он налил сперва в Степанкину кружку, а затем себе. Степанко был на этот раз сыт, он успел в дороге управиться и с сыром, и с шанежками, полученными от грозной старухи. Яйцо было тоже съедено. Поел Степанко в пути и чувствовал себя вполне нормально. Однако от чая не отказался. Чай с сахаром он давно не пивал, давно.

— А я вот без руки остался, — сказал солдат. — Как сейчас жить?

— Конечно, плохо без руки, — заметил Степанко.

— Еще как. Я ведь плотником был. Эх, как вспомню! М-да-а!

Чай был горячий, с пылу-жару. Степанко тянул маленькими глоточками, наслаждался, а сам искоса все поглядывал да поглядывал на боевую солдатскую медаль.

— Давно ранили?

— В прошлом году еще. Садануло, брат ты мой, так, что и не знаю, как жив остался. Полгода в госпитале мял бока.

— Там и медаль выдали?

— Нет, что ты! В госпитале хоть сколь «ура» кричи — медали не дадут. Раньше было дело. Случилось, брат, так, что немца одного укокошил. За это и наградили.

— Интересно!

— Интересного, конечно, ничего нет. Так себе, случайный боевой эпизод.

Раненый боец глотнул из жестяной кружки, почмокал губами. Видя, как от нетерпения Степанко уставился на него, солдат снисходительно улыбнулся. Начал неторопливо:

— Видишь ли, стояли мы в обороне у одного лесочка. Немец прет, на рожон лезет. Мы отбиваемся. Атаку за атакой отбиваем. Вдруг видим: патроны на

исходе. Тогда и вызвал взводный одного бойца: «Живо за патронами! Вон за лесочком пункт боевого питания...» Солдат бегом, углубился в лесок. Прошло немало времени, ждем. А его нет и нет... Тогда командир другого бойца послал. И он точно сквозь землю провалился. Что такое? Немец вот-вот в атаку поднимется, а патронов у нас совсем чуть. Тогда взводный решил, наконец, не одного бойца, а двух послать. Вызвал меня и еще одного: «Немедленно узнайте, что там творится! Без патронов не возвращайтесь!»

Степанко перестал дышать, чувствовал: начинается самое важное. Что же, в самом деле, случилось? Где бойцы?

— Принесли патроны? — торопил Степанко рассказчика.

— А вот слушай, коли интересно. Прибежали мы по ходу сообщения к лесочку, юркнули в кусты. И видим: оба наших бойца лежат рядышком. Стоп! Неладно дело-то. Почему рядом, ведь пошли-то не вместе? Снайпер! Прыгнули мы в сторону, за деревья, думаем, что предпринять. И решили: товарищ мой в обход побежит за патронами, а я обезврежу снайпера. Снайпер — это опасная штука, оставлять его так нельзя! Вон уложил гад двоих ни за что ни про что. Ладно. Побежал мой товарищ за патронами круглым путем, а я — весь внимание, наблюдаю. Все деревья, что повыше, обшарил глазом. И заметил ведь! В метрах полтора-два впереди стояла огромная разлапистая ель. И вот одна лапка почти на самой вершине подозрительно зашевелилась. Вот ты, думаю, где! В наш тыл забрался, фриц. Ужо сейчас... Бросился я в густой подлесок, укрылся надежно. Тут же хотел дать очередь из автомата, снять снайпера, но смекнул: не брать его, далековато. Решил тогда обойти его, зайти к нему сзади. Углубился в чащу, шагаю на цыпочках, под ногами ни одна веточка не хрустнет, ничего не брякнет. Иду, как, бывало, в парке на зверя ходил. Тихонько обогнул ту ель, крадусь с тыла. А фашист, оказывается, уже спустился с дерева, к другой елке торопится. Ну, тут я, конечно, не растерялся, пристрелил его как бешеного пса. Только и было-то. Ничего особенного. А вот поди ж ты: через неделю-другую вызывают меня в штаб,

майор руку жмет, благодарит. Молодец, говорит, товарищ Ошмаринов, не растерялся в бою. И медаль вот эту самую прицепил мне на грудь. Ну, думаю, дела. За что медаль? Как-то неловко даже стало. За паршивого фрица — медаль.

— Уж скорее бы всех их прикончили, — заметил Степанко.

— Прикончат. Всех прикончат. Наши здорово бьют гада.

Надвигался вечер. Деревья у дороги глухо зашумелись, сыростью потянуло. Солдат раскидал костерок, собрал свои вещички в котомку. Он заторопился домой. Вскидывая котомку за плечи, поморщился, загрустил:

— Эк ведь как, без руки-то! Ну-ка, брат, подмогни мне мешок приладить, шинельку накину на плечи ужо. Беда, брат, без руки.

Степанко, как мог, успокоил солдата:

— Худо, конечно. Но живут же и с одной. У нас вон вернулся нынче Серега Казарин, нога прострелена, рука тоже плетью висит, так он всю посевную семена возил на поле: «Ладно, что башка цела...»

— Так-то оно так, конечно. Ну, пока!

Солдат вышел на дорогу, зашагал в сторону Юрлы. Шел он широким ровным шагом, домой торопился. Дома, понятно, жена, детишки. От детишек отбою не будет: расскажи да расскажи, папка, за что медаль выдали...

Выезжая на дорогу, Степанко еще раз поглядел ему вслед, заключил: «Молодец, такого гада уколошил! А то бы паршивый фриц еще кого выцелил...»

Оглянулся вокруг, щелкнул хлыстом и поехал вперед своей дорогой.

КОСОГОР

Каждый коми-пермяк, будь он грамотный или совсем неграмотный, знает наизусть такие строки:

У высоких диких гор
Есть деревня Косогор...

Знал эти строки и Степанко. Но раньше почему-то всегда казалось, что сочинили это просто так, для красоты. А сегодня, когда вышел из Юрлинского волока,

он лично убедился: верно, есть такая деревушка — Косогор, вон и на доске, прибитой к столбу, написано об этом. И гора у деревни высится. Глянул Степанко снизу на эту гору — сердчишко так и екнуло. Страшная косогорская гора, высокая да кривобокая, — действительно, дикая какая-то. Как на такую взобраться? Это не простой тягун...

Солнышко давно укатилось на покой. Но было светло, на небе покачивалась луна, висела над самой вершиной горы, и Степанку казалось, что вот-вот сорвется она и покатится вниз по кривому склону прямехонько к нему под ноги.

Недалеко от дороги, у большой разлапистой сосны, шумели девчата. Оттуда доносились звуки гармошки, и Степанко старался понять, что такое играют на гармонии. Понять было невозможно. Музыкант был глухой, что ли: гармошка в его руках издавала только какие-то дребезжащие звуки. «Пики-вики, пики-вики — на! Пики-вики, пики-вики — бум!» Вот и вся мелодия. А девчата все равно смеялись и даже озорно пели песенку.

Хотя и маловато сегодня протопал Сырчик, километров двадцать и прошел всего-то, а, остановившись у Косогора, не мог никак отдышаться. По всему видно — он больше не работник. Что тут делать? Если и дальше так ехать, то в Кудымкаре будешь только через неделю, никак не раньше, потеряешь немало золотых дней, когда надо пахать пар. А не ехать — нелзя: груз-то не свой.

Да, дороженька, будь ты неладна. И зачем только природа создала такие горы? И почему с тяжелым грузом надо непременно взбираться на них, когда намного легче было бы с этим грузом спускаться вниз?

Все же Степанко на этот раз нюни не распустил. Он почему-то был уверен, что преодолет и эту гору. Подрос, что ли? А может, возмужал за дорогу? Кажется, так.

Час был поздний, мимо никто не шел и не ехал. Надеяться на то, что опять догонят мобилизованные, не приходилось. Ни души. Только под старой сосной пикает гармошка, гырскает и звенит, как тупая пила по твердому суку: «Пики-вики, пики-вики — на!» Перестань, не трави ты душу, дай подумать человеку!

Да тут и думать-то нечего, тут действовать надо. Надо пойти к этим веселящимся людям, поговорить хотя бы.

Вспомнилось ему, как сам когда-то наяривал на баяне, в такие же лунные вечера веселил лобановских девчат, подолгу не давал спать старым людям. Когда это было? Давно, вроде, да ничего. Вот подойдет Степанко к девчатам, возьмет в руки их гармошку да и поиграет, как оно раньше бывало. Сегодня семик. После скучных поминок молодежь завсегда выходит за околицу. Можно будет поиграть.

Степанко перебрался за канаву, недалеко от сосны распряг Сырчика, стреножил. Хорошо, что трава под ногами: пусть пасется. И тужить тут совсем нечего. Вот придет он к девчатам и рявкнет: «Здорово живем-можем, ягодиночки!» Так Степанко и скажет без всяких там предисловий. Правда, стеснительный он человек, не умеет в чужих людях много разговаривать. Ну да попытаться-то можно. По лбу обухом не хватят.

Заложив руки за спину, покачиваясь, как и положено беззаботному гуляке, знающему себе цену, Степанко не спеша зашагал к сосне. Народу тут было немало — кажется, вся деревня вышла. На толстой колодине, под самой сосной, сидят парнишки-недоростки, нахохлились пожилые бабы. Сидит тут и мужичок с давно не бритыми впалыми щеками. Одна его нога обута в огромный лапоть, а на месте другой — деревяшка. На краешке колодины сидела круглолицая девushка в сарафане и вышитой кофточке, держала на коленях гармонь. Она первая заметила Степанка, сразу же оборвала игру.

— Ох, девоньки, глядите-кось: еще один кавалер!

— Чур, мо-ой он, мой!

Степанко чуть было не повернул назад. Кровь так и ударила в щеки. Но выдержал характер, не побежал. Конечно, не так ухарски получилось, как думал, но смог и поздороваться. Девчата, будто отродясь не видели парней, бесцеремонно оглядели его и, как это принято у них, зашущукались. А мужичок с деревяшкой тоже смерил Степанка взглядом, отодвинулся, освобождая ему место.

— Садись, милоч, садись. Откуда к куда путь держишь? — спросил он. — Как тебя звать-величать? Не свататься ли к кому?

Степанко рассказал, как он очутился здесь, сообщил под конец:

— Закобенился мерин, не идет в гору, хоть убей.

— На заморенной лошадке, пожалуй, не осилить нашу гору, не-ет, — согласился мужичок. — Наскрозь уже проклята-распроклята наша гора, до каждой песчинки ругана-переругана. Перед войной, когда еще машины бегали, шофера перевортывались, аварии случались частенько. А сейчас ямщики последние жилы у лошадок рвут. Дикая гора. Так и в стихах написано.

Мужичок, по-видимому, сегодня тоже побывал на семике, тяпнул там пивка или бражки мореной. Хотя Степанко и не спросил, он сообщил охотно:

— А я здесь председатель. Сергеем Платонычем кличут. А раньше проще звали — Сергеем безногим. Сегодня вот праздничек себе устроили. Всю зиму и весну без роздыху трудились: то в лесу, то на станцию хлеб возили. А тут и сев. Опять ни днем ни ночью покою нет. Но, слава богу, отсеялись с горем пополам, сегодня посадили последнюю картошку. И порешили немного отдохнуть. Выдали людям муки из старых запасов, теленочка закололи. Повеселиться тоже надо.

Степанко против ничего не имел. Он задумался о своем. Умолк и председатель. Гармошка опять начала «пилить дрова».

— Да-а, живем! — поморщился вдруг председатель. — Праздник организовали. А гармониста-то нет. Слышь, как она играет?

— Без гармошки какое веселье, — согласился Степанко. Не без задней мысли добавил: — Я вот всю дорогу жалею, почему баян с собой не прихватил. Когда сидишь на телеге да играешь на баяне, тогда и перезаморенная кляча приплясывая идет.

Эти слова Степанко произнес не свои, так говаривал когда-то отец, неплохой гармонист. Не свои слова произнес Степанко, а попал в самую точку. Сергей Платонович так и встрепенулся:

— Так ты гармонист?! Ах ты, каналья! Так чего ж ты, в самом деле? Да ты же... Маруська, эй, Маруська, Маруська, говорю! Перестань пилить, бестолковщина. Подай-ка сюда инструмент!

Низкорослая и худенькая девчонка подала гармошку председателю, улыбнулась Степанку.

— Ты умеешь играть? — спросила тихо.

Парнишка не успел ничего ответить: председатель совал уже в его руки инструмент:

— Давай, парень, играй! Играй, весели девчат!

Этого-то и добивался Степанко. Сейчас надо действовать умно, не продешевить. И Степанко сказал:

— Сыграть-то можно было бы, да не до веселья мне. В беду попал. Лошадка того...

— Играй, дьявол, и никаких! — рявкнул председатель. — Ты чего еще это самое? «Лошадка, лошадка». Чья она, лошадка-то? Колхозная. Кому хлеб везешь? Фронту. Нешто не поможем? Поможем! Ты только играй. Шпась так, чтобы эхо прямиком в уши самому Гитлеру летело. Пусть, сатана, знает, как мы веселимся. Он, паршивая псина, наверняка думает, что смял нас. Дудочки! Играй — и никаких! Весели девчат. Они потом злее работают. Чуешь?

Степанко взял гармошку. Проверил басы, склонив голову над мехом, прошелся по всем голосам. Гармонь была старая-престарая, и не было у нее, видно, постоянного хозяина: истрепана, мех испоркан, но голоса чудом не разладились, играть можно.

Председатель, бабы, все парнишки и девчата не спускали глаз с быстрых Степанкиных пальцев, и только после того, как полилась знакомая мелодия, все облегченно вздохнули. Степанку стало весело, и он заиграл шуточную песенку:

Вы куда шагаете,
Почто нас оставляете?
Как мы будем жить-страдать,
Дни и ночи коротать?

И не только девчата, но и пожилые бабы вдруг произвольно приосанились, повели плечами, выше подняли головы и заулыбались. Они дружно подхватили песню, председатель одной рукой похлопывал Степанку по плечу, другой безжалостно бил по своему столону, при этом не забывал на все лады хвалить гармониста:

— От сатана! От дьявол! Ну, играй, парень, играй!

И Степанко играл. Девчата пели, и та, Маруся, восхищенно глядела Степанку в лицо. От ее взгляда почему-то было неловко, и Степанко еще ниже склонил голову над гармонью, закрыл глаза. А пальцы

прыгали все бойчее и бойчее, вся деревня наполнилась переливчатыми звуками. Где-то скрипнули ворота, у кого-то хлопнула дверь. Из домишек выходили старики и старухи, шли к сосне.

Опираясь на длинную палку, приковыляла древняя сухая старуха, с ходу раздвинула толпу, спросила торопливо:

— Кто это играет, кто? О господи, не внучек ли мой покойный Иванушко вернулся? Он, сердешный, только один мог так играть-то. Не он? Господи... Неужто ошиблась я, старая?

— Ошиблась, бабушка, ошиблась, — растолковывал ей председатель. — Это лобановский зимогор в ящину едет. Степанком кличут.

Старушка, вот уж совсем не кстати, широко осенила лоб, затем благословила Степанка, стала слушать музыку.

Степанко снова, наклонив голову, закрыл глаза и начал новую мелодию.

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой...

И почему-то многие тяжело вздохнули, у иных блеснули на глазах слезы. Кто знает, может, при этой песне девчатам вспомнилось, как они выходили когда-то с парнями на высокий берег. Где сейчас эти парни, как им живется-можетс? Живы ли?

Кто знает, о чем взгрустнулось девчатам. Кто знает, как оно все было.

А Степанко все играл да играл. Он давно не брал в руки гармошку, сильно стосковался по ней и сейчас играл без усталости. Когда песня была спета до конца, Степанко, подняв голову, вдруг увидел, что Маруся смотрит на него какими-то странно светящимися глазами. Сразу же, как Степанко заметил это, девчонка смущенно опустила взгляд. Степанко так и вспыхнул, заиграл снова. И только начал, как опять почувствовал, что Маруся смотрит ему в лицо. Такими глазами на Степанка смотрели впервые, и ему стало не по себе.

До самой полуночи играл на гармошке Степанко, до самой полуночи веселились озорные косогорские девчата. Над лесом и лугами плыли песни. Волнами ходило эхо. И только когда в деревне закричали горластые петухи, председатель сказал:

— Шабаш! Повеселились — и хватит. Завтра на работу.

Девчата растерялись на минуту, а затем, перебивая друг друга, заканючили:

— Сергей Платонович! Да что же это такое?

— Да мы же еще не поплясали...

Председатель задумался на минуту. Действительно, не поплясали девчата. А ведь, известно, во всех пермяцких деревнях девчата вечерами сначала поют песни, а под конец пляшут. Не нарушать же установившийся обычай. И он махнул рукой:

— А, лешак с вами! Пляшите хоть до утра, мели-те бесову муку. Мне до вас дела нету. Степанко, играй!

— Степанко, сыграй, — попросила и Маруська. — Что-то такое, легкое-легкое.

«Ну, если ты просишь, то придется сыграть, — мысленно ответил ей Степанко. — Только что бы это такое? Где взять такое легкое?»

Жил когда-то в Лобане интересный мужик, мастер на все руки. В будни он день и ночь сапожничал, шил людям шубы, дубил овчины и выделывал кожи. Работал мужик смирно, а в канун каждого праздника напивался, выходил на улицу и распевал всегда одну и ту же песенку:

Лешачина ты, прокленный мужик,
Здрав ногу, по улице бежит.

Рассказывали, будто эту песенку самолично сочинил он на камаринский лад, сочинил о себе самом, выкинув из народной мелодии одно колено.

Не сыграть ли его мелодию? Как раз на плясовую походит. Степанко до предела растянул мех. Ухнули басы, зазвенели переливчато голоса. Девчата вышли в круг и ну же молоть «бесову муку»! Они кружились, близко собирались все вместе, резко расходились, толкли пермяцкую пляску «крупу». Лихо плясали и пели ладно:

Мой любимый, мой хороший, дорогой,
Ты вернись героем-соколом домой!

Одна толстенная деваха до того увлеклась, что стала плясать по-мужицки, впрысядку. Но, конечно, из этой затеи ничего не получилось. Плясунья запу-

талась в своем сарафане, широко взмахнув руками, шлепнулась на бок.

— Во-о, правильно, Оксинь! — усмехнулся председатель. — Сейчас встань да еще на другой бок!

Шутки, смех. С тем и разошлись по домам плясуньи. Благодарили Степанка за хорошую 'игру, просили взглянуть к ним на чай. Маруська, когда подошла взять гармонь, сказала восторженно:

— Как ты играешь, Степанко, ох! Заходи к нам, а?

Председатель горячо пожал удалому гармонисту руку:

— Шибко ты хорошо играешь. Перебрался бы ты к нам на постоянное жительство. Я бы тебя, милый мой, лучше всех кормить стал. По рукам?

— Нет, что вы! Как это можно? — удивился Степанко. — Это совсем нельзя.

И ему живо вспомнилась мать. Вспомнились брат с сестрой. Как они там?

СЫРЧИК БОИТСЯ ВОРОНЫ

Солнышко еще нежилось где-то на дне тайги, над лугами клубился тяжелый зябкий туман, а Степанко был уже на ногах. Проснулся он сегодня не сам. Его разбудил Сергей Платонович.

— Долгонько спишь, мужичок! Сейчас, по холодку, в самый раз ехать: солнце не печет, оводы не кусаются, — говорил он. — Слово мое твердое. Сказано — сделано. Ужо перекинем твою телегу за перевал.

Он запряг в телегу пару лошадей, уселся на мешках и рывкнул, точно медведь. Косогорские лошади были тоже заморены, но после сева, видимо, успели поотдохнуть и сейчас вдвоем с места взяли крупный шаг, бойко вышли на большую дорогу. Степанко вел Сырчика в поводу. Хотя и паслась лошадка всю ночь, но шла вяло, еле шевелила ногами.

До вершины горы было не менее трех километров. Дорога петляла по расщелинам и уступам, подъем был настолько тяжел, что даже пара лошадей тянула воз еле-еле, мериньки шли сгорбившись, выбиваясь из сил. Степанко, как и вчера, снова думал о том, что Сырчику одному ни за что бы не осилить эту кру-

тивну. Как хорошо, что познакомился с добрым человеком, как приятно, что тебе помогают. Интересно, как преодолел эту гору Митюбаран?

Взобрались наконец на самую вершину. Сергей Платонович слез с телеги, сказал весело:

— Ну, что я тебе говорил? Вот и сделано дело. А ты беспокоился, тужил. Тужить, брат, лишний раз тоже не годится. Не в пустыне живешь. А сейчас запряги своего воронка да и кати. Пока прохладно, доберешься до Белоева. Там отдохнешь маленько, а к вечеру, глядишь, и в Кудымкар поспеешь. Вот так. А пока — прощай. На обратном пути заверни ужо.

Дорога за Косогором была ровная, постепенно спускалась под уклон. Сырчик, не торопясь, бил подковами, скрипели дроги. Степанко снял с ног разбитые лаптишки, бросил под полог — шагать босиком легче. Устраивая обутки под брезентом, он вдруг заметил на мешках незнакомую котомочку. «Откуда взялась?» Достал Степанко котомочку, развязал дрожащими руками, а в ней печеные картошки, яйца, полковриги хлеба. Откуда такое добро? Степанко сильно струсил. «Не украл ли я у кого во сне?» Но вот со дна мешочка выпал небольшой носовой платочек, и все стало ясно. На одном уголочке платка значилось вышитое гладью единственное слово: «Маруся». Что-то теплое и мягкое произошло по самому сердцу. И еще больше растерялся Степанко, когда из мешочка выпал листок, вырванный из школьной тетради. На нем красивым почерком было написано: «Степанко, дурачок! Почему к нам не зашел? Я бы тебя хорошей бражкой напоила. По пути домой заходи к нам. Мы с мамой живем у самой дороги. Под нашими окнами старый тополь. Маруся»...

Вот тебе и на! Ничего себе выкинула, дуреха! Ну и попадет ей по первое число, если мать догадается, куда добро уплыло. Это уж ясно как день.

Степанко долго раздумывал, что сделать с платочком, как поступить с запиской. Они почему-то жгли руки, и хотелось быстрее выкинуть их под кусты или в канаву. Но было жалко. И Степанко торопливо платочек и записку сунул в карман куртки.

А что, если впрямь завернуть к ней на обратном пути? Нет, не годится. Эх, если бы одежонка была попримличней. Хотя бы рубашку иметь какую ни на

есть базарскую, брюки бы... Тогда куда ни шло. А так нельзя. Одежка — заплатка на заплате, вся из домашнего грубого холста. В гости к красивой девушке в такой форме и дурак не пойдет.

Степанко вздохнул, прыгнул за канаву, на пешеходную тропинку, со злости стрельнул в воздухе плетью. Ему хотелось встряхнуть Сырчика, но тот и ухом не повел. Он не думал прибавлять шагу, брел спотыкаясь. И хотя дорога все еще шла под уклон, Сырчик несколько раз останавливался перевести дыхание.

Версты... версты... Какие они все-таки длинные! Подъедешь к одному километровому столбу, глянешь на цифру, прикинешь в уме, а до Кудымкара так и этак все еще далеко.

Версты... версты... Одна, две, три...

Между километровыми столбами торчат маленькие столбики. Кто-то не поленился и разделил километры на равные части, на каждом столбике нарисовал цифры: девять, восемь, семь... Знайте, ямщики и пешеходы, сколько вы километров и метров прошли за день, за час. Это вам надо знать. Если опаздываете, то прибавьте ходу, рассчитайте все так, чтобы успеть к намеченной цели вовремя.

Постепенно развеялся над полями туман, от верхушек деревьев дальнего леса оторвалось солнышко и стремительно поплыло кверху. Начался новый день. Который он, этот день, как Степанко вышел из Лобана? Четвертый, что ли?

Вспомнился ему старенький почтальон. Где он сейчас бродит? Вручил ли снохе Елески Могутного страшное письмо? Если вручил, то у бедной женщины наверняка еще не высохли слезы. Горе, горе...

Вспомнился Степанку Першин Иван — добрый человек. Как-то он времечко коротает? Возможно, опять кого-то потчует своей капустой и радуется от души. Может, и о нем, о Степанке, думает.

А где сейчас добрый зверобой Васей Петрович? Принял ли его ленинградский доктор в больницу? Хоть бы вылечился старичок. Хороший он человек. И тот раненый солдат тоже хорошим оказался. Он уже дошагал до дому, встретился со своей хозяйкой, детишками. Вот, наверное, обрадовались пацанята: батя вернулся!

Да, много на пермяцкой земле хороших людей. Вот и этот косогорский председатель. И Маруська тоже...

Степанко вынул из кармана ее записку, перечитал раз, затем еще, опять щеки запылали. Жалко только, попадет ей от матушки по первое число. А может, и обойдется? Кто знает.

Версты, версты... Длинные, тяжелые. Впалые бока и отвисший живот Сырчика опять покрылись пузырящейся желтой пеной, над спиной струился пар. Все неувереннее и неувереннее переставляет старый мерин ноги, голова повисла чуть ли не до земли, бредет спотыкаясь, точно пьяный мужичок, дунет ветерок — свалится. Степанко подошел к нему, погладил бока.

— Сырчик, Сырчик! Ты не останавливайся, скоро приедем в село. Скоро я распрягу тебя и пущу пастись.

И чтобы лошадка хоть маленько прибавила ходу, парнишка дернул вожжи, опять щелкнул плетью, свистнул громко. Но Сырчик не обратил на это ни малейшего внимания, не вздрогнул, не запрядал ушами. Наоборот, кажется, зашагал еще медленнее.

Спускаясь в небольшую ложбину, лошадка вдруг пошатнулась. И произошло то, чего с ней никогда не случалось: упала на передние колена, как говорят в таких случаях ямщики, отвесила дороженьке земной поклон. Степанко растерялся. Ему казалось, что Сырчик сейчас же свалится на бок, и уже никакая сила не поможет ему встать на ноги. Но коняга быстро поднялся с колен, некоторое время шатался туда-сюда, поднатужился и тихонько побрел вперед. Он собрал последние силенки, покачнув большой головой, как-то нехорошо скорчился и стал подниматься с ложбинки мелкими быстрыми шажками, шел не останавливаясь, будто знал, что если остановится хоть на минутку, то больше уже не сможет тронуться с места.

— Сырчик, скоро село будет, Сырчик! — кричал Степанко, напряженно глядя вдаль.

Где оно, это Белооево? Сколько верст осталось? Степанко и сам не знал.

Но вот холмик остался позади, колеса опять загромыхали по ровной дороге. И Сырчик опять споткнулся, виновато сложил уши, стал и сник. Бока его ходили ходуном, спина вздрагивала. Прошла минута,

прошла другая, больше десяти минут прошло, а Сырчик все стоял не шелохнувшись, опустив голову в тупой покорности. Было ясно, что остановился он на долго.

Степанко опять подошел к коню, подправил шлею, сползшую в одну сторону, засунул руку за хомут. Под хомутом было будто в парилке, рука не выдерживает, такой жар. У коня дрожали мускулы и жилы, дрожали бока, и понял Степанко, что Сырчик окончательно выбился из сил, сейчас он уже не работник. Сейчас его хоть убей, а не тронется с места, пока не накормишь вволю, пока не отдохнет день-другой.

Зря говорил добрый косогорский председатель, что Степанко по холодку за милую душу доберется до Белоева, там отдохнет, а к вечеру поспеет в Кудымкар. Нет, кажется, не бывать сегодня этому.

Оглянулся Степанко вокруг, оглянулся назад — нигде ни души.

Светел и радостен был белый свет. Бойко лопотали по ветерку листья придорожных осин, на полях серебряно переливались яровые, в траве трещали кузнечики, по-своему славя чудесное лето. Но Степанко сейчас ничего не слышал. Он напряженно думал. Кто поможет, чем? Ведь лошадка-то стала. Другую лошадь здесь никто не даст.

Где сейчас Митюбаран? Может, давно доехал до Кудымкара, сдал горох куда следует и дрыхнет в холодке. Ему и дела нет до Степанка. Но уж еще поговорим. Разве можно товарища в пути бросать? Кто так делает?

Где он сейчас? Может, сдал груз и катит навстречу Степанку, торопится домой? Если так, то Степанко отберет у него коня, запряжет в свою телегу и съездит до Кудымкара, а Митюбаран пусть себе посидит здесь у дороги, охраняя Сырчика. Да, Степанко именно так и сделает. А вдруг он обошел его ночью и катит сейчас уже где-то за Юрлой? И так могло случиться. Спал он, Степанко, сегодня у Косогора мертвецким сном. Сергей Платонович предупредил, что бояться тут нечего, в деревне есть сторож. И Степанко спал беззаботно. Митюбаран вполне мог проскочить незамеченным.

Что же все-таки делать? Распрячь, что ли, Сырчика, нарвать опять клевера, накормить бедолагу? По-

жалуй; это единственное, что можно предпринять. А плакать все-таки не надо. Не надо распускать нюни. Степанко — мужик.

Как и вчера у Косогора, он почувствовал себя уже не таким беспомощным, как в начале пути, а вполне самостоятельным, способным преодолеть все, старался держаться мужественно. Как и подобает сыну фронтовика.

Тяжело махая крыльями, пролетела старая грузная ворона, уселась на телеграфном столбе и закаркала противно: кар-р, кар-р, кар-р... «У-у, кикимора, только тебя и не хватало тут!» — рассердился Степанко, быстро поднял камень и запустил в ворону. Тяжелая птица снялась со столба, лениво долетела до другого, опять закаркала. Она не сомневалась, что ждет ее великий пир, что выбившаяся из сил кляча скоро протянет ноги.

Сырчик, умный и немало повидавший на своем веку, кажется, разгадал черные мысли вороны. Он хлестнул по бокам хвостом, тяжело бухнул ногой — я еще жив! Степанко тронул вожжи, щелкнул плетью. И Сырчик тронулся. Отдохнул маленько, отдышался — и тронулся. Не хочется ему, чтобы ворона выклевала очи, растерзала бока.

Так ли, нет ли, а с полверсты он шел без остановки, не спотыкаясь. Глянул Степанко — а село, большое старинное село Белоево, вон оно, за поворотом. Километра два и будет всего-то. Стоит посад на пологом берегу речушки, жмурится окнами на солнце. Издали видно — богатое село: железные крыши поблескивают на солнышке, дома большие, почти все крыты шатром. И колокольня над деревьями висит, купол-шелом тоже блестит под лучами солнца.

Большое, красивое село.

Добраться бы до села, только бы добраться! Там люди.

НЕТ ХУДА БЕЗ ДОБРА

Спотыкаясь, брел в село Белоево Сырчик. Степанко радовался: в селе он не пропадет. Кто-то подает совет, кто-то расскажет-покажет, как быть дальше, — глядишь, все образуется. Степанко ожил, широко улыбнулся белому свету, озорно погрозил кулаком

невидимой вороне: не каркай, дьявол, мы пока не твои!

— Сырчик, милый ты Сырчик! Вот мы и добрались наконец! — радостно крикнул он.

Подвода, гулко стуча, миновала мост и подъехала к первой избе. Сырчик опять до земли поклонился дороженьке и стал. И тотчас Степанко уловил знакомые звуки: гырк-йирк, гырк-йорк. В избушке кто-то усердно бухал пестом в ступу, превращая охвостье или траву в мучную пыль. В другой избе, захлебываясь, кричал ребенок. Везде одинакова житуха.

Из той избы, в которой орал ребенок, вышел сухонький старичок. Приложив ладонь ко лбу, взглянул на солнышко, не торопясь побрел к Степанку.

— В город, что ли, катишь, стрижонок? — спросил незлобиво. — Э-э, да лошаденка твоя, гли, мордой землю пашет. Обессилела, никак?

Степанко смолчал. Старик тоже не стал больше спрашивать, тихо и озабоченно обошел вокруг лошади, похлопал по ее костлявой спине, пошевелил косматую гриву и зачем-то, как цыган или меновщик, заглянул Сырчику в рот, в глаза.

— Не работник боле, обессилел мерин. Глаза пленкой подернуты, губы обвисли. А сердце так колотит, будто молот по наковальне. Ох-хо, беда. Не дойти ему до Кудымкара, падет, — растягивая слова, говорил старичок и жалеючи поглядывал то на Степанка, то на Сырчика.

— Что же мне делать, дедушка? Важный груз везу, казенный.

— Конечно, казенный. Нынче, парень, все казенное возят. Война, ничего тут не попишешь. А лошаденка твоя обессилела.

Подошел к подводе белобрысый парнишка, тоже обошел Сырчика и, заложив руки за спину, сказал деловито, точно пожилой:

— Ладный был мерин, широкогрудый. И корпус — ого!

— Хороший корпус, — согласился старик. — Дать коню поотдохнуть хотя бы с недельку, накормить как оно следует быть, так поработает еще. Ты, детина, распряги его, пусть попасется.

— А груз не ждет...

Старик долго чесал у себя в затылке.

— Подумать надо. Ты сходил бы до нашего местного начальства. Скажи там, в правлении, как оно приключилось. Так, мол, оно и так... Э-э, да вон и само начальство сюда жалуется. Бригадирша наша. Марпида Петровна! Эй, Марпида Петровна, заверни-ко к нам, матушка!

Глянул Степанко на «начальство» — сердце так и екнуло. К телеге широким мужским шагом приближалась та самая грозная старуха, что ругала да угощала его на юрлинском кладбище. Одета она была сегодня в широкий красный сарафан, на голове такая же яркая красная косынка. Помолодела вроде старуха и выглядела не так сурово, как вчера. Марпида Петровна тотчас узнала Степанка и тоже удивилась:

— А-а, это ты, басурманин! Выходит, опять встретились. Вот уж истинно узка нам матушка земля, никак разойтись не можем. А я ведь видела тебя ночью у Косогора — шибко ты дрыхнуть горазд, спал ровно убитый. Хорошо, думаю, хоть бандитов нет, а то утащили бы телегу вместе с тобой в болото — вот тебе и горох воинам. Пьян, что ли, был?

— Пья-а-ан?! Да ты что, бабушка?

— Ладно, ладно. Слыхала уже, пировали-де опять в Косогоре. Сторож-то ихний рассказывал.

Старуха-бригадир энергично махнула рукой, точно отогнала от себя надоедливых мух, и, глядя на Степанка с высоты своего огромного роста, спросила:

— Вконец испоркалась твоя скотинка?

— Вконец. Падает.

— И не мудрено. На дворе-то эка жарница. Дорога трудная. Тут и жеребец потом изойдет, не то что твоя худобина. Кожа да кости.

Если старичок и белобрысый парнишка первым делом по-хозяйски осмотрели лошадь, то Марпида Петровна сначала со всех сторон изучила Степанкину телегу. Большими кирзовыми сапогами она несколько раз пнула в колеса, проверила их крепость, точно шофер упругость баллонов, попробовала дроги и ящик, даже под передок заглянула.

— Кто у вас кузнец? — спросила Степанка. — Неужто он сам телеги мастерил?

— Сам, конечно, — ответил Степанко. — Хороший у нас кузнец. Дедушка Миколь. Любую машину может починить, детали сам куёт.

— Гляди ты! А у нас — стыд и срам. Ни одного мастера нет. Телеги все поразвалились, колеса порассыпались — починить некому, пришлось в город увезти, в артель. А когда там починят? Одному богу известно.

Оторвавшись от телеги, старуха долго в упор глядела сухонькому старику в глаза, укоризненно покачала головой:

— Совесть-то где у тебя, Евсеюшко? Куда я тебя нарядила, что делать велела? Забыл? У Крутого лога изгородь развалилась, залатать, говорю, требуется. Забыл? Ведь скотина там пасется.

— Иду, иду, Марпидушка. Хоть поясницу ломит, а все равно пойду, — заторопился старичок.

— Поясницу ломит. Меньше бы на печи лежал. Давай шагом марш!

Евсей, не говоря ни слова, побрел было от телеги. Но грозная старуха тотчас остановила его.

— Что такое, Марпидушка?

— Через день-два на сенокос выходить надо, а на чем выйдешь? Косилка-то и новая, да большое колесо в прошлом году еще напрочь лопнуло. Из города позавчера сообщили: новое колесо-де в артели отлили, привезти надо. А на чем привезешь? Телег-то у нас нет, на дровнях не поедешь. Ты давай-ко, Евсеюшко, распряги у этого басурманина лошадку да уведи ее с собой к Крутому логу, пусть там пасется, клеверку маленько накоси. Понял ты меня или нет? Да живее, живее! Экой ты какой. Да присматривай там за лошадью. В случае чего, с тебя полный спрос. Да изгородь-то почини.

— Есть! — бодро ответил старый Евсей. — Лошадей я шибко люблю и все сполню как следует быть. Меринку я сперва дам поостыть, затем напою чуточку водой, чтобы, значит, аппетит разыгрался, да и пасться пуцу. И клеверу накошу. Все сполню.

Пока Степанко и Евсей распрягали Сырчика, грозное начальство беседовало с пареньком, все еще торчащим у телеги:

— А ты, зубастый дятел, чего без дела шляешься? Почему ты днем на улице разгуливаешь, а?

— Да ты позабыла, что ли, бабушка? Я же в сельсовете целую ночь дежурил. Сама посылала.

— Ну и что из того, что продежурил? Ночью дежурил, на скамье, как на курорте, храпел, а днем и

поработать не грех. Ну-ко прихвати уздечки и сбегай на поскотину, приведи своих лошадок. Четвертый день там гуляют, пора и честь знать. Съездишь в город. Нет худа без добра, сразу двух зайцев и прихлопнем: горох будет доставлен и колесо на обратном пути привезете. Да еще в потребсоюзе побывай, стребуй у председателя литовки. Пуцай двадцать литовок выпишет. Да так и передай ему: бабушка Марпида-де послала, пусть не артачится. Если не выпишет, сама спикирую на его голову...

— Бабушка, я же спать хочу, целую ночь дежурил.

— Спать хочешь, на печи поваляться? Да где у тебя совесть-то? Отец на войне уже два года с супостатом воюет, кровь свою проливает, может, целыми неделями не спит, а ты что? Ты, Офонась, прихвати сейчас же уздечки и делай то, что велела. А будешь самовольничать, так прямо здесь, на улице, спуцу твои дырявые штаны да и не погляжу, что тебе четырнадцатый пошел, — крапивой, крапивой!

— Ну, набрела опять на свою молитву, — буркнул Офонась и, чтобы не слышать ответа старухи, быстрее побежал домой за уздечками.

Старый Евсей убрал в свою ограду хомут, седелку и повел Сырчика куда-то на Крутой лог. Степанко тоскливо проводил его взглядом, немного постоял, закрыв глаза. Жалко было оставлять друга, да что поделаешь. Старуха в это время ходила вокруг воза, несколько раз ткнула пальцем в тугие мешки, по-хозяйски поправила брезент, сползший в одну сторону, спросила у Степанка:

— Не трогал горох-то? То-то же! Не смей никогда трогать казенный груз. Нельзя. Вот зайдем-ко в мою хоромину, угощу хоть простоквашей, что ли. В животе небось опять волки воют? Ох-хо! Жизнь ты наша расхудалая. И когда это проклятая война кончится?

СОЛДАТЫ БУДУТ СЫТЫ

Широко раскинулась лесная пермяцкая земля. Много на ней деревень и сел, вдоль и поперек изрезали ее большие и малые дороги. Из всех сел и деревень по трактам и проселкам в эту тяжелую военную пору двигались длинные обозы, одинокие подводы. На всех

подводах был срочный военный груз: коми-пермяки отправляли фронту продовольствие.

Все вперед и вперед двигался по своей дороге молодой лобановский хлебороб Степанко. Ехал он сегодня на паре лошадей и радовался: горох будет доставлен по назначению. Помогла Степанку белоевская бригадирша Марпида Петровна, мудрая старуха, не оставила в беде. Что и говорить, лошадки были тоже не ахти какие бойкие, но после тяжелого весеннего сева паслись на воле уже около недели и сейчас, чтобы размяться, шли бодро, прядали ушами и тяжелую Степанкину телегу тащили как бы шутя.

Оставались позади километровые столбы, лесочки, холмы, деревушки, поля. На некоторых полях трудились бабы и старики: разбрасывали вилами навоз, готовили пашню под озимые. «Наверно, и в Лобане уже пахать вышли, — подумал Степанко. — Вот и я скоро вернусь...» Надо полагать, председатель Сидор Антонович Ошкоков закрепит за ним другую лошадь, пока Сырчик не поправится. На изморенной кляче много ли напашешь...

«Зубастый дятел» Опонась долго сидел, сопя носом, кажется, сердился на Степанка, из-за которого так неожиданно-негаданно пришлось отправляться в дорогу, затем растянулся на мешках и захрапел.

Сон сморил парня.

Степанко оглядывался по сторонам, любовался с горы красивыми высокими холмами, причудливыми зигзагами речушек, которые были похожи на девичьи голубые ленты, нечаянно оброненные в зелени лугов. Неожиданно вспомнилась косогорская Маруся, рука сама по себе полезла в карман, нашарила записку.

Желая быстрее попасть в Кудымкар, он щелкал плетью, и дружные лошади под каждую горку пускались вскачь.

Был полуденный час. На дороге стали встречаться пешеходы, которые сегодня рано утром вышли из Кудымкара. Попадались навстречу порожняком идущие подводы: ямщики уже успели сдать свой груз в заготзерно и сейчас торопились домой. Встретился какой-то важный воинский начальник в желтых погонах, проскакал на большом вороном жеребце. Ничего себе конь, очень даже упитанный и сильный. Вот бы Степанку такого, вот бы попахал пашенку...

Чем ближе был Кудымкар, тем больше попадалось навстречу разного люду. Только Митюбаран не встретился, точно сквозь землю провалился.

Когда подвода поднялась на высокую гору, Степанко увидел впереди какую-то большую башню, высокую кирпичную трубу, увидел большие каменные строения. Впереди был Кудымкар. Степанко ткнул кнутовищем Опонася в бок, разбудил его.

— Ты чего? — уставился парнишка осоловелыми глазами.

— Город. Давай держи вожжи. Я ведь впервые здесь, не знаю, где заготзерно.

Степанко думал, что Опонася будет ворчать, но тот после короткого отдыха улыбался, как ребенок, ругаться и не думал.

— Ну вот, — сказал он. — Голова сразу полегчала. А утром так и звенела, точно чугуи.

— А что же старушка-то говорит — на скамейке храпел?

— Похрапишь, как же! Всю ночь председатель работал и меня всю ночь гонял по деревням. Из города четыре раза звонили, все подводы требовали до станции. Прибыл, говорят, туда целый эшелон с ранеными, всех надо в кудымкарские госпитали доставить. Да еще приказали немедленно приступить к подъему паров, сенокос начинать. Поспишь, пожалуй, в сельсовете...

Когда они въехали в город, первое, что бросилось в глаза, — это военные. На каждом шагу встречались солдаты, офицеры в красивых погонах. По главной улице двигалась большая колонна: мобилизованные шли куда-то неровным строем, каждый тащил за спиной «сидор». Рядом с колонной маршировал командир, изредка поглядывая на строй. Степанко подумал, что, наверно, и те колхозники, которые помогли ему вчера за Юрлой подняться в гору, шагали тут же, готовились к отправке на фронт.

В городском саду играла музыка.

— Концерт показывают мобилизованным, — сообщил Опонася. — Зайдем, посмотрим?

— Что ты, что ты! Надо быстрее в заготзерно, — омазал Степанко.

Но ехать быстро никак не удавалось. Только успела та колонна открыться за углом, а на главную ули-

цу из узкого переулка уже выступила новая, за колонной вышел из того же переулка длинный обоз. На телегах тоже сидели мобилизованные, сидели женщины и девочки, провожавшие мужей и женихов на войну. Ямщики кричали на лошадей, бабы плакали, стоял невообразимый шум. У моста через Иньву образовался затор: с едущими на станцию смешались встречные подводы, тут же урчали автомашины — пришлось долго ждать, пока все не наладилось и не освободилась дорога.

— Вот это силушка прет! — удивлялся Степанко.

— Скоро Гитлеру будет карачун, — отозвался Опоная. — Скоро война кончится.

У складов заготзерна скопились подводы с хлебом. Тут же стояла длинная колонна автомашин, груженных мешками. Хлеб, хлеб... Мешки, мешки... Сколько их! Не сосчитать... У машин курили шоферы в военном, видимо, ждали команду выезжать на станцию.

Степанку казалось, что здесь его продержат очень долго. «Как бы еще заночевать не пришлось...» Подвод было много. Когда их все разгрузят? Но не успел он зайти в контору, как рослая и широкоплечая женщина, чем-то очень похожая на бабушку Марпиду, остановила его у порога.

— Что привез? — спросила быстро.

— Горох.

— Откуда?

— Лобановский.

Женщина почему-то укоризненно покачала головой. Затем подозвала к себе хромого инвалида, приказала строго:

— Взвесь, Павел Федорович, груз у него. Да живее! Последнюю машину горохом загружаем.

Павел Федорович, высохший горбатенький мужичок, опираясь на суковатую клюку, вышел на улицу, велел Степанку подъезжать к весам, под навес. Был мужичок усталый, видимо, не спал уже несколько суток: глаза красные, небритые щеки запали. Но работал проворно. Помог Степанку сбросить мешки на весы, быстро наклепал гири, затребовал накладную.

— Добро выходит, — сказал он. — Грамм в грамм.

Степанко радовался. Вот и сделано дело! Боевое задание выполнено. Сейчас можно отправляться до-

мой, к своим. Ох и соскучились, наверно, Сашок и Симка. Наверно, и мать беспокоится, думает день и ночь: где Степанко, все ли ладно?

Павел Федорович присел к столу писать квитанцию. Он вынул карандаш, приладил копирку, еще раз взглянул в накладную и вдруг подозрительно посмотрел молодому ямщику в глаза, затем на мешки, бросил карандаш.

— Так ты лобановский? Постой, постой... Э-э... Много гороху украл?

Степанко так и вздрогнул, лицо залилось румянцем, он не мог вымолвить ни слова.

— Так, так, голубь. Ах ты, супоней!

С этими словами весовщик выскочил из-за стола, прихрамывая, побежал куда-то. Через минуту он вернулся с девчонкой. Она держала в руке длинный щуп, которым берут из мешков зерно на пробу. Девчонка тоже подозрительно и недружелюбно глянула на Степанка и, когда весовщик поставил мешки на попу, быстро взяла горох на пробу. Лаборантка ушла к себе, а Павел Федорович пробовал горошины на зуб, сыпал их с ладони на ладонь, даже на свет посмотрел.

Степанко не знал, что и подумать.

— Я, дяденька, не взял ни единой горошины, — вымолвил наконец.

— Ладно, ладно, сейчас все узнаем. Доподлинно уточним. Если взял — тюрьма, если нет — честь и хвала тебе. Приехал вчерась из вашего Лобана один мазурик, так сперва тоже бился: не трогал, не взял. А когда произвели анализ...

— Кто такой? Митюбаран?

— Митькой вроде бы кличут. Слямзил, супостат, с полпуда, а в мешок налил воды и думает: так оно и надо. Горох разбух — весу даже больше первоначального стало. Но меня не проведешь. Не тот воробей. Разоблачили лешака.

Степанко тяжело опустился на весы, поник. Вот оно как получается. Из-за него, глупого барана, и на честного человека подозрение. А что, если анализ получится неверный? Девушка, надо полагать, еще неопытная лаборантка, запросто может все напутать...

— Где он сейчас? — спросил весовщика.

— А сушит горох-то. Вон там, за складами.

Худо все вышло, ой как худо. Митюбарану сейчас недобровать. Война нынче, время суровое. Что будет с Митькой? Эх!

Запыхавшись, прибежала девушка, подала кладовщику бумажку.

— Хороший горох, неспорченный, — сказала она.

Со Степанкиных плеч скатилась глыба. Он проворно завязал мешки и, когда весовщик выдал квитанцию, хотел было тотчас убраться прочь. Но женщина-начальница крепко пожала ему руку, сказала важно:

— Молодец, парень. Вовремя успел. Горох сегодня же будет на станции.

— Молодец! — сказал и весовщик. — Не сердись, брат. Служба моя такая, все проверять надо. А что, Анна Ивановна, не выдать ли ему немного хлеба? По глазам вижу, голодный он. А дорога до дому — ой, ой! — сто километров. Как доберется...

— Хорошо, пусть зайдет в контору, выдадим сколько-нибудь.

В груди у Степанка все пело. От волнения он не мог даже вымолвить ни слова, знал одно: что бы там ни случилось, а городской хлеб привезет домой, угостит брата и сестру. То-то обрадуются, сопливые!

К навесу подошла машина, грузчики — раз, раз! — побросали Степанкины мешки в кузов, и машина, тяжело урча, вышла обратно на дорогу. Пройдет несколько часов, и машины будут на станции. Там мешки перегрузят в вагоны и живо довезут до фронта. Солдаты будут сыты.

А за большим складом, на солнцепеке, сидел Митюбаран. Лицо его сплошь было покрыто пылью и грязью, глазки поблескивали недобрыми огоньками, волосы прилипли к потному лбу, скатались. Перед ним был разостлан широкий брезент, на котором сушился испорченный горох. Недалеко пасся Лысанко, то и дело бухал ногами, махая хвостом, отгоняя от себя кровожадных слепней и мух. Лысанка нельзя было узнать: шерсть скаталась, взъерошилась, живот отвис, бока свело. Досталось, видать, и ему порядком. Безжалостный Митюбаран гнал, видимо, без рздыха.

— Вот ты куда забрел! — выходя из-за склада, усмехнулся Степанко. — А я думал: давно дома пар пашешь. Как же так получилось-то? Продал, что ли, горох?

Митюбаран с минуту молчал, сидел нахохлившись, наконец вздохнул:

— Влип, кажется. Покажут мне сейчас, почем фунт гороху.

Митюбаран смотрел в землю. Этот говорун, кажется, лишился дара речи. Степанку хотелось чем-то помочь ему, да чем поможешь?

Он вывел коней на дорогу, затем зашел в контору, получил полбуханки добротного хлеба и положил его в мешочек косогорской Маруси. Ого, глянь, сколь тут добра-то! Ведь и подарок Маруси он пока не трогал.

Сейчас уж никакая беда не сомнет.

Опонась стоял у дороги, поджидая его.

— Сходим на речку, а? Искупаемся.

— Что ты! Некогда! Пойдем, получим ваше колесо да литовки, а то запоздаем. Глянь, солнышко уже садится.

— Да мы недолго, — продолжал канючить Опонась.

— Некогда! — твердо сказал Степанко. — Домой то-роплюсь, пары пахать надо.

Из конторы вышел офицер, спускаясь с крыльца, зычным голосом дал команду:

— По машина-ам! Живо!

В ту же минуту загудели моторы, наполнили улицу гулом. Офицер зашагал к головной машине, сел в кабину. Машины тронулись. Сначала головная, затем вторая, третья, четвертая... десятая...

— Счастливого пути вам! — помахав рукой, крикнул Опонась.

«Солдаты будут сыты», — сказал про себя Степанко и прыгнул в телегу.

Солдаты будут сыты.

Монастырский сундук

У ЧЕРТА НА КУЛИЧКАХ

есной сорок восьмого, в канун третьей годовщины победы над фашистами, в старинном кайском селе Вильгорт пускали гидростанцию. Построили ее колхозники на бойкой речушке

Шорша-ю, на месте старой мельницы-мутовки. Не ахти какую громадину отгрохали, совсем даже крохотную по масштабам страны. Но в волоке она была, как говорится, первой ласточкой, потому открывалась гидростанция в пышной, торжественной обстановке: местные ораторы произносили речи, включать рубильник прибыл из самого окружного центра большой начальник. Затем состоялись массовые гуляния с песнями и плясками, всяческими играми.

Шуму было много, и курьезов разных тоже. Рассказывали, смеясь, будто одна дряхлая старушенция, когда в ее избе загорелся волшебный свет, «моментально лишилась чувствительности», то есть упала в обморок. А другая, по прозвищу Кривая Каверза, побежала без оглядки в лес. И чуть не сгнула. Нашли ее только через сутки: какая-то неведомая сила забросила старуху на огромную ель, где и сидела она все это время, шепча молитвы и заклинания.

Но мало-помалу все наладилось. Сейчас вечерами в Вильгорте, где покой веку жгли дымную лучину, стало светло, как днем.

В тот самый день, когда в селе происходили эти события, в деревушке Перкояг, километрах в семи от Вильгорта, буйный весенний паводок до основания смахнул обветшалую мельничную плотину. Надо же! Тоже мечтали люди об электрическом свете, а сейчас и думать не смей. Без плотины-то ГЭС не построишь! Выходит, как и в старину, пали березовую лучину. Обидно? То-то и оно!

Да разве только в электрификации такое дело? Почти во всем подобная петрушка.

В Вильгорте, скажем, еще до войны Москву слушали, о всяких новостях-событиях в тот же день узна-

вали, а в Перкояге радио пока не начинало говорить: не распорядились районные руководители провести трансляционную линию.

В Вильгорте каждую неделю новое кино крутят, а в Перкояге, рассказывают старые люди, за всю историю одну-единственную картину показали, и то немую — перед самой войной дело было. В селе давным-давно построили большой клуб, частенько концерты ставят, даже из города артисты приезжают, а в Перкояге некоторые еще и не слышали, что это такое — концерт. И так во всем. Буквально во всем.

Не вынесли такой обиды-несправедливости Виталько Панин и Сережка Кэканов. Ожесточились вконец на свою невыносимую жизнь и — благо люди грамотные, шестой класс нынче успешно закончили — сочинили в райисполком жалобу на имя самого председателя. Так прямо и выразили в ярких красках свое возмущение. Электрического света нет, клуба нет, радио не говорит. А школа? В Вильгорте семилетка. Пожалуйста, учитесь, детишки, набирайтесь ума. А в Перкояге даже начальной нету. Хотите грамотными стать, то и бегайте за семь километров в село. Почему? До каких пор?

— Ну, теперь не отвертеться председателю, — торжествующе заявил Сережка. — Дудки! На каждую жалобу он обязан дать положительный ответ.

— Конечно, должен. На то он и председатель, — поддержал друга Виталько. — А будет отмахиваться, так в самую Москву напишем. Тоже не лыком шиты, хотя и в лесу, у черта на куличках, живем.

Выскочили на улицу, направились было в Вильгорт, к почтовому ящику, да встретился тут местный бригадир, он же колхозный овощевод, дядька Элексан, бывший фронтовой разведчик, безногий инвалид войны. Мужик он свойский, при любой встрече мальчишек по плечам хлопает, справедливо орлами называет...

— Ну, как они, дела-то, братишки? — спросил он весело. — Надо полагать, из речки уже всю рыбу повыдергали? Эге, да вы смурные какие-то? Неудачи навалились?

Не хотелось ребятам огорчать фронтового героя, да не удержались, рассказали по порядку про несправедливость, насчет жалобы тоже все как есть выложили.

Дядька Элексан присвистнул, медалями звякнул. Затем пригласил дружков на завалинку, заговорил:

— Самому председателю рика жалобу? Ого! Да вам, как я посмотрю, палец в рот не клади. Герои! К культуре тянетесь, к свету, о своей родной деревне печетесь. Хвалю! Только вот что, дорогие мои друзья-приятели, давайте-ка покумекаем чуточку. Как мне кажется, поторопились вы со своей жалобой. Да, погорячились. По-моему, нет пока возможностей электрифицировать все лесные деревеньки и хутора. Нет у нашей страны, которая войну перенесла, на такие дела нужных средств. Да и какой смысл, скажем откровенно, в каждой деревеньке строить дорогую электростанцию, радиоузел, клуб и прочее? Не проще ли эти хутора, к слову, ликвидировать, а жителей сселить?..

Дядюшка Элексан разгорячился, говорил с чувством. Мальчишки смотрели ему в рот. Виталько вздохнул. После войны, когда вернулся отец, то поговаривал о переселении в Вильгорт. Да куда там! Бабка Аграфена заартачилась, прямо на дыбы встала. Послушать ее, так лучше Перкояга во всем свете и деревни-то нету. Тут тебе две реки-красавицы под боком — Вильва и Шерва; тут лес, будто океан-море, расстилается; тут луга заливные, поскотины богатющие. А в лесу-то все для души имеется: лекарственные травы, вкусные ягоды. Грибов хоть лопатой гребь. А в чужих-то селитьбах что? Грязь да неустройство. Да и нешто можно старые отчины рушить?

— Однако морока со старичками, — вспомнив все это, сказал Элексану Виталько. — Не хотят отцовские места бросать.

И он рассказал, как было дело.

Дядюшка Элексан пошарил в кармане, вынул кисет. Закуривая, сказал:

— Постепенно все наладится. Впрочем, о нашем Перкояге пока речь и не идет. Мы толкуем о починках и хуторах. Вон в Пуртыме две семьи прозябают, а в Чаняйбе всего одна. Какого беса они ждут? Что, для одной семьи за десятки верст тянуть электролинию, строить клуб, школу? Нет никакого резона. А у Перкояга, как мне кажется, перспектива особая. Был я недавно в районе, своими ушами слышал: решено де в наших краях механизированный леспромхоз открывать, строить большой поселок.

Мальчишки так и встрепенулись, глаза их засверкали.

— Неужели новый поселок построят?

— А почему бы и нет? Лесов у нас хватает, особенно за Бездонным болотом. Прямо скажем: видимо-невидимо.

И они долго еще беседовали о жизни. Под конец фронтовой разведчик по своему обыкновению похлопал ребят по плечам, успокоил окончательно:

— Скоро заживем. Шумно и богато заживем! А покамест, ребяташки, поправляйтесь. Здорово вы отощали в войну, э-хе... И знаете что? В районе один мой фронтовой друг, ныне видный руководитель, обещал знатную штуку — мотодвижок. Это чтобы воду на огород качать. Скоро привезу я этот движок-механизацию — и наладим дело. А к осени я добуду еще динамомашину. Приспособим ее к движку — и будет свой электрический свет!

— Неужели свет будет?

— Честное гвардейское! Трепаться не будем.

Отдав парнишкам честь, дядюшка Элексан заторопился на огород, где девчата распевали песенки. Виталько и Сережка, подумав, назвали себя оболтусами. Эка ведь! Жалобу настрочили, школу затребовали. А для кого она, школа-то? В самом деле! В Перкояге всего учеников раз-два и обчелся. В шестой класс, к примеру, нынче втроем бегали: они, Виталько да Сережка, да еще Манька Онянова. И для них, троих, школу строить? Ха-ха!

Сережка вдруг нахмурился, в Виталькин лоб пальцем ткнул:

— Ну и голова у тебя. Крепчайшая голова! В самый бы раз ею валуны дробить!

Виталько опешил:

— Голова? При чем тут моя голова?

— А кто первый начал? «Школу надо, радио надо...»

— Ты начал! — уверенно возразил Виталько.

— Нет, ты! И-эх!

Заспорили дружки, чуть не подрались.

А день был летний да радостный. Солнце стояло в самом зените. Мальчишки поднялись с завалинки, посмотрели на свою «отчину». Жалость вызывала деревушка, тоску навевала. Домишки старые, призе-

мистые, добрая половина из них с заколоченными окнами, с рухнувшими крышами.

Эх, нет делового шума в деревне, нет жизни. Даже тележного скрипа не услышишь. Скукота!

Откуда им было знать, что скоро и в Перкояге завертятся такие дела, такие, можно сказать, удивительные события — только держись!

В ТО ПАМЯТНОЕ УТРО

В то памятное утро Виталько выдул большую кружку холодного, из погреба, молока, уплел изрядную краюху хлеба — и словно бы сыт, все дела сделаны. А что дальше? Чем заняться человеку? Бабке, той хорошо, она с утра до позднего вечера на ногах, все суетится, все какую-то работу себе находит. Да и внука не забывает. То картошку окучивать позовет, то грядки полоть. Однако разве это мальчишечьи занятия?

Виталько вышел на улицу, жмурясь от яркого солнечного света, посмотрел туда-сюда и зашагал к Серезкиной избе. А тут и сам Серезка навстречу. Вид у него непонятный, глаза какие-то шальные. Зато на плече удочки — вот это понятно.

— Ну и здоров же ты спать! — с ехидцей сказал Виталько.

Серезка вроде бы сначала и не понял его. Долго глядел молча и шевелил губами. Потом хмуро отозвался:

— Это ты такой шустрый?

— А я что? — быстро сказал Виталько. — Я ничего...

— То-то у меня!

Видно было, что и у него настроение сегодня неважное.

Откуда Витальку было знать, что Серезке вчера влетело от матери? Наказала она ему окучить две просошины картошки, а он и половины того не сделал. Утром нынче ему опять задание самое наитвердое: окучить уже не два ряда, а четыре. Причем было сказано, что если задание и на этот раз не будет выполнено, то самая гибкая вица вволюшку погуляет по его, лентяя и бездельника, спине. Серезка знал, что угрозы такого рода почти всегда так и ос-

таются угрозами, но тем не менее дал матери твердое слово окучить не четыре, а даже пять рядов. Поднялся чуть свет, быстро справился со вчерашними рядками, а затем что и стало — зашевелились мыслишки одна другой соблазнительней: наверно, в Шерве сейчас самые большие рыбины голодны. как собаки, и, словно оглашенные, сами бросаются на крючок.

А тут еще разговор один вспомнился. Такой интересный разговор с пастухом Алешкой состоялся. Ловил Алешка рыбу у мельничного омута, удивил Сережку: закинет удочку и — раз! — окунь на крючке. Опять закинет и — любуйся! — снова здоровенный окунь. Чудеса прямо!

— Алешка, — взмолился Сережка, — почему это к тебе рыбины сами прут, а ко мне ни одна не подходит?

Алешка и передал доверительно:

— Слово я знаю. Дедушка научил. Прежде всего надо, Сережка, поймать малюсенькую рыбешку, самого глупого малька. За хвостик его подержать, а самому в это время приговаривать: «Расти большой, расти большой, подлец. Иди обратно в речку, гуляй на воле. И позови ко мне мать и отца, я им червяка дам!» И бросить надобно того малька в реку. Он и позовет своих здоровенных родителей.

— Чепуха какая-то, — разочарованно заявил Сережка. — Дедушкины сказки.

— А вот и нет. Правильное поверье. Попробуй ужо.

Не поверил ему тогда. А сегодня вдруг решил: надо попробовать, может, и впрямь это самое... Старые люди знали толк во всяких таких делах. Надо попробовать, греха тут большого нет.

Сережка и не заметил, как опустил окучник, как кинулся за удочками, не понял, какая неведомая сила гонит его к речке. Очнулся он только возле Виталька.

Не знал всего этого Виталько. Коли бы знал, ни за какие коврижки не полез бы с такими обидными, не ко времени, разговорами.

— Сереж, а я вчера целую банку короедов насбирал, — вкрадчивым голосом начал Виталько. — Отец дрова колот... Большие короеды, вот такие, с палец, не веришь? Правда, правда! Один такой жирнющий попался, будто поросенок! Я его тебе отдам, хочешь?

Последние слова Виталько произнес не очень громко, как бы про себя, надеясь, что Сережка не расслышит. Но Сережка услышал. И только теперь с некоторым интересом и определенной снисходительностью посмотрел на друга.

— А у меня еще и дождевые есть, — продолжал Виталько. — За банями накопал. Такие веселые червяки, уж так они вьются-извиваются! Боевые червяки!

— Ладно, — смилостивился Сережка. — Айда! Собирайся! Да поживей! Ждать тебя некогда. Мне Алешка раскрыл один секрет. Надо проверить.

Виталька будто ветром сдуло. Стремглав понесся он домой, осторожно, чтобы не услышала бабушка, достал из-за стрехи удочку, и вскоре оба мчались на Шерву.

Но не зря же говорят: как день начнется, так и кончится.

Бежали они наперегонки. Возле берега, перед зарослями ивняка, остановились перевести дух. Глянули... У самого их заветного, у рыбного места на опрокинутой лодке сидит какая-то незнакомая старушечья! Кто такая?

Незнакомая старуха сидела, тяжело положив жилистые руки на увесистую палку, а на руки опустила морщинистый подбородок. Глаза старухи были прикрыты. Хотя стояла жара, одета она была в ватную фуфайку, закутана в шаль, а под шалью еще и коoshник! Откуда такая взялась?

СТРАННАЯ СТАРУХА

Долго они стояли за кустом ивняка, ожидая, когда бабка отправится своей дорогой. А она все сидела и сидела, точно пришибленная ворона.

— Издалека, видать, притопала, — шепнул Виталько. — Может, христарадничают?

— Все может быть! А сама, как видно, и впрямь издалека. Вишь, устала... Может, из леспромхоза? Это пятнадцать километров. А за каким таким делом, интересно бы знать?

Витальку было решительно все равно, с какими делами пожаловала старуха в Перкояг. Ему хотелось побыстрее наживить на крючок веселого червяка и таскать-потаскивать большущих рыбин. Но бабка си-

дела и, кажется, не собиралась подниматься. Потревожить ее тоже было боязно: вдруг осерчает и подымет на весь волок скандал-ругань? Встречаются на свете такие. Взять хотя бы ту же Кривую Каверзу. Детей до ужаса не любит, всех без разбору, да еще принародно, супостатами обзывает.

Наконец старушка встрепелась, словно спросонья, протерла глаза и поднялась, держась за поясицу. Но уходить покуда не торопилась. Покряхтывая, нагнулась, зачерпнула ладошкой воды, освежила лицо. Потом опять зачерпнула и выпила несколько маленьких глоточков. Поправила под шалью расшитый кокошник и только после этого грузно оперлась на палку, намереваясь двинуться.

И надо же было как раз в это время Витальку чихнуть! Сколько стоял, нисколько не хотелось, а тут вдруг, в самый неподходящий момент, — апчхи! Да так смачно, что и глухой бы услышал. А старушечка оказалась ушастая. Она проворно обернулась к ивняку и разглядела-таки ребят.

— Христос-батюшко! — удивилась бабка, широко и ласково улыбаясь. — Живые люди здесь, оказываются?

Улыбка ее была добрая, голос мягко-певучий. И глаза оказались добрые.

Ребята раздвинули кусты и вышли на песчаный берег.

— А мне вот вздремнулось маленько, — певуче проговорила бабка. — Притомилась, голуби мои... При села отдохнуть, да и задремала. Скажите же, молодцы, где у вас тут Сельверст Гаврилович Пономарев проживает?

Виталько посмотрел на Сережку, а Сережка — на Витальку. О Сельверсте Гавриловиче они слышали впервые.

— М-м... А у нас такого нету...

— Неужто я промашку дала? Ай ваша деревня не Перкояг? — с тревогой спросила старушка.

— Нет, Перкояг, — сказал Сережка.

— Так почему же Сельверста Гавриловича здесь нету?

И вдруг Сережка шлепнул себя ладонью по лбу:

— Есть! Есть! Да это же пастуха Алешки дед! Безухий Селько!

— Правда ведь! — обрадовалась и старуха. — Точно, Селько.

Ребята тут же вызвались показать, где живет Безухий Селько. Они шагали рядом со старушкой по пустынной улице. Любопытная Манька Онянова высунула в окно голову с косичками, во все глаза, с великим интересом посмотрела на старушку, затем на ребят, подмигнула: дескать, кто такая? Виталько ей головой помотал: не ведаем.

— Издалека, бабушка? — спросил Сережка.

— Издали, голуби мои, издали. Ноженьки мои бедные совсем отнялись...

— Из леспромхоза?

Старушка промолчала. И на этот раз, словно и не расслышала вопроса, она что-то пробормотала вроде: «Спаси мя и помилуй...»

На дальнем краю деревни ребята показали старушке, где живет Безухий Селько. И побежали обратно на речку. На берегу, разматывая лески, они долго смеялись. И было над чем. Нет, ну какая странная старуха! Где, говорит, живет Сельверст Гаврилович! Это Безухий-то Селько! Ха! Да его вся деревня, стар и млад, только Безухим знает.

И точно, безухим был Селько, вернее, одноухим. Правое ухо, мохнатое и большое, точно переросший гриб-валуй, красовалось на своем положенном месте, а левого совсем не было. Куда оно подевалось? Поди, медведь съел? Ребята этого не знали.

— Сережка, а как ты догадался, что Безухий Селько — Пономарев? — удивился Виталько.

— Газеты читать надо, — назидательно ответил Сережка. — Кто весной председателя колхоза пропесочил, когда плотину прорвало?

— Правда ведь. Сам видел. И подпись — «С. Пономарев». Надо же, а?

КОГДА РЫБА НЕ КЛЮЕТ

Знаменитого кородея пришлось-таки уступить Сережке: дал слово — держи. А кородей и вправду был, как поросенок, белый, толстый, упитанный. Такая наживка любой рыбине слаще конфеты. Не хочешь, да позаришься. Сережка с превеликим старанием насадил его на крючок и, как делают все завзятые рыбо-

ловы, трижды плюнул на него, прежде чем закинуть удочку.

А Виталько вытянул из баночки своего хваленого весельчака. Тоже наживка что надо! Самый большой лещ и конечно же, сию минуту соблазнится лакомством и попадет в Виталькин пестерек. Вот тогда и посмотрим, какие песни запоет бабушка, до смерти уважающая рыбные пироги. Тогда, небось, перестанет посылать внука куда попало, сама будет отправлять на рыбалку. Вот бы так!

Но попробуй! Сколько ни плясал на крючке развеселый червячок, а леща и в помине не было. Поплавок словно бы застыл. Напрасно Виталько забрасывал удочку то в одно место, то в другое. Клева не было.

Не радовался и Сережка. Все лещи и окуни были, видимо, уже сытехоньки и даже на самую соблазнительную приманку не обращали ровно никакого внимания. Время было безнадежно упущено. Прозевали жор. Даже тот малек-глупыш, которого можно было бы послать за родителями, не попался.

— Все из-за старухи, — глядя на поплавок, пробурчал Сережка.

— Из-за кого же еще, — согласился Виталько. — Вона сколь времени у нас оттяпала! Зачем она пришла? Может, с важным делом?

Сережка начинал злиться:

— Какие у старухи могут быть важные дела?

Чуть погодя и он призадумался.

А все-таки зачем пришла к Безухому Сельку странная гостья? Поди, о плотине какой разговор?

Детишки деревни Перкояг побаивались Безухого Селька. Страшноватый был старикан. Волосы рыжие — это ладно. Борода большая, рыжая — тоже стерпеть можно. Но вот глаза... Такие острые — насквозь тебя пронизывают! На людях старик показывается редко — бирюк бирюком. Видимо, пережитое горе сказалось на характере Селька.

Перед самой войной в деревнях Кайского волока выдался страшный неурожайный год: с весны до самой осени издалека, с Карского моря, дули холодные ветры, непрерывно шли дожди. Все колхозные хлеба вымокли на корню, не созрели, колхоз не вернул себе даже семена.

В страхе перед голодной зимой кое-кто заколотил свои дома и подался в другие, более хлебные края. Не усидел на месте и Безухий Селько.

— Дожили! Молоть на мельнице нечего. Даже крысы дохнут.

Сказал так на прощанье и уехал куда-то в Сибирь.

Долгие годы стоял его большой дом с заколоченными окнами. Так и сгнил бы, наверно, не вернись Селько обратно. Приехал он вместе с Алешкой позапрошлым летом, смущенно, будто виноватый какой, поведал людям:

— Всю войну на руднике робил, ковырялся, точно крот, под землей. Трудна там работа, трудна. Но выдюжил, хоть и без здоровья остался. Не захотелось, братцы, на чужбине помирать, домой потянуло. Ох-ох! Всех я потерял, всех...

Оказывается, его жена померла, сын — Алешкин отец — погиб на войне. Сынова жена — Алешкина мать — пошла в лес по грибы и не вернулась: медведь горемычную задрал.

— Эх, жизнь, жизнь, — сокрушался Селько.

Соседи называли его страдальцем и жалели всяк по-своему.

На отшибе жили дед и внук. Жили смирно, не в свои дела не вмешивались. А после того, как прорвало плотину, старый Селько точно взбеленился.

— Восстановить надо! — говорил он в Вильгорте председателю колхоза. — Восстановить немедленно!

— Овчинка выделки не стоит. У нас электрическая мельница сейчас. Зачем плотину?

— А рыба?! Ведь зеркального карпа разводить можно. Дополнительный доход колхозу!

— Не до карпа пока. Война едва кончилась. Понимать надо.

Рассердился Селько, в местную газету заметку настрочил. Председателя обвинил в бесхозяйственности, в неадекватности. А председатель и на заметку — ноль внимания. Тогда Селько в глаза обозвал колхозного руководителя негодяем. Вот до чего дошло.

Крепко осерчал Селько. Даже с соседями разговаривать перестал. День-деньской лешачит где-то в лесу: сделался охотником-промысловиком, стал добывать заготовительной конторе дорогую пушнину.

Зимой нынче лосей стрелял по лицензиям. Удачно лесовал — пристрелил пятерых лесных быков, говорят, немалую деньгу зашиб.

И вот — к бирюку и нелюдиму Сельку Безухому идет такая добрая да улыбчивая старушка. Думает, наверно, Селько чаем ее будет угощать!.. Как же!

— Эх, — сказал Сережка, — а все-таки чем они там заняты? Вот бы заглянуть!

— А как заглянешь? — возразил Виталько. — Селько в последнее время, кажется, в избе сидит, не вылазит на улицу.

— Ну и что? Подобраться к подокошку и заглянуть. И вся недолга.

Легко ему говорить: подобраться и посмотреть... Это к Безухому-то Сельку? Да лучше на узенькой тропинке с медведем встретиться!

— Заглянуть-то, конечно, можно, — неуверенно сказал Виталько.

— И-эх-х ты-ы! — рубанул рукой Сережка и так взглянул на приятеля, что и без слов все было понятно. Сережка дернул удилицем и принялся решительно сматывать леску.

— Погоди, Сережка... Возьми и меня...

— В таком случае живо у меня! Раз-два-три!

Виталько заторопился, сматывая леску. Но все же, чтобы показаться решительным, твердо заявил:

— Я первый подойду под окно!

— Нет, Виталько, первый — я. Тебе нельзя. Рост у тебя помене моего. Понимаешь? Я смогу больше твоего разглядеть. Да и вообще настоящий разведчик должен безо всяких разговоров слушаться своего командира.

Интересно, кто его назначал командиром?

НЕПОНЯТНЫЙ РАЗГОВОР

Гаврил, отец Безухого Селька, как помнят старые люди, был в Перкояге самым богатящим человеком. Он не доверял никому, считал, что все зарятся на его богатство, а поэтому, наверно, поставил свой дом подалее от завидущих глаз, на краю деревни, у самого лога.

В этом большом старом доме сейчас и жил один Безухий Селько. Если, конечно, не считать Алешку.

А что его считать? Парнишка все лето мотается возле старой мельницы, у самого Монастырского бора, пасет телят. Когда ему домой наведаться? Разве что рубаху сменить. Никакого хозяйства Безухий Селько не вел, хотя за крепким заплотом, опоясавшим домину, теснились хлевушки, амбары, сарайчики и закутки.

Под окнами этого дома и с боков шелестит листвою большой сад: растут пышные черемухи, рябина, вьются кусты смородины, малины. В прошлом году, когда Безухий Селько лешачил где-то в парме, Виталько и Сережка раза два-три ненароком пробирались в этот сад. И говорить нечего, вкусны были ягоды, вкусны! Да и проскользнуть в сад парнишке не так уж мудрено. Надо только пробраться, прижимаясь спиной к заплоту, по бровке лога — и шмыгнуть в небольшую калитку, через которую Безухий Селько спускается в лог за ключевой водой.

Но сегодня сунуться через эту дыру в сад было опасно: вдруг в кустарнике с глазу на глаз встретиться с хозяином!

Пришлось, извиваясь, лезть промеж жердей сначала в огород, затем за стенками хлевушек красться к амбару, а после лечь на живот и по-пластунски подбираться к окошкам. Проползли немного, прислушались, и только потом снова вперед. Невдалеке от дома опять прислушались, поотдохнули. И снова принялись извиваться между картофельными грядками. Ловко работали и руками и ногами, будто по воде плыли.

Но вот и стена. Надо проползти по глубокой канаве, затем встать на завалинку... Теперь остается только заглянуть в окошко. Как и было договорено, на завалинку поднялся Сережка. Вобрав в себя живот и весь вытянувшись, он прижался к стене, приподнялся на цыпочках и по-кошачьи проскользнул к окну. Виталько лежал в лопухах ни жив ни мертв. Какой Сережка смелый! Уставился глазами, словно прилип к окну.

— Никого! — спускаясь с завалинки, разочарованно прошептал Сережка.

Некоторое время они сидели молча. Вдруг Сережка наострил уши:

— За домом бубнят, в саду, верно. Айда! За мной! Держись тихо! Понятно?

Маскируясь за хлебушками, они выбрались на улицу, пробежали по кромке лога вдоль бревенчатого заплота.

— Под черемухами они, — прошептал Виталько. — Там беседка...

— Учи ученого. Лезем в малинник. Там слышно...

Так оно и есть. Безухий Селько и старуха сидели под черемухами за небольшим столиком, врытым в землю. Они разговаривали и неторопливо пили чай. Чай пьют! Это в жару-то, когда и так дышать нечем! Забавные эти старикашки! Выставили самовар, огромные кружки притащили, туесок с медом — и пируют. Безухий Селько распахнул ворот рубахи, распарился, раздобрел, обмяк от пота, лицо его покраснелось и сейчас уже все: и волосы, и борода, и лоб — все пылало ярким огнем.

— Болеет, значит, кормилец? — прискорбно спросил Безухий Селько. — Жалко!

— Захворал, захворал батюшко наш, — ответствовала старуха.

Она сняла фуфайку и сидела сейчас в одном черном сарафане. И шаль сняла, только кокошник на голове оставила. Рыхлое лицо ее тоже было в сплошном поту. Но чай все пила и пила. Макнет в мед кусок хлебушка, откусит немножко, подует в блюдечко и отхлебнет небольшой глоток — наслаждается старуха, сластит рот.

— И матушка здесь у нас тоже занедужила, — сообщил в свою очередь Безухий Селько. — Уж и не знаю, что с ней поделать.

— Вылечи ты ее, батюшко. Бог не забудет доброго дела, зачтет при случае, — участливо сказала старуха.

— Все сделаю, что в силах человеческих. Ужо доставлю ее в укромное местечко. Хозяюшка добрая. Однако морока. Сколь разов говорил батюшке, чтоб не посылал более — не слушает. Ведь можно все погубить.

— Это так. Но что ж делать, такова воля его. Нам с братцем перечить ему не приходится. Ты уж послужи, батюшко, доподлинно известно: это последняя гостья.

— Ладно, придумаем. А что же наказал? Ведь неспроста послал?

— Неспроста, милый, неспроста. Вычитал где-то-ось: на войне-де случается, когда солдат бросает оружие, чтобы продолжать воевать.

— Чтой-то это не так. Раньше, помнится, он другое изрекал.

— Все именно так, — сказала гостья. — Все именно так. Приказ нам даден строгий: убраться! Уничтожить!

— Да что же это, о господи, господи! — опускаясь на табуретку, застонал Селько. — Столько годов хранил, пуще глаза своего берег, мечтал: вот-вот пригодится. И все зазя, выходит? А вдруг потоп нахлынет — что мы тогда в руки возьмем? Палку-дубинку?

— Будет новый потоп — будет и новый ковчег, — сказала старуха. — Вот ее ищи, малинки этой сухой...

— Вряд ли что найдешь. Везде обшарил! — Селько безнадежно махнул рукой. — Упрямый брат Егорий унес тайну с собой. Однако следы... следы... следы... Ходун-бедун сохнет... А волки рыскают. Сказывал один знакомый, опять-де появились.

— А малина? Он спрашивает малину!

— Не нашел! — резко сказал Селько. — Не нашел — и точка. Сколь разов докладывал! Вот грибок сухих можно, орешков каленых... Слышно, покупают некоторые люди. Грибков хороших еще достаточно.

Старуха поморщилась, отодвинула кружку поближе к самовару, поставила ее вверх дном и вытерла распаренное лицо платком.

Виталько толкнул товарища в бок.

— Ну и важные дела! — иронически прошептал он. — Ковчег, волки, орешки, грибочки... Айда отсюда?

Сережка кивнул головой. Послушали — и хватит. Но старуха вдруг задрала голову, по-журавлиному вытянула шею:

— Оте-те-теть!

Как видите, икотка началась.

— Холодной водички тебе? — забеспокоился Безухий Селько и бросился в избу. Ничего не смогла ответить старуха. Раскинулась на скамейке, молчит — и только. А Виталько и Сережка тихонько поползли к калитке. И надо же было Витальку чихнуть! Апчки!

Еще раз — апчхи! Старуха сразу же сбросила ноги со скамейки, резко обернулась:

— Вам чего здесь?

Первым нашелся, конечно, Сережка:

— А мы так... Мячик наш залетел куда-то сюда...

— Кто там, матушка? С кем разговариваешь-то? — послышался из дома тревожный голос Безухого Селька.

— Да вон мальчишки мячик потеряли.

— Мальчишки? — рявкнул Безухий Селько. — Вот возьму палку и покажу я им мячик! Они, щенки, опять мою ягоду обчищать пришли! Ужо я им!

Когда Безухий Селько возьмет палку да прибежит к калитке, мальчишки, понятно, ждать не стали. Они рванули с места в карьер и полетели напрямик в лог. И только там, в густых зарослях, поняли оба, что опять неладное дело: чужой разговор подслушали.

И хотя бы интересный разговор, а то... И еще неизвестно, чем кончится эта вылазка. Если Безухий пожалуется родителям, то знатной трепки не миновать. Шастать по чужим огородам в Перкояге не принято. Ни под каким соусом.

СТРАХИ ЛЕСНЫЕ

Пока Виталько и Сережка от скуки и безделья следили за старыми людьми, пастух Алешка подправил развалившийся осек, а потом нарубил жердей для свежего загона, разбросал в траве соль-лизунец. А когда солнце выкатилось в самый зенит, сгонял телят к мельничному омуту на водопой. Работы на пастбище хватало, и к полудню Алешка устал.

По худому лицу грязными потеками струится пот, длинные ноги заплетаются на каждом шагу. Все его нескладное тело качается взад и вперед, будто кто постоянно подталкивает его в спину жердиной. Что и говорить, неказист на вид Алешка, тощ и угловат. И одежонка потрепанная на нем висит, будто ветошь на огородном пугале. После военной голодухи паренек так и не набрал тела.

Работает Алешка прилежно, старается все делать, как наставляет бригадир дядька Элексан, но все равно в Перкояге считается супонеем. А супоней, как известно, убогий, никчемный человек. Прилипла клич-

ка, и не отмыть ее, не отчистить. Не повезло в жизни парню, что и говорить. Сильно не повезло: рано остался без матери и отца, рос горемыкой, часто болел. Верно, из-за болезней и сидел в школе в каждом классе по два года: еле добрался до пятого, да тут и застрял. Пришлось бросить учение. Безухий Селько пристроил Алешку пастухом, дабы не ел дорогого послевоенного хлеба задаром. И ничего — работает парень, приносит посильную пользу деду и колхозу. Но все равно худая жизнь у Алешки.

Скучно пасти телят одному, особенно здесь, у Бездонного болота. Вокруг леса дремучие, болота топучие. Днем еще туда-сюда, вроде бы и можно жить, а ночью совсем худо. Только ляжешь в избушке на нары, только закроешь глаза, а за дверью и начинается разная чертовщина: лесная и болотная нечисть так и прет со всех сторон, так и валит валом. В лесу кто-то страшно ухаает, на болоте кто-то шебуршит травой. Недаром старые люди толкуют: лешаков в этих страшных местах — пруд пруди. И невозможно было бы жить, не будь у Алешки верных товарищей. Это первым делом, конечно, кочерга, вторым — топор. Хорошие товарищи, помогают. Дедушка Селько частенько напоминает: спать без этих товарищей в лесной избушке нельзя — осилит нечистый. Когда ложишься спать в избушке у болота, обязательно перекрести лоб, затем перекрести окошко да дымовую трубу в потолке, после этого дверь. Да не забудь поставить у двери обгорелую кочергу. Не забудь также на ночь воткнуть в порог топор свой. Лесная нечисть кочерги и топора пуще смерти боится.

А вот сегодня ночью Алешка чуть не пропал. Днем сильно умаялся: гонялся по лесу за отбившимся бычком. Сиганул, паршивец, через прясло и поскакал неведь куда. Немало поту пролил Алешка, пока вернул его, окаянного, в загон. Но справился все-таки, прилег отдышаться на нары да и заснул незаметно. Лоб не перекрытил, так и завалился. И вот, пожалуйста: в самую полночь заухало, застонало. Беда! Вскочил Алешка, глянул на волю, а там — Христос ты батюшко! — не разобрал кто! Но молитву положенную прочитал: «Свят, свят!» Тем и спасся.

Как-то недавно завернул к Алешке дедушка Петрован. Вдоволь посмеялся над Алешкиными страха-

ми и серьезно заверил, что нет на свете никакой нечистой силы и что все это брехня. Не поверил Алешка, покачал кудлатой головой.

В школе учительница тоже заявляла, что нет никаких лешаков, это давно-де научно доказано, что бояться совершенно нечего. Как не верить учительнице? И Алешка вроде бы не боялся. Но одно дело — в школе или дома, а совсем иное — в лесу у Бездонного болота. Совсем другое дело! После сегодняшнего ночного перепугу у парнишки до сих пор сердце не на месте, в голове сплошной гул, по спине, как вспомнишь, мурашки прыгают. Утром руки-ноги тряслись, есть нисколько не хотелось, погрыз сухарик — чуть не затошнило. Поработал до обеда, умаялся, а есть не хочется. Верно: от всяких страхов погибель приходит. Не зря же голова так и разламывается. Нет, убежать надо из этого леса, убежать. Но — куда и как?

Приезжал недавно из города Колька Сгодин, чудеса рассказывал: учусь-де в городе, в ФЗО, скоро каменщиком стану, живу на всем готовом. Звал Алешку с собой, обещал устроить на учебу. Дед Селько не отпустил.

Куда пойти, что делать дальше?

Сходил Алешка к роднику, набрал в котелок воды, сухарик размочил, пожевал. Тошнота. Скука. Надо уходить. Надо плюнуть на все — и деру. Сначала в город, а потом куда глаза глядят. А может, сходить к соседу Петровану или дядьке Элексану, рассказать все, что знает, совета попросить?

Боязно, однако, боязно! Дедушка Селько изведет...

НА ДРУГОЕ УТРО

Обычно Витальку снятся разные завлекательные сны. То привидится, будто вытянул он из Шервы такую щуку, что поднять одному не под силу, хоть плачь. То приснится, что в дневнике у него пятерок в два раза больше, чем у самой Мани Оняновой. То будто машет он сплеча острой саблей под командой лихого Чапая... Разведчиком, как дядька Элексан, бывал во вражеском тылу... А сегодня ничего ему не приснилось. Как лег — будто в деготь опустился. И пробудился не по своей воле.

— Ты долго еще будешь валяться, лежебока? — трясла его за плечо бабушка Аграфена. — Мать с отцом давно на лугах, а ты дрыхнешь. Где твоя стыдоба?

Виталько никогда не считал себя лежебокой. Просто сегодня было рано еще встать. А чтобы не огорчать бабушку, он притворился спящим. Он даже глаза не открыл. Наоборот, так громко захрапел, что бабушка уши прикрыла ладошками. И тут она любимому внуку сказала вот что:

— Витюшок... что я тебе скажу. Слушай-ка... Пошла я на речку, а там ваши удочки торчат. Потянула я за одну — а на крючке-то...

— Кто?! — так и вспрыгнул Виталько.

— Налим!

— Налим?!

— Да такой господин налим толстенющий, в рыбьем царстве, видать, урядником был.

Виталько с постели кубарем, холодной водой лицо смахнул, и только тут понял: налим летом, да еще на крючок, да еще на червя — не ловится... Провела-таки бабушка!

— А тебе, Витюшок, вот какое задание: слетай, родимый, к дедушке Петровану. Слышно, хворает он-де, снеси туесок меду, полегчает, поди.

К Петровану, к дедушке Маньки Оняновой, почему не сходить? Очень хороший дед. Это тебе не Безухий Селько. Понимает человека. Недавно лодку дал по Шерве сгонять до Утинового островка. А вернулись — нате вам, ребятишки, манок-свистульку из гусяного пера, любого рябчика куда угодно заманит. Пойти к такому деду — одна радость.

— Ладно, — сказал Виталько, — давай туесок, сбегаю.

Едва на улицу вышел — Сережка тут как тут, в руке закопченный котелок:

— К дедушке Петровану иду. Рыбу несусь, отец наловил.

— А я мед несусь. Во!

Дед Петрован лежал в сених, в холодке. Свою лежанку он завесил холстинным пологом, чтобы комары не донимали. Сейчас полог с одного края был приподнят. Сережка и Виталько вошли тихо, чтобы дверь не скрипнула. Дед Петрован хотел было при-

подняться, но тихонько ойкнул и опустился обратно на старую шубу.

— Дедушка Петрован, — поспешил сказать Виталько, — а я тебе меду принес, бабушка велела.

— А я рыбу.

— Вот оно как, — сказал дед Петрован и завозил-ся на лежанке. — А ну, подмогните, ребятишки...

— Ты, дедушка, лежи, — строго сказала Маня, появившаяся невесть откуда. — Тебе лежать надо спокойно.

А ребятам Маня так же строго сказала:

— Это хорошо, что меду. Давайте сюда.

— А рыбу можно? — спросил Сережка.

— И рыбу давай. Шербу сварим.

В руках Мани работа так и кипела. Как ветер, носилась она из избы на улицу, с улицы в избы, гремела кастрюльками и мисками. Шерба из свежих лещей сварилась так быстро, что ребята не успели оглянуться. Маня внесла дымящийся котелок. Пахло до того вкусно — голова кругом. Мальчишки помогли деду Петровану поудобнее устроиться на лежанке. Маня налила ему полную миску душистой ухи, ребятам тоже плеснула. Но есть дед Петрован не мог: ложка так и тряслась в его ослабевшей руке. Тогда он отложил ложку в сторону и принялся осторожно отхлебывать через край миски.

— Я как худой солдат, — слабо улыбнувшись, пошутил дед Петрован. — У худого солдата за голенищем никогда нету ложки. А есть надо. Чем? Нальют ему котелок супу, так он так же, как я, через край тянет.

— Деда, а ты солдатом был? — спросил Виталько. Тоже воевал?

— Довелось, внучек. Первая мировая — раз, гражданская, — два. При коллективизации с бандюгами тоже, почитай, как на войне. А на Отечественную уже не брали — старик...

И смолк, припоминая что-то свое.

— Дедушка Петрован, — сказал вдруг Виталько, — к Безухому Сельку гостья вчера пожаловала — странная такая старуха. И разговоры у них с Сельком тоже очень странные.

— Чего, чего? — заинтересовался дедушка.

— Я говорю...

Тут Сережка как бы невзначай так ему сунул в бок, что Виталько прикусил язык, сразу поперхнулся. Он только и смог выдать из себя:

— Нет, ничего.

Маня тем временем внесла топленое молоко, да не простое, а с медом, каждому налила по большой кружке. Дед Петрован выпил свою, обжигаясь, попросил добавки.

— Хорошо! Спарился. Сейчас вся моя немочь вместе с потом выйдет. Мы еще повоюем, герои!

С ЧЕГО ВЗБЕЛЕНИЛСЯ СЕЛЬКО?

Маня взяла ведро и понеслась вприпрыжку в лог за домом Безухого Селька по ключевую воду. Виталько и Сережка в это время сидели на крыльце и, как всегда, тихонько поругивались.

— У тебя язык длиннее сажени, так и ходит туда и сюда, — сказал, сплюнув, Сережка.

— А ты мерял? — взъерошился Виталько.

— Понятие надо иметь! Кто сейчас чуть-чуть не выболтал, что вчера чужой разговор подслушали? Тебе больно хочется, чтобы нас длинноухими прозвали? Скажи: хочется? А вдруг мамка узнает? Ведь она подумает, что воровать мы заходили на сельковский двор.

Виталько подумал и рассудительно сказал:

— Ничего она не подумает. А деду Петровану можно бы рассказать обо всем.

— Умишка у тебя не лишка! — Сережка горестно усмехнулся. — И зачем только я с тобой связался!

Он, конечно, понимал, что старушка в кокошнике — весьма странная птица и разговор с Сельком не случаен, имеет свой смысл. О нем следовало бы рассказать старшим. Но почему Виталько наперед его суется? Геройской славы захотелось? Дескать, смотри-те, какой я: шпионов выследил.

Насупившись, Виталько тяжело вздохнул. Трудно понять Сережку, даже никак невозможно понять. Иной раз человек человеком, о чем хотелось — о том и говори с ним на равных, а иной раз и полсловечка не терпит. И почему он из-за всякого пустяка сердится?..

— Сerezька, очень уж неладно живем мы. Слышь, давай больше не ссориться. Плохо так.

— Плохо — так не живи.

Кто знает, чем бы закончилась эта перебранка, если бы Виталько не разгадал Сerezькины думы: нарочно привязывается, чтобы душу отвести, а то, быть может, и кулаком по хребтине... На всякий случай он поднялся и вразвалку отправился домой. И ушел бы, если бы вдруг не увидел Маню Онянову. Маня бежала во всю прыть с пустым ведром.

— Ой-ой! Безухий Селько Алешку бить собирается, уже и ремень снял! — Маня приостановилась и отдышалась. — Иду мимо ограды... ничего не думаю-у...

— Да не тyani ты! — в голос закричали мальчишки.

— Иду это я... я ничего... и вдруг слышу: Алешка хнычет!

— Алешка?

И, не сговариваясь, понеслись к дому Безухого Селька, прильнули к щелям заплота, даже дышать перестали.

Безухий Селько держал Алешку за отвороты брезентовой куртки и внимательно смотрел ему в глаза. От его взора Алешка трепетал, дергался, плечи вздрагивали. Безухий Селько еще внушительней посмотрел на внука, заскрежетал зубами:

— Трех медведей приручил, учеными сделал, а тебя, псину, и подавно выучу. Я из тебя сделаю человека! Да пойми ты, сопляк: не ради себя стараюсь, а ради тебя. Будешь слушаться меня, так бог счастья подаст, ума прибавит.

— Ничего мне не надо, — заикаясь и хлюпая носом, сказал Алешка.

— Я сам знаю, чего тебе надо и чего тебе не надо! Зачем тогда на свет появился? Ну-ка, скажи — зачем?

— Не знаю...

— Вот сейчас будешь знать.

И Безухий Селько поднес к Алешкиному носу ремень. Алешка заранее начал извиваться, переступая с ноги на ногу, размахивать руками, точно галчонок крыльями.

— Не надо, не надо, милый дедушка!

— А-а! Значит, не надо? Тогда говори, зачем на свет появился?! Быстрее говори, а то сейчас как свистну!

— Тебя слушаться, дедушка!

— А еще? — допрашивал Безухий Селько.

— А еще боженьку слушаться!

— Ну и слушайся тогда! А то — нет да нет... Я тебе покажу — нет! Сделаешь все, что тебе приказано. Да смотри у меня — не своевольничать! А то возьму топор и головешку твою пустую, как петуху, — раз!

Странная старуха в кокошнике сидела на крыльце, спокойно смотрела на эту картину и умиротворенно улыбалась. Вот безобразная кикимора! Человека бить собираются, а ей весело...

Мальчишкам жалко было Алешку. Пальцы их так и вонзились в заплот. Очень хотелось бы чем-то помочь Алешке, да чем поможешь. Были бы дома взрослые. Почему Алешка терпит такое? Вот дурень!

Алешка робко стоял перед грозным дедом. А Безухий Селько вынул из кармана какой-то блестящий предмет и поднес его к губам Алешки.

— Целуй! Целуй и дай клятву страшную. Не сделаешь в точности, как я тебе приказал, — тотчас будешь громом поражен. Понял, что ли?

Теперь ребятишки распознали, что в руке Безухого была маленькая иконка. Алешка прикоснулся губами к ней.

— Вот так, — проговорил Безухий Селько. — А сейчас куда иди к своим телятам. Как стемнеет — туда...

И вдруг подозрительно уставился волчьими глазами в то место заплота, где притаились ребятишки. Тотчас они бросились со всех ног куда глаза глядят.

Нет, не слышно было такого, чтобы Селько внука своего ремнем страдал. Любил вроде бы его, жалел горемыку, а тут... С чего это взбеленился старикан? После разговора со старухой? Странно, странно...

ВОЛШЕБНЫЙ ТАЛИСМАН

Шастать по чужим огородам в Перкояге не принято. Попадешься — отдерут родители как сидорову козу. Зато на своем огороде торчи хоть с утра до ночи, трудись в поте лица, не отлынивай.

Вчера вечером, когда мать узнала, что Сережка опять не выполнил твердого задания, ему, ненаглядному, влетело-таки: строгая родительница левой рукой взяла за шиворот, а правой как щелкнет по известному месту — будь здоров! И даже отец, на что уж ласковый, а тоже словцо выговорил:

— Лоботряс ты, Сергей! Лодырь, каких в Перкоге во веки веков не бывало. Иди спать, разгильдяй!

Вот оно как вышло. После таких слов хочешь не хочешь, а окучник в руки возьмешь.

Тяп-тяп-тяп... Тяп-тяп-тяп...

Работа-то и не трудная, но пыльная, да еще такая утомительная, будь она неладна. Окучишь один кусток, а впереди другой такой же, а там третий.

И так без конца.

А тут еще раздумья всякие горестные прут в голову. Вспомнилась ни с того ни с сего обида школьная, всколыхнула душеньку. Обидели человека, да еще как! Прошлым летом ходили с экскурсией к Щучьему озеру. Старостой группы кто был? Сережка! В зимние каникулы ездили в леспромхоз смотреть первый трелевочный трактор — начало лесной механизации. Старшим кого назначили? Сережку. А потом?!? Всю зиму готовились к поездке в город, Сережка уже видел, как опять ходит в руководителях. И вот радуйся: перед самой поездкой, когда каникулы начинались, вдруг выяснилось, что старостой группы назначили Катю Петрову, конопатую девчонку из Вильгорта.

Почему, спрашивается?

Везде Сережка да Сережка, а тут вдруг Катя Петрова. Будьте любезны! И выходит: езжай, парнишка, в город, да смотри не дури, слушайся девчонку. Что она прикажет, то и выполняй. Заставит Катька дежурить в общежитии, так и дежурь. Ты подчиненный. Зайдешь в столовую, а Катька сразу команду: «Неси на стол ложки и хлеб!» Поднимайся и неси — подчиненный.

Нетушки, спасибо!

Не поехал Сережка в город. Отказался, ссылаясь на неотложные домашние дела. Да и Виталька отговорил: мол, чего там, в городе-то, не видал — на ули-

цах пылища, машины туда-сюда носятся. Ничего интересного. А дома рыбалка, ягоды...

Хороший друг Виталько. Согласился с Серезжкой.

И вот приходится картошку окучивать, думать. Как так вышло? Учительница рассердилась за что-то? Может, кто наябедничал: дескать, подзатыльники дает, вместо себя в классе дежурить принуждает. Кто мог наябедничать? Васька Порсев из Гундыра? Толку никуда, а тоже ерепенится, уже два раза Серезжку самохвалом обозвал. Порсь так порсь и есть, неспроста у него поросячья фамилия. А может, Петька Лунегов? Мог и он. Тоже косо смотрит, ехидно хихикает, генералом обзывает да еще в стенгазете карикатуры рисует. Однажды такое нарисовал — плевать хотелось. Человек не человек, петух не петух. Хотя под карикатурой и не было подписи, а все почему-то на Серезжку поглядывали...

Эх, да чего уж там! Разве узнаешь, кто на тебя мог наябедничать? Нипочем не узнаешь. Ну да пусть, пусть! Ха, Катя Петрова! Наплачутся они с нею там, в городе!

А Серезжка еще покажет себя. Еще все ему завидовать будут. Вот сегодня же бабахнет такое — вся деревня на руках носить будет. Спыхватятся, начнут все говорить: вот какой он, оказывается, был, а мы и не знали. И почему его старостой не поставили?

Тяп-тяп-тяп... Солнышко так и печет, оводы кусаются. А рядом речка, рыбки там плещутся. Интересно, чем сейчас Виталько занят?

И тут Серезжку осенило. Позвать Виталька: пусть поможет с картошкой разделаться. В самом деле, друг он или не друг? «Заартачится — обману!» — решил Серезжка.

Только как? Не рассказать ли ему про штуkenцию, что нашел вчера в чулане, роясь в пыльном хламе? Такая это заковыристая штуковина...

Бросил Серезжка окучник, побежал на берег. Ну, так и есть! Сидит Виталько на опрокинутой лодке, размышляет о чем-то.

— Вить! А Виталько!

Виталько будто и не услышал.

— Виталько, ты сердисься, что ли?

Виталько поднял голову, посмотрел Серезжке в глаза.

— Нет, я не сержусь.

Вот это друг! Никогда не сердится! А если узнает про штуkenцию? Совсем ладно будет!

— Так чего же ты тогда? — спросил он друга.

Виталько ответил не сразу.

— Я думаю. Я, Сережка, думаю: почему Безухий Селько Алешку всякими карами стращает? Что он заставлял сделать? Зачем иконку целовать принуждал и клятву спрашивал? И еще вот что, Сережка: про каких таких волков говорил Безухий Селько с той старухой? Грибки, орехи каленые... Упрямый Егорий... Мне почему-то кажется, тут какая-то тайна.

Сережка на этот раз охотно согласился с ним:

— Надо посоветоваться. Ужо сбегает к разведчику Элексану. Только некогда мне сейчас бегать. Картошку, знаешь ли, окучивать заставили. Беда прямо.

Картошка Виталька не волновала. Бойкая бабушка Аграфена с этой работой давно разделалась. Вот почему ее любимый внук сейчас безмятежно завалился на спину и, глядя в бездонное небо, стал наводить скуку:

— Эх, знать бы волшебное слово! А, Сережка? Ну такое... чтобы произнес его — и сразу, что тебе надо, то и появилось. Я бы тогда ка-ак гаркнул: «По моему хотению, по моему велению появись на месте Бездонного болота цветущий сад!»

— Чудак! Чего захотел! Сразу цветущий сад! Волшебного слова, Виталько, нет никакого, — авторитетно заверил Сережка. Помолчал и добавил: — А вот штуkenция у меня одна действительно имеется. Похоже, и впрямь волшебная.

Виталька так и подбросило:

— Какая такая штуkenция?

— Диво дивное. Талисман называется. Ну так вот, у кого имеется она, эта штука, то есть талисман, с тем нипочем никогда никакой беды не случится. А что загадает — непременно сбудется, и что задумает — непременно сделает.

Сережка таинственно огляделся по сторонам и, страшно округлив глаза, сообщил:

— Дедушка мой имел такой талисман.

— Дедушка?

— Ага. Бабушка перед смертью все так и выложила мамке. Я тогда уже большой был, все понимал,

все слышал. Не хочешь, да поверишь. Слушай. На двух войнах дедушка мой воевал — и не убили. Дома с бандитами дрался — и тоже цел-целехонек остался. И какое бы дело ни начинал дедушка — завсегда удача ему. Пойдет в лес на медведя — возьмет. Пойдет на рыбалку — самую крупную рыбину вытащит. Засеет свою делянку овсом — стена стеной, ни у кого такого нету.

— Ну и ну! — воскликнул Виталько. — Так что это за талисман?

Сережка выдержал значительную паузу, делая вид, будто очень занят тем, что выковыривает кусочек смолы из паза лодки.

— Ну, Сережка! — взмолился Виталько.

Сережка медленно повернул к нему голову:

— Трубка!

— Простая трубка? — разочарованно протянул Виталько.

— В том-то и дело, что не простая, — отрезал Сережка. — Волшебная. Талисман. Я же говорю! Коротенькая такая, из березового нароста вырезана. Мундштук узорчатый, витой, а куда табак наминают, так там и совсем чертяка с рожками и кривым носом, и с бородкой козлиной. Надо думать, в этом чертяке вся сила и таится. Дед мой собственноручно выточил ее и никогда с нею не расставался. И в чужие руки не давал. Колдун, видать, был мой дед. Вчера я ее в чулане раскопал.

— А ну, покажи!

— Не с собой она, — замаявшись, сказал Сережка. — Я не дедушка, чтобы с собой куда попало таскать. Была бы нужда! Айда к нам, покажу дома.

И показал. Действительно, штуkenция что надо. Мундштук узорчатый, витой... Здорово все сделано. И сила, прямо скажем, волшебная в трубочке спрятана: Виталько и глазом моргнуть не успел, как самым непонятным образом оказался на Сережкином огороде, глядит — в руках тяпка-окучник!

Вот он какой, талисман этот самый. Не хочешь, да поверишь!

Опомнился Виталько только к обеду, когда вдруг почувствовал, что страшно хочется есть; когда отнялись руки, будто чужими сделались; когда спина заняла от усталости. Оглянулся Виталько вокруг, по-

глядел на проделанную работу и ахнул: десять рядков окучены! За какие грехи? Поглядел на Сережку, а тот улыбается. Вот нахал! Хотелось от обиды взвыть, обругать вдруг захотелось Сережку крепким словом, да попробуй! Посопел Виталько носом, поразмыслил и решил проглотить несправедливость. Он махнул рукой, плюнул: так тебе и надо, дураку, не будешь слушать всякую ерундовину.

— Ну, хозяин, здорово ты меня облапошил! — сказал с кривой ухмылочкой. — Талисман! Ха-ха...
Сережка ничего не сказал.

НОВЫЕ ЗНАКОМЫЕ

Сережка не успел сказать ничего потому, что с низовья Шервы донеслись громкие хлопки, будто кто-то по воде бил ладошками: шлеп-шлеп-шлеп!.. С каждой минутой звуки приближались и стали слышны уже совсем близко.

— Моторка. Вон прямо на нас летит! — воскликнул Сережка и бросился к реке. Виталько — за ним.

Моторная лодка на Шерве не диковинка. То ягодники в верховья поднимаются, то косари, то охотники веселыми компаниями. Но они проносились мимо без остановки, все мимо да мимо. А на этот раз...

Моторка плавно подошла к берегу, из лодки выскочили двое, ловко зачалили трос на костыль возле опрокинутой лодки. Один из незнакомцев был высоченный, широкий в плечах, с громадными черными усами, а другой был молодой, лицо, как у Виталька, сплошь покрыто веснушками. Оба одинаково одеты в синие комбинезоны, в брезентовые куртки, обуты в болотные сапоги с длинными голенищами... А в лодке, а в лодке! Два новеньких ружья-двустволки, как на картинке, большие рюкзаки, какие-то ящики, приборы, треноги...

— Здорово, братишка! — крикнул Витальку молоденький. — Одолжи мне своих восемнадцать штук веснушек! Нет мелочи — гони двугривенный, я тебе парочку сдачи дам. — И сам захохотал: — Ха-ха-ха!

Усатый в это время повернулся к Сережке:

— Как звать тебя, богатырь?

Польщенный Сережка ответил:

— Хотя бы Сережкой...

— Вот удача! — воскликнул усатый. — Не успел приехать, сразу тезка навстречу! Только мое имя чуть подлиннее твоего: Сергей Петрович. А напарника моего Володей кличут. А тебя как, юноша?

— Виталько...

— Ну вот и познакомились.

Он устало опустил на худую опрокинутую лодку и толстыми пальцами принялся разминать то-нюсенскую папиросу. Веснушчатый Володя ничком повалился на горячий песок.

Сережка незаметно поддел Виталька ногой и прошептал значительно:

— Вот тебе она, удача-то! Не успели упомянуть о трубочке — и видишь, сразу... Я же тебе говорил!

— Что примолкли, орлы? — закурив, принялся расспрашивать усатый Сергей Петрович. — Как успехи-подвиги? Как живете?

— Худо живем, — чистосердечно признался Виталько.

Сережка еще раз незаметно толкнул его ногой и ловким ходом перевел разговор на другое.

— А вы геологи, дядя Сергей Петрович?

Новый знакомый ответил не сразу. Прищурясь от яркого солнца, он внимательно поглядел на наших друзей, перевел взгляд на синеющий вдалеке бор.

— Мы изыскатели, — наконец ответил он. — А задание у нас, братцы мои дорогие, вот какое: во что бы то ни стало побывать за Бездонным болотом, посмотреть, можно ли там открывать новый механизированный леспромхоз. И трассу под лесовозную дорогу определить, чтобы древесину возить к Шерве. Вы, ребяташки, места здешние, конечно, хорошо знаете?

— А то!

И переглянулись.

Хорошие дядьки эти изыскатели, веселые. Вот бы пойти вместе с ними за Бездонное болото! Насмотрелись бы всякой всячины. Только как туда пойдешь?

— Дядя Сергей Петрович, а если не сумеете побывать там, тогда и поселка у нас не будет? — спросил Виталько.

— Где это — там?

— А за Бездонным болотом.

— А как это не сумеем? Почему не сумеем?

— Так говорят у нас старые люди: нельзя-де за

болото пробиваться, зыбун такой страшный, всех засасывает.

Сергей Петрович только рукой махнул:

— Места здесь трудные, это мы знаем, орлы... Но обязательно пройдем. Как не пройти? Лес растет на нашей земле, вон его сколько там, темным-темно. И не может быть, чтобы этакое добро да пропадало.

— Возьмем, — подтвердил и веснушчатый Володя. — Только надо сначала все осмотреть, прикинуть, что к чему...

— А зачем обязательно за Бездонное болото пробиваться? — прикинув что-то в уме, вдруг сказал Сережка. — Лесу и здесь хватает. Эвон сколько кругом.

Изыскатели согласились с ним. Действительно, здесь, под боком, лесу много. Но для механизированного леспромхоза его хватит лет на пять, не больше. А надо лет на тридцать-сорок.

— А сейчас, орлы, ведите-ка нас в деревню. Рекогносцировка местности — вам такие военные слова понятны?

— Понятны! — в голос ответили друзья.

У МОГИЛЫ ГЕРОЯ

В конце единственной улицы Перкояга, у самого кладбища, на зеленом холмике стоит деревянная пирамида, увенчанная пятиконечной звездой. По обеим сторонам пирамиды высятся старые кедры. Они стоят зимой и летом одинаково стройные и темно-зеленые. Поглядишь на них — и кажется, что они стоят вечно. На пирамиде — прямоугольная металлическая пластинка. На ней красивыми буквами вырезана надпись:

А. П. САЛЬНИКОВ

1909—1934

Изыскатели остановились у пирамиды. Долго стояли молча.

— Молодым умер, — наконец промолвил Сергей Петрович. — Ровесник мне.

— Ровесник? — удивился Сережка.

— Вот именно. Ну-ка, подсчитайте, молодцы, сколько мне сейчас лет? Посмотрим, какие вы есть грамотей.

Мальчишки на минуту призадумались, а затем улыгнулись.

— Тут, дядя, и считать-то нечего. Сейчас у нас тысяча девятьсот сорок восьмой, а Андрей Сальников родился в девятьсот девятом. Вам, дядя, тридцать девять лет.

— Точно, — подтвердил усач. — Молодым он умер, в двадцать пять лет.

— Бандиты его убили, — сказал Виталько.

Еще помолчали.

— Оказывается, и в мирное время... — проговорил Володя.

— Классовая борьба шла, — сказал Сергей Петрович. — Кровавая борьба, жестокая. Кто он такой, ребята, как погиб?

— Это Андрей Павлович Сальников, первый председатель нашего колхоза, — принялся разъяснять Виталько. — Он, дяденьки, настоящий, геройский человек был. Никого не боялся! Коммунист! Дедушка Петрован нам про него рассказывал. С кулаками боролся, когда в колхоз записывали. Они, эти кулаки, его и убили. В ту пору и по дедушке Петровану стреляли.

— Да-а, — задумчиво произнес Сергей Петрович.

Мальчишкам очень хотелось поведать своим новым знакомым, как шла в Перкояге эта самая классовая борьба...

Да откуда ни возьмись — Безухий Селько. Точно из-под земли вырос, поздоровался:

— Мир вам, добрые люди!

Сережка с Витальком так и вздрогнули. Вот схватит сейчас обоих да и начнет лупцевать: не подглядывайте в чужие дворы! Но Безухий Селько словно даже и не узнал их, будто их вовсе не было. Он важно и с достоинством пожал руку сначала Сергею Петровичу, как старшему, а затем его молодому товарищу. И даже улынулся. Эх, как он улыбался! Криво, словно пес, который не знает, поджать хвост или оскалиться.

— Что, опять нефть разведывать пришли? — весело спросил он.

— Нет, отец, у нас другая задача, — ответил Сергей Петрович, — лес нам нужен. Вот тот самый, — и кивнул на темнеющий вдали массив.

— Лес — тоже неплохо. А я думал, нефть. В прошлом году заворачивали сюда нефтеразведчики, сколь дней ходили.

— И что же?

— Да ничего. Походили, говорю, побродили да и ушли. Хотели вышку поставить за болотом — да куда там! Махнули рукой. Техника слабовата!

Безухий Селько говорил это весело, с прежней улыбкой.

— Значит, невозможно туда проникнуть? А нам говорили, будто спустили мельничный пруд и длинный рукав пруда, это самое Бездонное болото, насквозь просохло. Разве не так?

— Куда там! Зыбун проклятый. Разве что по Вятскому волоку. Да это такого кругаля давать! Приходилось мне там бывать, приходилось. Дикость да бурелом. А в прошлом году две ученые женщины сюда заглядывали, лекарственные травы искали. Такие смелые были да настырные! Вкруг болота все обшарили. Да беда приключилась. Промахнулись дамочки немножко. Углубились в болото, зазевались — да и ухнули в дыру. Если бы не успели ухватиться за ивняк — сгнули бы, поминай как звали. А я как раз по той поре сено ворошил поблизости. Слышу, верещат, что твои лешие, благим матом. Схватил быстро жердину да пополз на брюхе. Едва вызволил. Сотнягу мне потом отвалили. Такие представительные дамочки...

Селько ухмыльнулся.

— Беда, — раздумчиво сказал Сергей Петрович. — Неужели совсем непроходимое место?

— Лешачье место! — уверил Безухий Селько. — На что зимой все будто бы льдом сковано — все одно человека не стерпит: не промерзает, будь оно неладно, пар так и валит снизу, будто из самовара.

Возвращаясь к реке, Сергей Петрович сокрушенно покачал головой, заметил тихо:

— Добрая половина домов в деревушке пустует.

— Ветхость и запустение, — осклабился Селько. — Одни в село подались, а другие — и того дальше, в город. А до войны шумная деревня была, людная...

С высокого берега все поглядели в сторону чернеющего вдали леса, долго молчали.

— А если попробовать с верховья Шервы? — спросил Сергей Петрович. — Подняться на лодке, сколько можно, и завернуть пешком влево, в сторону массива?

— Это совершенно невозможно! — как бывалый человек, твердо сказал Селько. — Нет там людям ходу. И зверю тоже. Бочажина на бочажине. Старицы, ручейки, ямы... Топи там почище Васюганских. Есть такие в Сибири...

— Беда. Значит, только через Вятский волок? А как это практически?

— Один выход — обогнуть болото. Миновать Моностырский бор — это вон там, километрах в пяти-шести, затем выйти на Мегырские гари... Однако места тоже лешачьи. Да! Буреломы там прошли страшные, все перекорежено-переломано. Некуда ногой ступить. А путь не близкий: километров тридцать с гаком. Да что же я это в самом деле? Вы устали, проголодались, есть хочется с дороги... Во всей деревне ни души, давайте ко мне в дом. Чем богаты, тем и рады. Посидим, потолкуем за самоваром, может, что и дельное придумаем. Да и мне веселей — целое лето один сижусь, хворый пень...

— Горяченького — это неплохо, — проговорил Володя.

— Изладим! — заверил Безухий Селько.

И увел ведь обоих. Вот так медведь! Мальчишки не успели и поговорить как следует. А как хотелось напроситься в настоящий поход через Вездонное болото! И откуда только рогатые Безухого Селька так некстати сунули?!

ОЧЕНЬ ПЛОХО АЛЕШКЕ

После полудня Манька Онянова затопила баню, натаскала из колодца целую лохань воды. В лесной деревне баня для старого человека — первое дело, все равно что санаторий.

Пока трещали в каменке сухие дрова, Манька сбегала в ближнюю березовую рощицу, наломала душистый свежий веник, распарила его в кипятке.

— Поспела баня, ступай, дедушка.

Дедушка покорно побрел в баню, держась за поясницу, втиснулся в пекло. Жара в бане была невыносимая, кажется, и носу нельзя сунуть. А старичок

плеснул на каменку еще с полведра воды. Сухой пар так и обжег все тело. Петрован зажмурился, радостно застонал, взобрался на полок и давай же выгонять из себя хворь. Кляс! Кляс! Кляс! — щелкал свежий березовый веник и, будто заводной, бойко ходил по дедовым ногам, по бокам, по спине. Петрован при этом жадно глотал свирепый жгучий пар, покряхтывал.

И так полчаса, если не больше. Десять потов пролил он на полке, немилосердно обхаживая себя веником. И стал он как пареная репа, как тот вареный рак. И только после, когда вконец иссякли силенки и трудно стало дышать, старик свалился с полка, на четвереньках выполз в предбанник. «Хорошо! Эх, добро», — прошептал он, садясь на лавочку. Минут двадцать сидел, хватал ртом свежий воздух, еле отдышался. А как отдышался, тотчас потрогал бороденку: цела ли? Не облезла ли от кромешной жары? Борода была цела, не облезла. Петрован не спеша оделся во все чистое, зашагал домой. За поясницу уже не держался: распарились старые кости, мягкими сделались — не скрипят.

Дома Петрована дожидался гость — пастух Алешка. Он сидел на лавочке, почему-то прикрыв ладонью лицо. Когда скрипнула дверь, паренек резко поднял голову, слабо улыбнулся: дескать, с легким паром тебя, дедушка.

— Молодец, Алешка, что зашел, — похвалил его Петрован. — Давай рассказывай, как дела.

Алешка захаживал к Петровану и раньше. Иногда просто сидел и слушал разные побасенки старика, иногда про Сибирь рассказывал, мать вспоминал. Дед Петрован жалел паренька, звал бедной сиротой и, как мог, утешал.

Сегодня Алешка был сам не свой: бледный, лохматый больше обычного, руки его дрожали, голова никла.

— Что с тобой, парень? Не болеешь ли? — встретился дед Петрован.

— Болею, захворал, как видно, — уныло согласился Алешка. — Голова разламывается. Есть ничего не могу, кусок в горло не лезет. И спать тоже не могу. Целую ночь не спал.

Дедушка удивился, заговорил горячо:

— Вот как! Да тебе, парень, надо немедля в больницу, к доктору тебе надо, Алешка...

Алешка походил на древнего старичка, пришибленного болезнью. Время от времени он испуганно озирался по сторонам, открывал рот, намереваясь что-то сказать, но каждый раз не мог насмелиться.

Его что-то мучало.

— Давай-ка завтра же отправляйся в Вильгорт, в больницу. У тебя, видать, нервы не в порядке, — сказал дед.

— Телят не с кем оставить...

— Ничего с ними не станется, — заключил старик. — Найдется кому поприглядеть денек-другой. Могу в этом деле и я пригодиться. А ты лечись. Лекарства тебе дадут. Понял?

Алешка вяло покивал головой, шмыгнув носом. Он долго молчал, понурился головой. Дедушка смотрел на него жалостливо, жевал губами.

— Деда... деда Петрован... что я хочу сказать...

— Что такое? Может, есть хочешь? Ох ты, бедолага. Маня, принеси-ка нам краюху хлебца!

— Не, деда... Я сыт.

Алешка тяжело вздохнул, поерошил скатавшиеся волосы, зябко повел плечами — и опять ничего не сказал.

— Так что ты хотел?

— Да ничего, дедушка Петрован... Нет, ничего, в больницу я пойду...

— Иди, непременно иди. Там тебя живо-два на ноги поставят. А за телятами я присмотрю. С Манькой мы хорошо справимся. Да еще парнишек позовем, Виталька и Сережку, они шустрые.

— Помру, наверно...

— Ты это брось у меня! — прикрикнул на него дедушка Петрован. — Я старый человек и то о смерти помалкиваю. Ну ее!

Дед присел рядышком, провел доброй рукой по костлявым плечам паренька. Маня в это время колдовала у шестка, готовила дедушке чай с малиной, кипятила молоко. После бани старичок напьется молока с медом да чаю с малиной и конечно же перестанет жаловаться на поясницу. Сейчас лето, болеть совсем некогда: в лесу смородина, грибы... Собирать-то надо или нет?

— Мне бы в ремесленное или ФЗО, — вдруг промолвил Алешка. — Слышно, хорошо там. Кормят, форму дают, спят на койке...

Но, безнадежно махнув рукой, так ничего толком и не сказал, хотя по всему видно было, что мучила его какая-то забота. Волоча ноги, он убрался прочь. И от ужина отказался.

Напившись молока и чаю, дед Петрован долго ходил по избе, думал. Расстроился и, наконец, устроился на своей лежанке. Но заснуть долго не мог. Перед глазами стоял лохматый, бледный, с поникшей головой Алешка, с какой-то непонятной надеждой смотрел на деда Петрована, все пытался что-то сказать — а что? Кто знает!

Думая об этом, старик вытянул ноги, поплотнее укрылся шубой, как-то сразу обмяк в блаженной истоме. Хороша была банька, хороша! Спасибо внученьке, уважила деда. Чувствует он: завтра окончательно встанет на ноги, молодцом будет.

ДЕРЖАТЬ УХО ВОСТРО!

Бывший фронтовой разведчик, ныне бригадир и колхозный овощевод, дядька Элексан сдержал свое слово: разжился-таки в районе мотопомпой, еще с неделю назад привез ее на телеге в Перкояг. И начал, как он выражается, пугать нечистую силу! Два раза в день, утром и вечером, на огороде треск стоит, будто из пулемета шпарят. Раньше девчата, горбясь, таскали воду для полива овощей с реки на коромыслах, а сейчас она бежит себе по шлангу в большущий чан, который колхозники подняли под руководством Элексана на высокие козлы. Из чана, нагревшись под солнышком, вода уже самотеком журчит тихонько по другому, более тонкому шлангу на грядки. Весело, быстро, легко стало работать на огороде.

— Обождите, орлы, еще то ли будет, — заявил сегодня дядька Элексан, когда Виталько и Сережка прибежали к парникам. — Дайте срок, заведем механизацию. Все будут делать машины: пахать, сеять, хлеб убирать. Вот залечим военные раны, поднимем города и заводы — полно машин будет.

Дядька Элексан показал друзьям овощное хозяйство, поводит их мимо застекленных парников, по ка-

пустному полю. В парниках уже вовсю цвели огурцы, помидоры, под стеклами гудели шмели и пчелы. Не пройдет и недели, как огурцы поспеют.

— Был я вчера в Вильгорте, в правлении колхоза, — говорил между делом дядька Элексан. — Перешили сбывать овощи рабочим леспромхоза. Трудятся они в лесу, своим хозяйством обзавестись не успели, огороды пока не имеют, а овощи нужны. Вот и будем снабжать их луком, капустой и, само собой, огурцами. Много их зреет нынче, урожай будет отменный.

Виталько поддакнул.

Своей механизацией — первый мотор в деревне! — Элексан был безмерно горд, потому говорил, как и в прошлый раз, на завалинке, горячо, громко, с чувством. А движок трещал и трещал, качал без усталости воду. Не велика машина, а вон как помогает!

— А у нас в деревне новости, дяденька, — заговорил Сережка. — Изыскатели за Бездонное болото дорогу ищут.

— Два изыскателя. С ружьями, — уточнил Виталько.

— А что я говорил, елки-моталки! Мол, особая перспектива у Перкояга. Так оно и есть. Скоро построят поселок, приедут сюда рабочие — и пойдет трам-тарарам.

И он опять заговорил с пылом о том, что для восстановления разрушенных городов и заводов нужно много древесины; что добротный кайский лес скоро поплывет сначала по Шерве да Вильве на Каму, а затем и на Волгу, прямехонько в Сталинград.

Ребята слушали его, не перебивая. А когда Элексан кончил, они пошушукались между собой и рассказали, какие еще дела-события произошли в Перкояге вчера и сегодня. По порядку, с мельчайшими подробностями выложили, как заявила в деревню странная старуха в кокошнике, как беседовала с Сельком и как Безухий сегодня утром страшил пастуха Алешку ремнем, требуя какую-то страшную клятву. Дядюшка Элексан даже рот раскрыл, так заинтересовался их донесением.

— Интересно, интересно, — задумчиво говорил он. — Старушку, говорите, городской поп командировал сюда?

— О каком-то отце-кормильце вели речь.

— Ясно! Выходит, правду говорил мне вчера председатель колхоза: дескать, старушки в селе закопошились, какие-то подписи собирают, чтобы церковь разрешили открыть. Ах, каналы!

Виталько и Сережка возмутились до глубины души: да эти вильгортские до крайности обнаглели!

Дядюшка Элексан, однако, внес в это рассуждение существенную поправку: не все вильгортцы обнаглели, далеко не все. Вчера председатель колхоза так и сказал, что воду мутят жалкие единицы. Дряхлая старушенция по прозвищу Кривая Каверза, например, во всем Вильгорте собрала всего-навсего семь подписей, а ведь проживает в селе не менее пятисот душ.

— Конечно, церквушки им не видать как своих ушей, но все-таки это дело без внимания оставлять нельзя, — сказал Элексан. — Надо ухо с ними держать остро.

Элексан сильно разволновался, говорил громко, точно на большом собрании выступал. Кончив, долго морщил лоб, закурил свирепый самосад.

А над Перкоягом опускался уже вечер. Со стороны болота пополз туман, заметно повлажнел воздух. В деревне мычали коровы. Возвращались с покоса люди. Девчата, помощницы Элексана, тоже ушли домой. А друзья все сидели на бревнышке, размышляли.

В самом деле, зачем притопала в Перкояг странная старуха? Орешки каленые... Малина сушеная... Грибки... Что, городской поп послал ее в такую даль за грибками?

Чепуха получается.

— Вот что, друзья, — сказал наконец Элексан. — Дело здесь темное. Разговор у них, прямо скажем, воровской. И надо нам, как уже сказал, держать ухо остро. Давайте-ка так договоримся. Со всем, что увидите или услышите подозрительное, тотчас бежите ко мне. Будем разведчиками, как на фронте. Мне думается, вам немедленно следует встретиться с пастухом Аleshкой. Настроить его на откровенность и выпытать все.

Возвращаясь домой, Сережка ругал себя на чем свет стоит. Дурак, какой же все-таки дурак! Из-за паршивого гонора, не желая поделиться с Витальком «славой разведчика», столько времени потерял! Еще

сегодня у дедушки Петрована, когда Виталько заикнулся было о старухе, сунул ему кулаком в бок. А надо было обо всем сразу же рассказать Элексану или тому же дедушке. Глядишь, давно бы уже все разузнали.

Тут он вспомнил еще, как с помощью волшебного талисмана заманил сегодня Виталька на свой огород, и настроение окончательно сошло на нет.

ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

На другой день Виталько и Сережка ходили как потерянные. И было с чего: изыскатели, оказывается, чуть свет пошли за Бездонное болото. И ушли не одни. Повел их Безухий Селько.

Приятели лежали на берегу, уныло глядели на неподвижные поплавки и упорно думали. А в голову, кроме Безухого Селька, ничего не лезет. Перепутал старый лешак все дело! Если бы не подвернулся он, то изыскатели наверняка бы позвали мальчишек с собою.

Куда сейчас голову приклонить, чем заняться?

Выручил парнишек дедушка Петрован. Спустился он к реке, поздравил приятелей с добрым утром, похвастался:

— Попарился вчера в баньке, молока на ночь с медом выпил — и вот пожалуйста: опять гоголем ходим. Уже и на работу собрался. Заболел, ребятушки, пастушонок Алешка, и вытурил я бедолагу в больницу. Иду сейчас телят пасти.

— Алешка заболел? — удивился Сережка. — А нам он как раз вот так нужен!

— К вечеру, небось, вернется. А сейчас айда на поскотину, поможете мне с делом управиться. Маньку с собой прихватим. Будете с ней смородину собирать. Места там богатющие.

Сережка прикинул что-то в уме, затараторил:

— Да я хоть куда готов. Я сию минуту!

— И я пойду. Только вот домой за туеском сбегаю, — сказал Виталько.

Сережка прошептал ему:

— Живо! Ведь изыскатели тоже в сторону Монастырского бора пошли. Слышал, что Селько говорил? Догоним!

Надо прямо сказать, бабушка Аграфена любила не только рыбные пироги. Уважала она и варенье. Бывало, зимой положит в чашку чая только ложечку да так смачно пьет-попивает, что после целый день в рот ничего не возьмет, боится прогорчить его. Пьет, бывало, чай с вареньем и приговаривает после каждого глоточка, что от чая летний аромат. Вот почему Виталькино сообщение сильно обрадовало ее.

— Наконец-то, — сказала бабушка Аграфена. — А то донь-деньской ветер пинает.

Было рано. На колхозном огороде еще и движок не тарахтел, а все четверо — дедушка Петрован, Маня, Сережка и Виталько — уже шагали по лесочку вдоль Шервы к старой мельнице, где пастух Алешка обычно пас телят. Над рекой расстилался туман, дышал тяжелой сыростью. На всех былинках, на цветках, на ветвях деревьев блестели-переливались серебряные бусы — крупные капли росы. Солнце поднялось, и все еще пуще заблестело, заискрилось; затенькали и защелкали птицы.

Ребятишки бойко бежали впереди деда Петрована, размахивали туесками. Конечно, запаслись они туесками самыми большущими, емкими, чтобы не оставить в лесу ни единой ягодки. Разговаривая обо всем, а больше об изыскателях, они даже не заметили, как отмахали по меньшей мере километров пять. Но изыскателей так и не догнали.

У старой мельницы по сгнившим скользким сляням струилась вода. Сама мельница давно была заброшена. Плотину, поднятую еще в старину монахами, прорвало в паводок, и в пруду воды осталось мало, она блестела только на доньшке. За мельницей, на старом заброшенном шутье, под тесовым навесом удивленно и жалобно мычали Алешкины телята. Пастушонок, видимо, послушался деда Петрована, спозаранку подался в больницу.

— Ну вот, — сказал дед Петрован. — Выпустим их из загона, выгоним на лужок, и пусть себе пасутся. Травка там возле болота нежная, тут и ручеек течет, а вдоль ручейка смородина рясная. А я присмотрю за живностью. Пусть парень лечится на здоровье.

— Его Безухий Селько вчера ремнем хотел отстегать, — сообщил Виталько. — Верно, с перепугу и заболел Алешка.

— Ремнем? Зачем?

— Какой-то наказ принуждал выполнить, но Алешка заартачился.

Мальчишки рассказали все по порядку. Старик слушал и ругал Безухого Селька.

— Опалел мужик, совсем опалел. Неужели из-за несчастной плотины? Далась она ему. Пруд был паршивый, только зыбун разводил, пойму портил. И стоит из-за плотины с ума сходить! И стоит свое зло на внуке вымещать! Не иначе — отцовская кровь выиграла. Вот доложу Наган Наганычу, тот его живо образумит.

— Отец у него тоже шальной был? — спросил Виталько.

— У Безухого-то? Форменный волк. Мельником здесь состоял. Попил-таки, паразит, людской кровушки. Вместе с монахами куражился, попам прислуживал...

Дед Петрован распахнул ворота, выпустил телят на волю. Выскакивали они быстро, гуртом, теснясь и мешая один другому. Голодны, видно, были. И во всю прыть понеслись к Монастырскому лугу. Впереди всех мчался рослый, лобастый рыжий бычок. Он задрал хвостик и мотал головой.

— Хороший бычок, бойкий, — похвалил его дед.

— А они на Бездонное болото не попадут? — спросил Сережка.

— Не должны. Кругом изгородь.

Виталько очень хотелось послушать деда, разузнать о жизни монахов.

— А чем таким монахи занимались?

— Темный народ обманывали, — ответил дед Петрован. — Было их в монастыре более двух сотен душ, богу молились, просили себе от Христа хорошей жизни. А главный монах, их командир, был отец Исидор, настоящим святым почитался. Что он скажет — монахи то и делают. Скажет целый день службу справлять — они справляют, молитвы читают в церкви. Скажет работать в поле — работают. Все здесь окрест: и леса, и поля, и луга, и речка — все это монастырские угодья. Нам, крестьянам, ход туда был запрещен. А отец Исидор богатящий человек был! Да и лютый такой — где там лешаку до него! Монахов, которые ему не угодили, целыми сутками заставлял стоять в

церкви на коленях. За непослушание, значит. А церковь монастырская большая была, с золотым куполом, — продолжал дед Петрован. — Бывало, как бабахнет колокол, так эхо волнами на десятки верст катится, у перкоягцев уши дурманит. И люди сюда со всех сторон стекались, на радость отцу Исидору и на беду бедным перкоягцам. Каких только богомолов не приходило! И горбатых, и кривых, и калек убогих! У иного лицо — сплошная язва. И туда же тянется — к чистому колодцу водицы испить. На замках приходилось свои колодцы держать, не то не избежать заразы. Вот так и валили валом. Кого грехи одолеют — молиться приходит, исповедываться. И всяк с собою деньги несет, мясо, хлеб. А отцу Исидору и его братии только того и надо. Говорили старые люди, будто золотишка у него полон сундук набрался.

— Вот Кащей ненасытный, — подала свой голос Маня. — Зачем ему полон сундук?

— Кто знает! — ответил дед Петрован. — В старину так рассуждали: у кого больше богатства, тому еще больше надо. Так и отцу Исидору. А отец Селька у них мельником был, крестьян притеснял, богател. А кулак да поп завсегда один за одного стояли. Супротив них не смей идти — слопают. И Безухий Селько в молодости всегда с монахами дружил, гулял с ними, дневал и ночевал там, в монастыре. Там какой-то отчаянный монах и откусил ему ухо напрочь по пьяному делу.

— Вот оно что!

— Да, откусил... Селько рассвирепел, грозился покалечить всех монахов, поносил их всячески. Мельник Гаврил лупил сына плетью, батогами дубасил. А тот все равно орал: «Изувечу всех! Без уха оставил!» Всякое бывало...

ПО МОНАСТЫРСКОМУ ЛЕСУ

Дед Петрован отправил ребятишек в смородинник, а сам устроился на колодине и принялся мастерить туесок. Одним глазом на поделку смотрит, другим за телятами приглядывает.

А ребята аукали в лесу. Им было раздольно. Смородины уродилось — горстями бери. И пока никто не успел побывать в этом местечке. Вся ягода была целе-

хонька. Виталько даже сам удивился, когда увидел, что в малую пору наполнил туес. А что позволительно, когда твоя посудина полна? Ешь ягоду, наедайся досыта. Кисла смородина, но вкусна! Ешь, пока оскомину не набьешь, а потом бы и хотел, да зуб неймет.

Сережка тоже подошел с полнехоньким туеском!

— Сегодня мать наверняка будет довольна.

А Маня как углубилась в кустарник, так только листьями и шебуршит, носа не кажет, притихла. Туес у нее такой, что, поди, ведра побольше. Эх, эта Маня!

— Хватит с тебя! — кричали ей мальчишки. — Как ты его домой дотащишь?

— Я сильная, — откликнулась Маня из самой гущи кустарника. — Я этаких сколь перетаскала. А вы испугались, немочные!

Свяжись с Маней, еще и не такое услышишь. Вот оставить ее одну, небось не то запоет. Что ни скажи, а лес — он лес и есть. Деревья вон какие — лохматые, с бородами. Между таких деревьев, наверно, и медведи шастают. Боязно одному в глухом лесу. Изыскатели и те, видимо, в конце концов струхнули, вот и упросили идти с собой Безухого Селька. Интересно, где они сейчас? Наверно, перешли болото, ходят там по тайге и смотрят, годна ли в дело древесина. Жаль, не взяли их, мальчишек, с собою.

Оставив Маню наполнять свой бездонный туесок, Виталько и Сережка спустились к болоту найти родничок напиться. Заглянули под один ивовый куст, под другой — воды нигде нет. Даже самая глубокая лужа высохла, обнажилось илистое дно, испещренное глубокими извилистыми трещинами. Жаркое нынче лето, дождей почти не перепало. Осока и прочая трава на болоте в иные годы стояла стеной, изумрудно-зеленая, а сейчас пожухла, начала желтеть островками: где посуше, там и желтый островок. Только мшары оставались такими же пышными.

— Сережка, а про какой ходун-бедун болтал Безухий Селько той старушенции? Не про это ли болото?

— Правда ведь! Наверно, про болото! Совсем, говорит, высыхать стал, да еще, мол, пруд спустили...

Мальчишки долго вглядывались в темнеющий за болотом бор, думали.

— Вот бы сходить туда, — с завистью сказал Сережка.

— Утонуть хочешь? Знаешь, что про болото сказывают? Дыры, говорят, повсюду...

— Их можно обойти. А по топким местам на лыжах проскочить. Есть у нас старые лыжи, не покупные, самодельные — кысовки. Такие широкие — хоть по воде катайся.

Кысовки! И правда! Вот это дело. Да ведь и он, Виталько, где-то читал, как мальчишки из озорства по болоту на кысовках гоняют. И как он не вспомнил о кысовках! Эх, разиня! Опять Сережка первый додумался! Опять нос задирает станет.

Но Сережка на этот раз нос задирает не стал.

— Знаешь что, — сказал он, — давай попробуем, зыбун выдержит нас или нет?

И друзья пустились прыгать с одной кочки на другую. Постояли на дернине, покрытой желтым мхом. Ничего страшного. Выдерживает. Только качается слегка, да ничего, дернина крепкая, держит. Опять запрыгали с кочки на кочку. Держит болото — хоть пляши!

Обрадовались дружки своему открытию, возбужденно делясь впечатлениями, поднялись на лужок. А тут и Маня дожидается их, радехонька.

— Туески полны, пора к дедушке Петровану.

Дед Петрован сидел на прежнем месте, на колодине, и прилежно занимался своим ремеслом. Похвалял каждого за ягоды, назвал молодчагами.

А Виталька все мучали давешние вопросы.

— Дедушка Петрован, а Безухий Селько тоже богатеет был?

— Богатина! Но в колхоз в числе первых записался. Назло отцу и монахам. Четырех коней привел в колхоз, коров отдал, остальную живность. Говорил: «Новую жизнь строить будем, сообща робить. А монахов — в порошок! Всех до единого. Чтоб уши у добрых людей больше не кусали». Отец, Гаврил-то, принародно проклял Сельку, отлупил его да и сгинул. Ушел куда-то с монахами. Монахи как разнюхали, что колхоз в Перкояге организуется, так и подались кто куда. А монастырь сгорел. На том месте теперь только развалины да крапива, больше ничего и нету. Даже пепел дожди смыли.

— А золото куда подевал этот самый главный монах? — спросил Сережка.

— И этого никто не знает. Может, спрятал. Вон лесов сколько кругом, попробуй найти... Сказывали, бандиты потому и сожгли монастырь, что золота не нашли. И самого Исидора при коллективизации никто уже не видел. Стар был. Наверно, помер где-то на таежной тропинке.

Дед Петрован провел рукой по бородке.

— Хватит про них! Давайте-ка лучше обедать.

ПЕРВЫЕ ШАГИ ПО БОЛОТУ

И тут дед Петрован спохватился. Тревожным взглядом обвел телячье стадо, еще раз внимательно всех телят осмотрел. Досадливо крикнул и поднялся.

— Где же тот лобастый?

Ребята тоже оглядели стадо. И верно, резвого рыжего, с белой звездочкой на лбу — того бычка не было. Вот тебе и бойкий!

Кинулись туда — нету, кинулись сюда — нету. Спустились к болоту и застыли на месте: бычок, перепрыгнув через прясло, резвился себе на болоте.

— Лешачонок! — не на шутку осерчал дед Петрован. — На болоте, душа его так! На самом гиблом месте!

Дед Петрован, откуда и силы взялись, быстрым делом переметнулся на прясло, выворотил жердину.

— Берите палки подлиннее! — крикнул он ребятам. — Обходи его, негодника, с той стороны да гони его сюда!

С жердинами наперевес бросились к болоту. Сережка с Витальком бежали с одной стороны, дед Петрован — с другой.

— Да осторожней вы, осторожней! — кричал он ребятам.

Прощупывая болото жердинами, мальчишки пробирались вдоль ивняка. К их удивлению, палки почти не погружались в болотную дернину. Она была неподатлива.

Бычок заметил погоню. Он взбрыкнул ногами, повернулся и бросился наутек. Да сдуру попер прямоком к тому берегу, к далекому темному бору. Дед Петрован так и замычал, будто от боли: утонет, вар-

начина, провалится в окно! Колхозу убыток, а деду Петровану на старости лет позорище на весь белый свет, на веки веков!

Но Сережка с Витальком оказались шустрее бычка. Они ловко обогнали его, перерезали путь и, грозя жердинами, прогнали к осеку. При этом они еще раз убедились: болото их терпит. И не только их, но даже и тяжелого бычка терпит. По болоту можно ходить!

За кустами промелькнуло озерко. Оно светилось совсем невдалеке. Какое оно, это озеро? Возможно, рыба в нем кишмя кишит, а они, рыболовы, и ведать не ведают о такой благодати. Нет, что ни говори — интересное болото. Надо обследовать, пока дождей нет, походить по нему в эти жаркие дни.

— Видишь, что тут получается, — произнес запыхавшийся Виталько, когда они загнали норовистого бычка в стадо. — Ходить можно.

— И озерко имеется. Были бы только к воде подходы. Вот, наверно, рыбы-то! Может, рыбу и прячет Селько от людей?

Конечно, Безухий Селько назвал ходуном-бедуном это самое болото. Но почему же ему так не хотелось, чтобы болото высохло и стало проходимым?

Дед Петрован, на чем свет стоит кляня бычка-негодяя, пошел на опушку рубить жерди, чтобы выше поднять изгородь. Маня сидела и любовалась новым туеском. Он был почти готов. Красивый туесок, даже с узорами. Вот бы и его наполнить смородиной! Вечером придет с покоса мама и похвалит расторопную дочку. Но одна идти в лес она побоялась. Как заманить с собой мальчишек?

— А вы и вправду смелыми оказались, — сладеньким голоском сказала Маня. — По Бездонному болоту не испугались бегать.

Но мальчишки не поддались на лесть.

— Еще не такое увидишь, — вызывающе пообещал Сережка.

— Не хочется пустой туесок домой нести, — как ни в чем не бывало прежним сладеньким голоском продолжала Маня. — Так не хочется! Так не хочется!.. Насобираем в него ягод?

— Жадничаешь? — сказал Виталько. — Того гляди, в кулака превратишься.

— А кто он, этот кулак, какой он, ты знаешь?

— Конечно, знаю. Это тот, кто похож на отца Безухого Селька. Кто чужими руками добро загребают. Кто сам не работает, а других принуждает.

Виталько вдруг смолк. Рядом сидел Сережка. Как бы не подумал чего такого... Тоже ведь заманил вчера работать на своем огороде. Но Сережка не услышал Виталькиных слов или просто не принял их на свой счет.

По дороге домой приятели потихоньку договорились завтра же с утра пойти на болото и все разведать.

— Вот потом подивятся вильгортские ребята! — сказал Виталько. — От зависти лопнут!

— Позавидую! — заверил Сережка. — Мы еще посмотрим, какие такие карикатуры будет изображать Петька Лунегов.

РАЗВЕДКА НАЧИНАЕТСЯ

Яганевская парма... Кайский волок.

Если подняться на гору, что повыше, и глянуть вокруг, так сначала ничего и не увидишь — куда ни глянь, лес да лес. Посмотришь налево, на ту сторону, откуда течет Шерва, — стоит острозубый ельник. Глянешь направо — такой же ельник. Кругом беспредельная тайга, нескончаемое зеленое море.

Только изредка то там, то здесь просвечивают среди синего и плотного, как овчина, леса полянки. Кое-где приткнулись деревеньки. Возле них облысинами виднеются небольшие поля. А вот пустые проплешины, где ничто не растет. Это болото. Кривой полосой тянется оно куда-то в беспредельность до самого Вятского края. Много слухов разных — о болоте и о Кайском волоке. Еще давным-давно монахи-де рассказывали, будто по ночам из тьмы кромешной выходит какой-то огонь. Иногда-де орет лешак, и все время будто кто-то ухаёт. И еще. Отправился, дескать, когда-то один молодой монах на болото за лекарственными травами и не вернулся. Сгинул. Таково Бездонное болото, такова парма. Не знаешь — не суйся.

Не отправились бы в это страшное место и Виталько с Сережкой, кабы не подслушали странный разговор, кабы не упустили изыскателей и, наконец, если

бы не убедились, что в такую сухотину пробираться по болоту можно. Конечно, опасно идти туда. Но ведь Сережка с Витальком не лыком шиты. Кроме того, у них лыжи-кысовки, широкие, легкие, осиновые.

До старой мельницы все шесть километров идти пришлось совсем наощупь. В то утро клубился туман, протяни руку — и пальцев не видно. Крупные капли росы падали, шурша, на прошлогодние подгнившие листья, иногда попадали за ворот рубашки. Мелкая водянистая пыль оседала на лицах ребятишек. Одежка на них промокла насквозь.

У старой мельницы мальчишки зашли на поскоти-ну к деду Петровану.

— Куда это вы в такую рань? — удивился он.

— Порыбачить, — соврали они.

Дед Петрован погладил свою бородавку.

— Алешку, наверно, положили в больницу. Придется мне на старости лет телячьим пастухом быть.

Постепенно туман рассеялся. На болоте кричали кулики. Начался летний день. Над Шервой плыла легкая дымка. За болотом чернел таинственный лес. Недалеко до леса, а идти боязно.

— Раз договорились, так надо идти! — решительно сказал Сережка.

— Конечно, надо идти, — отозвался Виталько.

И ребята осторожно ступили на зыбкую болотину.

— Пойдем все прямо и прямо, — говорил Сережка. — Дойдем вон до того высохшего кусточка, а потом наметим другой ориентир.

Он шел впереди. В густой траве оставались широкие следы. Сережка после каждого шага прощупывал дернину палкой. Начался кочкарник. Высокие и тонкие кочки, покрытые травой и мхом, жались друг к другу. Между кочками чернела вода, затянутая ряской и ржавчиной.

Миновали ивняк. Чуть левей заблестело озерко, узкое, изгибистое, подернутое легкой черной рябью. Под ногами захлопала моховая вода. Зыбун. Подойти к озерку не удалось. Ни кустарника возле него, ни деревца, один кветлый мох — изумрудно-зеленый, мягкий и покрытый вроде как плесенью.

— Гнилое место, — сказал Сережка. — Не только земля, и вода сгнила. Какая уж тут рыба. Чуешь, какой дух?

— Это газ...

— Он и есть. Поди, горючий?

Друзья давно заметили: где растут золотушные березки и осока, там почва качается меньше, там и мох какой-то другой — тверже и длиннее, будто ржавая скрученная проволока. Такие места и разыскивали.

Они шли, тяжело отдуваясь. Безрадостно было окрест. Кочки да мох, да поблекшая осока. А впереди маячил черный лес. Близо, но не побежишь.

— Пойдем напрямиком! — обернувшись, сказал Сережка. — Будь что будет!

— Пойдем!

Сделали еще несколько шагов, опять оглянулись, прощупали болото палками. Куда уж там бежать! Кочкарье стало редкое. Мшаные кочки были не такие высокие, как раньше. А скоро и совсем их не стало. Под ногами хлюпал зыбун, взбрызгивая холодными фонтанчиками. Ржавый мох пружинил под ногами, податливо раздавался, с шипением и бульканьем проступала густая болотная вода.

— На лыжи! — скомандовал Сережка.

И первый встал на кысовки, затянул лыковые скрипучие крепления. Совсем как зимой. Сделал несколько осторожных шагов...

— Терпит! — крикнул он обрадованно.

— Терпит! — бодро отозвался Виталко.

Весело переговариваясь, парнишки двинулись вперед. Лето, а они на лыжах. Чудеса!

Таинственный лес стоял, казалось, совсем близко. На той стороне громоздились огромные облезлые сосны и вековые ели.

Под лыжами шипела и взбулькивала трясина. Взбулькивала, но не проваливалась. Они шли на лыжах, промеривая и прощупывая трясину палками.

— Прорва! Не зря прозвание такое — Вездонное! Из ржавой воды, лопаясь, поднимались пузыри.

— Обогнем?

— Раскис.

— Сам!

Переругиваться и то было трудно. Тронулись вдоль кромки озера. И услышали голос деда Петрована:

— Варнаки!.. Вернитесь!.. Вернитесь, говорю! Вот я вам!..

Оглянулись. Дед грозил им сухоньким кулаком. Как он хватился их? Перепрыгивая с кочки на кочку, дед Петрован догонял мальчишек, пробираясь через кустарник. Старик тащил под мышкой тесины.

— Виталько! — кричал он. — Сережка!

Впереди колыхалась осока. Бросились к ней. За осокой засверкала озерная вода.

— Догонит! Видишь, рядом ивняк? Прыгай! Там берег! Там твердо!

— Как?

— А вот так!

Сережка бросил лыжи, сделал несколько шажков и вдруг покачнулся, широко раскинув руки. Испуганно ойкнув, стал погружаться в трясину.

Виталько сначала даже и не понял, что происходит. От страха он даже два раза чихнул и только тогда протянул приятелю свою палку. Сережка уцепился за нее.

А дедушка Петрован все кричал и кричал. Он был совсем уже близко. Бросит впереди себя тесину — пробежит по ней, бросит другую — перейдет на нее, достанет первую и опять пробежит...

— Утонете, пострелята! — кричал он.

НА ТОМ БЕРЕГУ

Вышли в путь-дорогу вдвоем, а пришли к цели троим. Не зря люди толкуют: стар да млад промеж себя договорятся.

— Поросята вы, — приговаривал дед Петрован, оглядывая замазанных ребятшек. — Повезло — не утонули.

— Не заметили прорву-то, — оправдывались они. Старик улыбался. Ругать их он больше не стал.

— Дедушка! — быстро заговорил Виталько. — Вон лес. Совсем близко. Пойдемте.

— Пойдемте, дедушка! — упрашивал и Сережка.

— Ого! — удивился дед Петрован. — Погибели захотелось?

— Дедушка, только сходим туда и сразу обратно. Ваглянем — и домой. Болото сухое, пройти можно, а тебя слушаться будем.

Старик молчал, смотрел на лес, о чем-то думал.

— Ну, дедушка!

— Интересно, что там, а?

Дед Петрован молчал.

— Пойдемте посмотрим, — сказал Сережка. — Бросим тесины над ямой и перейдем. А там кустарник, твердая земля.

Дед Петрован решился:

— А, пойдем!

Бросил через окошко тесину, перебрался на ту сторону. Дернина не качалась.

— Перебирайтесь. Беда ладно получается.

И вот так от островка к островку. Шаг за шагом. Осторожно, неторопливо. По зыбунам, по дрожащим кочкам, через трясины. Наконец под ногами твердая земля. Заросший густой травой пологий склон.

Колышутся на ветру медвежьи дудки, низко нагнулись тяжелые пахучие цветы медуницы. А повыше, в мураве, трещат кузнечики. Ничего такого особенного. Лес как лес. Парма.

— Сначала посидим, подзакусим, — предложил дед Петрован.

И правда, устали, и вдруг очень есть захотелось. Расположились под разлапистой елкой. Вынули свои припасы.

— Дедушка, — с полным ртом спросил Виталько, — а как ты догадался, что мы на болото пошли? Мы же тихо...

— А роса-то! — удивился старик. — Вернулся к кусту, гляжу, вас нету. Куда подевались? Глянул под кусты, а промеж них точно кто на лодке прошел — такой след. Ну я и понял: недоброе затеяли парнишки. Тем более сказали, будто на рыбалку пошли, а удочек-то нету!

Как и мальчишки, после такого пути старик был возбужден и радехонек.

На тонкой ветке березы качалась маленькая серая пичужка, качалась и непрерывно спрашивала: чьи вы? чьи вы? Пушистый красный комок пламенем мелькнул в кроне сосны. Кур-р-р! — тетерев взметнулся из-под соснового выворотня. Лес жил своей жизнью. Шушукались тяжелые лапы елей, пахло смолой, муравьиным спиртом. Никто не бродил по этому лесу, никто не заходил сюда с топором в руках.

Хоть бы тропиночка попалась, хотя бы какой след! Ничего... Только бородатые ели жмутся друг к

другу. Солнышка не видно. Шагаешь точно в погреб. Тайга. Парма.

Но вот дед Петрован чуть подался в сторону. Мальчишки бесшумно следовали за ним. Ноги вязли в густой траве.

А в траве журчал ручеек. Он был совсем узенький. На истоке ручеек перегородила колодина. Падая через нее, вода недовольно ворчала.

— Умоемся? — сказал Петрован. И вдруг осекся: — Чуманок... Чуманок на ольхе...

За ручейком на ольшанике висела берестяная посудина.

— Изыскатели! — сказал Сережка. — Не иначе, они.

По старой валежине перешли на ту сторону, прокрались к чуманку. В траве у ручейка были видны следы.

— Пойдем, дедушка, по следам, — просили мальчишки. — Может, встретим их.

Двинулись вдоль ручья, углубились в густой подлесок, миновали неглубокий лог и неожиданно для себя вышли на поляну. И опять увидели такое, от чего невольно вытаращили глаза. Трава на поляне была выкошена, под разлапистыми елями стоял небольшой зарод.

— Вот тебе и на! — удивился дед Петрован. — Да здесь, похоже, целая артель побывала.

Перешли поляну, миновали березовую рощу и опять вышли на простор. И опять увидели выкошенную траву, а между елками зарод. Да что же это такое? Кто, в самом деле, тут косил? Неужели из Вятского волока кто приходил? В эту даль?

Дед Петрован огляделся по сторонам и направился к зароду. Но вдруг остановился, попятился назад, рукой поманил к себе ребятишек.

У зарода лежал человек.

БЕДОЛАГА

У зарода спал человек. Он лежал ничком на животе, прикрыв голову стареньким зипуном.

Кажется, что тут такого? Поработал человек, устал и прилег отдохнуть. Разве мало так бывает? Но сейчас дело было особое, непростое. Весь век думали, что

за Бездонным болотом и человеческого следа летом не встретишь, а тут гляди, что происходит.

— Деда, пойдем к нему, разбудим, — прошептал Виталько.

— Разбудим, а вдруг он нехороший?

— Зачем нехороший?

— Все может быть. Вот уж не ожидал...

Но все-таки осторожно, шаг за шагом двинулись к стожку. В самом деле, как сюда попал человек? Кто он? Как с ним быть-поступить? И тут Виталько, к ужасу своему, вдруг ощутил, что в носу у него опять защекотало. Испугался: «Сейчас чихну...» Но было уже поздно! Он чихнул так громко, точно лошадь фыркнула. Сережка подпрыгнул от неожиданности, а дед Петрован остановился и огорченно крикнул. С тем же, лежавшим у стожка, начало твориться что-то неладное. Он, точно заводной, приподнимался и падал, поднимался и снова падал, а когда убедился, что встать на ноги ему так и не удастся, кинулся бежать на четвереньках. Но странно: бежал он не от людей, а прямо на них. А сам все кричал жалобно, как ребенок:

— Мама, мама!

— Да это же Алешка! — вдруг воскликнул Виталько.

— Правда, он и есть! — удивился Сережка.

Дед Петрован всем и каждому любил говорить, что никогда не веровал в бога, но тут он вдруг осенил свой лоб крестом, а губы его непроизвольно зашептали: «Свят, свят...»

Алешку трудно было узнать: лицо стало совсем серое, распухло от комариных укусов. Дедушка Петрован нагнулся над ним, заговорил тревожно:

— Алеша, милый, что с тобой стряслось? Как ты сюда попал?

— Убей меня! Дедушка, убей! Привяжи к шее камень и брось в зыбун! Я и сам хотел, да не смог. Деда, вырви меня из беды, брось в омут...

Крупные слезы катились по грязным щекам Алешки.

Дед Петрован гладил его по волосам:

— Перестань, чего это ты вдруг... Перестань... Ты же знаешь, мы тебе друзья. Успокойся...

— Не могу больше! Сил моих нет...

Алешка говорил уже ровнее, видно, маленько успокоился.

— Виталько, — приказал старик, — ну-ка дай сюда твой пестерек. Накорми Алешку хлебушком.

Дед Петрован усадил Алешку к стожку, сам пригостился рядом.

— Есть хочешь, — сердобольно говорил он. — Эх, бедолага ты, бедолага. Сейчас мы тебя накормим...

Виталько вывалил из пестерька все, что там было. Алешка пугливо оглянулся по сторонам и набросился на еду. Он не откусывал хлеб, он рвал краюху зубами и глотал, почти не разжевывая. Дед Петрован, как малому, облутил ему крутое яйцо, макнул в соль:

— Ешь, парень. Сильно же ты проголодался! А вы, — обратился он к мальчишкам, — ступайте собирать хворост да бересты надерите. Костерчик запалим, чай соорудим...

— Не надо, — запросил Алешка, перестав жевать, — не надо огня. Смерть будет. Дед мой так и сказал: запалишь днем костер — заколю, как поросенка.

— Эх, парень, до чего же он тебя довел!..

Алешка, всхлипывая, жевал хлеб и беспокойно оглядывался по сторонам. Мальчишки во все глаза глядели на него и не могли произнести ни слова. Так вот куда отправил своего внука Безухий Селько! Но где Алешка переходил болото?

Алешка дожевал краюху, собрал с подола крошки, отправил их в рот.

— Моченьки моей нету, — проговорил он отрешенно. — Хоть что пусть делает, а убегу отсюда.

Вдруг Алешка дрогнул всем телом и с ужасом уставился в чащобу:

— Вот он... Вот, вот...

Спокойно стояла вековая тайга, пушукались деревья, где-то недалеко куковала кукушка. Меж стволов струилась сизоватая дымка. Кого там увидел Алешка?

— Дедушка, пойдем домой, — вдруг снова горячо взмолился он. — Дедушка, помоги мне!

— Пойдем, дед! — запросились и мальчишки. — Боязно...

ПО ТАЙНЫМ ТРОПИНКАМ

Впереди шел Алешка. Сейчас, немного успокоившись, он шел быстро. Дед Петрован и Виталько с Серожкой еле попевали за ним.

По каким-то неведомым приметам он незаметно вывел их на тропинку. «Гляди-ко, тропка, — удивился дед. — Будто целая артель ходила по лесу». Но спрашивать пока ни о чем не стал. Придет время — Алешка сам обо всем расскажет.

Тропинка спускалась к болоту, змейкой извивалась, обходя выворотни и ложки. Если Алешка по этой тропинке пришел сюда, то, видать, и по болоту тропиночка имеется. Вот тебе на!

— Да потише ты, потише, ради бога! — взмолил-ся дед Петрован. — Так и летит!

— Быстрее надо! — отозвался Алешка. — Смерть нам будет! Он вернуться сегодня обещал. Порешит в одночасье всех нас. Так и знай — порешит!

— Селько-то? Где он сейчас?

— Да с ними отправился... Ну, с теми, которые дорогу ищут. Он сказал: покажу им такую дорогу, где и лешаки не бегают!..

— Ну, так и есть! — испугался Виталько.

Тропинка между тем завернула вправо, юркнула под кусты. Был полдень, а под кустами все еще дымилась роса, на листьях блестели прозрачные капельки, а под ногами шуршала влажная трава. Открылось Бездонное болото. Алешка резко остановился, дед Петрован чуть не налетел на него.

— Ты чего? — спросил он с тревогой.

— Я ведь клятву дал не показывать никому дорогу. На святой иконе поклялся.

Дед Петрован не выдержал, потряс Алешку за плечи, глядя ему в глаза:

— Дурачок! Хватит тебе! Скажи-ка, почему ты не в больнице, а здесь оказался?

Алешка опять так и брякнулся на землю, задргал руками и ногами. Беда, что с ним творилось! Видно, в ежовых рукавицах держал его Безухий Селько, весь его, Алешкин, скудный умишко перемесил, точно мутовкой в квашне. Деду Петровану пришлось потратить немало времени и сил, чтобы привести его в чувство.

— Ну, чего испугался, дурачок? — говорил дед Петрован. — «Убьет, убьет...» Да как он посмеет тебя убить? Ведь и самому тогда несдобровать. Пойдем-ка в деревню, спрячу я тебя в амбар, под замок, никакая сатана не найдет. Будешь у меня в полной безопасности, понял? А потом в сельсовет сгоняем, милиционера пригласим. И то сказать, давно пора навести порядок. Понимать кое-чего начинаю.

— Ох, что мне будет, что сейчас будет! — мычал Алешка.

Наконец он побрел вперед.

На болоте не виднелось никаких тропок. Но Алешка шел уверенно. Между кусточками чахлого ивняка, мимо трясин он вывел их к широкому озерку и, глядя прямо перед собой, ступил в воду.

Дед Петрован долго не решался войти следом, опасаясь, что Алешка погубит их всех. Сережка и Виталько стояли за его спиной. Но Алешка шел все вперед и вперед, высоко поднимая ноги. Вот он уже по колено в воде. И только тут старик понял, что идет парнишка по какой-то тайной дороге. Прощупывая зыбун длинной палкой, он двинулся за ним. Под ногами были бревна. Да что же это такое! Мост под водой?..

ЕЩЕ ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

...Когда это было? Давно вроде бы, но и совсем недавно. И двух десятков лет еще не прошло. В памяти деда Петрована все вдруг вспыхнуло так ярко и зримо, будто случилось вчера или позавчера.

Все началось с того, что вернулся в Перкояг молодой красноармеец — комсомолец Андрюша Сальников. Вернулся он, как помнится, зимой. Походил денек-другой по деревне, ко всему присматривался, дивил лесных людей военной одеждой, новыми хромовыми сапогами, длинной серой шинелью. Заводил с селянами разговоры о жизни, рассказывал, как служил в армии, какие диковинные места видел.

Много чего довелось ему увидеть — и хорошего, и плохого.

— А такую житуху, как вашу, — говорил он, — нигде не встречал. Поклоны богу кладете, в монастырь дорогу топчете. Вот и монастырь... По всей стране их

давным-давно расшелушили, а у нас ничего — трезво-нит, будто и Советской власти нет. Вот уж истинно, на болоте живем, в Кайском волоке, у черта на куличках... Вот она, дикость-то!

Андрюша нещадно ругал монахов сивыми меринами, а боженьку, которому перкоягцы испокон веков клали земные поклоны, не стыдясь, обзывал кудлатым чертом. Темные бабки только ахали и лбы осеняли, мужички от испуга со страхом поглядывали на иконы. Того и смотри, господь бог сейчас разразится гневом. Но бог, странно, гнев свой не проявлял, красноармеец был живехонек и здоровехонек, запросто заходил в избы, «озоровал», как говорили в Перкояге. А вскоре опять невиданные дела: поползли слухи, будто Андрюша вынес иконы своей матери вдовы Маремьяны на улицу, соорудил из них костер да и сжег начисто.

— Ну, сейчас пришибет его громом, безбожника, — в один голос заключили перкоягцы.

А красноармейца и тут не пришибло. Ходил потряхивал кудрями, поскрипывал невиданными в этих краях хромовыми сапожками. Говорил сельчанам:

— Плохо живете, добрые люди. Точно медведи в берлоге. Будто и революции у нас не было. Да-а... А вот люди живут. Да-а...

— А как они живут? — вопрошали более смелые. Сальников отвечал горячо:

— Хорошо живут. По всей стране колхозы организуются. Артели. Слыхали? Ну так вот. Там все делают сообща. Пашут, сеют, урожаи небывалые получают. И, конечно, никакой нужды не знают.

Про колхозы в Перкояге поговаривали. Наезжали из района уполномоченные, рассказывали, как надо новую жизнь строить, агитировали вступить в колхоз. Перкоягские мужички только в затылках скребли, что-то бурчали под нос себе, а в колхоз вступать боялись: «Вот посмотрим, как у людей будет... Потом... Потом, будичи...»

Андрей Сальников взялся за молодежь. Стал собирать ее у себя в избенке с пустой божницей, какие-то книги читал, о комсомолии речи вел, кулаков и попов почем зря поносил. В деревне комсомольская ячейка появилась, все шире и больше пошли разговоры о коммуне.

— Вот и в Вильгорте колхоз организовался, и в Важгорте тоже, а вы что, мужички, думаете? Все еще по старинке? — тормошили молодые.

Да, и в Вильгорте, и в Важгорте, ближних от Перкояга селах, колхозы организовались. Сходили из Перкояга туда ходоки, посмотрели своими глазами, пораспросили, что и как, — понравилось им: ладная жизнь получается.

А в то время по Перкоягу бродили монахи, стращали людишек божьей карой, проклинали тех, кто в колхоз зовет идти.

— Колхоз — это антихристово гнездо. Кто запишется — ему одна дорога, прямехонько в ад.

Андрей Сальников и монахам дорогу показал.

— Я вас, старых ворон, отправлю в ад! Я вам скоро пообломаю крылья! В райисполкомé уже приняли решение разнести ваше гнездышко. Дайте срок — заявлюсь...

И о решении, касающемся церквей и монастырей, перкоягцы слышали. Дескать, есть такая бумага: все монастырское добро, все пашни и уголья передать колхозу.

В ту зиму в муках родился в Перкояге колхоз. Сначала записались бедняки, затем — кто побогаче жил, посправнее, Безухий Селько, сын богатея Гаврила, заявление принес. Шуму столько было! Андрей Сальников восстал было, кулаков-де не принимаем, но из района пришла бумага: принять, коли по своей доброй воле вступает, тем более, человек от монахов пострадал. Богатина Гаврил вскоре как сквозь землю провалился, а Селько занял его место: монастырская мельница стала колхозной.

Весной, когда перкоягцы собирались выйти в поле, вспыхнул колхозный амбар. Все запасы сгорели до единого зернышка. Поползли слухи, один страшнее другого. Вооруженные до зубов бандиты, дескать, появились, шастают по лесам, совершают набеги на деревушки, жгут колхозные постройки, убивают активистов.

Андрей Сальников съездил в район, привез несколько боевых винтовок, организовал оперативный отряд. А в тот день, когда решено было забрать монастырское богатство, ранним утром поднялось над Монастырским лесом огромное зарево. Примчались —

а там одни головешки тлеют. Кто-то поджег монастырь.

Колхозники собрали новые семена, государство помощь оказало, сев провели быстро и рано. Мужики работали дружно — от зари до зари. А тут новая беда, да какая! Собрались колхозники в поле, постучались к своему председателю, а посредине избушки на полу Андрей Сальников и его мать исколоты штыками, головы разломаны прикладами. На груди Андрея записка: «Кто поперек нашей дороги стоит — тому смерть».

Оперативный отряд носился по окрестным лесам — никакого следа!

Много всякого было тем летом. Терялись колхозные коровы, горели колхозные гумна, еще несколько активистов были растерзаны. Бандиты словно сквозь землю проваливались. Но каждый раз появлялись снова, когда дружинников поблизости не было: кто-то, видно, сообщал им об этом.

Однажды, уже осенью, Петрован отправился за Монастырский бор надрать лыка на лапти. Бродил он по лесу до вечера, увлекся работой, не заметил, как стемнело. К тому же дождь начал моросить, темнота — глаз выколи. Схватил Петрован в охапку свою вязанку и побыстрее домой. У мельничной сторожки заметил огонь в оконце. «Вот и хорошо, зайду погреться, посижу с Сельком». Подошел он к окошку, заглянул внутрь да так и остолбенел. В избушке знакомые вооруженные люди. «Бандиты!» — понял Петрован и бросился прочь. А вслед ему кто-то: «Стойте!» И не успел Петрован выбраться на дорогу, как сзади раздался выстрел. Пуля прожужжала над самой головой. Запетлял Петрован по лесу в темноте, еле к дому выбрался. Поднял тревогу в деревне. Дружинники окружили сторожку, бабахнули несколько раз по окну. Кричали:

— Сдавайтесь, нето спалим живьем!

— Ушли они, ушли, сволочи! Ох, ох, побегли все, — отозвался на крики Безухий Селько. — Ох, ох! Заглянули мужики в сторожку, а он там лежит на полу, связанный вожжами. Лицо расквашено.

— Ох, ох! Погибель моя. Как измывались, изверги! — корчась на полу, стонал Безухий Селько. — От отца приходили. Послал прикончить меня...

— Куда они подевались?

— В лес выскочили. Ко времени вы успели, а то бы мне конец.

До утра искали бандитов, все перерыли, под каждую колодину заглянули, все кусточки штыками прощупали — опять бандитов след простыл.

— Что за наваждение! — удивлялись перкоягцы. — На болоте, что ли, живут?

— Да не черти же они, в самом деле?

Сунулись было к болоту, побродили, да разве охота кому ухнуть в трясины?

АЛЕШКА ЗАГОВОРИЛ

Мост, сколоченный, как догадался дед Петрован, из отдельных плотов — плашкоутов — и погруженный в воду, был широк и крепок. Дед Петрован прощупал его палкой и только головой покачал: по такому плашкоуту добрый полк солдат строевым шагом промарширует — он и не шелохнется. Бандитам, говорить нечего, было раздолье — ходи в ночь-полночь и горюшка не знай.

Алешка шел уверенно. По всему судя, путь ему был знаком хорошо. Хотя под темной торфяной водой бревен не было видно, парень ни на минутку не останавливался. Дед Петрован и мальчишки старались не оступиться на скользких бревнах.

Зыбун, на который мальчишки раньше не посмели бы ступить и одной ногой, был вовсе не топким: в грязи под водой продолжался настил. Но достаточно было деду Петровану оступиться, как он оказался в жиже по пояс. Только с помощью ребятишек и выкарабкался из прорвы.

Но вот и твердо под ногами, вот и трава зашебуршила.

Алешка углубился в осоку, обогнул густой ивняк. Вышли они как раз на то место, где когда-то стоял монастырь. Сейчас здесь была заросшая крапивой поляна. Алешка, боязливо озираясь, запричитал:

— Дедушка, деда, как же так? Я же клятву дал, что до смерти никому не покажу эту дорогу! Клятву!

— Перестань! — прикрикнул дед Петрован. — Пойдемте в деревню, пока здесь нету лишних глаз.

Спрячу тебя в амбар, как обещал. Никто тебя ни в жизнь не найдет.

— А бог, бог-то?

— Что нам бог! Мы его — тьфу! Ты думаешь, твой бог что-то видит? Ничего он не видит, ослеп на старости лет.

В деревню они пробирались по лесочку, даже к телатам не заглянули. За банями вышли на огороды, пригнувшись, юркнули под черемухи.

— Вот и все, — сказал дед Петрован. — Заходи сразу в амбар. Я тебе горяченького принесу.

Дед Петрован запер амбар на замок.

— Видите, что происходит на белом свете? — сказал он Сережке и Витальку. — Интересные дела. Давайте, милые дружки, летите напрямик в Вильгорт, в сельсовет. Скажите там Наган Наганычу, пусть быстрее к нам мчится. Скажите ему, что дедушка Петрован, мол, по важному делу просит. Давайте, давайте, живо-два! По пути заверните к косарям, пусть мужики домой идут. Скоро вечер, поторапливайтесь. И чтобы все шито-крыто!

Вскороги Алешка сидел в амбаре на чурбаке и, обжигаясь, хлебал горячий суп. Ел он торопливо, точно боялся, что сейчас кто-то придет и отберет у него котелок. Дед Петрован сидел рядышком, жалостливо смотрел на парня. Эка проголодался, бедолага...

— Ты почто без хлеба сидел там, за болотом?

— Был хлебушко, да у шалаша оставил, — сказал Алешка. — Только прилег на сено, а он тут и вышел из леса, да ко мне. Ну я и вскочил и побежал, куда глаза глядят...

— Кто вышел-то?

— А он самый — лешак! Выше деревьев ростом, широкоплечий такой и бородатый.

— Ну, ну, ври больше!.. Да ты ешь, нажимай. Не жалей хлебушка. И суп хлебай. Вот яички, на здоровье. И молочка, молочка... И давай рассказывай, что делал за болотом. Зачем послал тебя дедушка?

— В прошлом годе две старухи приходили на святую могилу. Две недели молились богу да живой водой друг друга окропляли... Ушли... А тут старички появились. Опять на могиле молились две недели, святой водой брызгались, на коленях ползали. И обратно ушли. А один старичок, хилый такой — кожа да ко-

сти, не смог уйти, занедужил сильно. Опух, посинел, ни рукой, ни ногой. Ну, дедушка мой, Селько, и говорит ему: «Не тужи, святой брат Егорий, все наладим. Понесу я тебя домой, в баньке попарю, молитву сотворю, святой водицей окроплю — снова забегает. Дома и расскажешь мне, где тайник». А дома тому старичку приставил нож к горлу. Сказывай, говорит, где тайник Исидора. А старичок не забоялся, даже и головой не мотнул: «В крови, — говорит, — тот сундук и пушай себе лежит тамо, куда спрятал святой Исидор». Дедушка взял его, старичка-то, за бороду: «Порешу счас, злодейская твоя душа! Зазря, што ли, побои я терпел, всяческие мучения перенес, даже уха лишился! Сказывай, где сундук!» Я на полатах лежал, испугался — дышать не смею. Закрыв глаза, мамины молитвы про себя шепчу. А старичок-то, брат Егорий-то, видно, опять не оробел. Говорит, слышу, тихо: «Убивай, пожалуй. Девяносто годов живу на свете, давно на покой пора. На страшном суде встретимся. А за сундук я спокоен, его никто не найдет». Тогда дедушка Селько прогнал его. «Околевай, — говорит, — на лесной дорожке». Тот и ушел. Больной был, едва дышал. И помер, поди, в лесу, шибко холодно было. А может, волки съели.

Петрован долго сидел молча. Наконец спросил:

— Стало быть, дед твой так и не знает, где монастырские сокровища?

— Не знает. Вот уже три года ищет, каждое лето бродит в лесу, все уже перерыл, но не нашел. А недавно наткнулся на дерево с какими-то знаками-зарубками. Нынче он там ковырял землю, очень торопился. Болото высохло, любой может проскочить...

— Ну, а с тобой-то что приключилось?

— Нынче летом одна старушка пришла, дряхлая-предряхлая. Городской поп послал ее окропить могилу в лесу святой водой да службу справить. Ну и вот. Помолилась она с неделю. И тоже заболела — простыла на болоте. А тут намедни другая старуха, в кошке...

— Зачем она-то заявила?

— Поп ей наказал вылечить богомолку, вынести из-за болота. И все следы там убрать. Если-де антихристы попадут за болото, так ничего и не увидят. Дедушка забеспокоился шибко, скавал мне: «Неси за

болото лекарство, да живо!» А я боюсь туда один идти, заплакал. Ведь могила там, старуха страшная. Боязно! Дедушка взял меня за шиворот, ремень снял, клятву затребовал.

— И что же, сходил ты за болото?

— Нет, не успел. Дедушка Селько велел сбегать вечером, когда стемнеет, а днем те антихристы, изыскатели, приехали на моторке. Дедушка выругался страшно, пнул мне и опять пригрозил, что убьет, коли проболтаюсь кому. Ночью, когда изыскатели спали на сеновале, он ту страшную старуху отнес в Чаняьб, к Митиперихе.

— Ах, варнак! — не выдержал дед Петрован. — Гости спали, а он на болоте лешачил... И что же дальше-то было?

— Вчера утром, когда я был на поскотине, дедушка пришел к избушке вместе с этими мужиками, изыскателями. Увел меня в сторону, сказал строго: «Мой тебе наказ: убрать за болотом все. Шалап разбросай. Все, что хранится в колоде, перетаскай в болото. Тулуп, на котором спала старуха, вынеси в свою избушку... А этих я уведу в урман...»

— Зачем? Зачем он их в урман увел? — не выдержал дедушка Петрован.

— Как зачем? Пусть-де увидят, что за болото им летом не попасть. Дедушка ведь хочет разыскать тайник. Все равно, говорит, найду и обратно в Сибирь уберусь. Там, мол, жить спокойнее.

— Понятно, Алешка, — остановил его Петрован. — Интересно, что же хранится в той колоде?

— Всякое монастырское добро. И оружие — винтовки, наганы...

— Оружие?! Ах ты, дьявол! И ты выполнил дедов приказ?

— Нет. Вы ведь знаете, как было. Только перебрался ночью за болото, а тут лешак...

— А кто в могиле-то лежит? Какой святой?

— Отец Исидор. Помер-де давно. Брат Егорий похоронил его в тайности. Он и сундук с золотом запрятал.

— Стало быть, объегорил всех брат Егорий? М-да... А та старушенция, что в кокошнике, где она сейчас?

— В Чаняьбе, поди. Так я думаю...

АЛЕШКА ПРОДОЛЖАЕТ РАССКАЗЫВАТЬ ТАЙНЫ

Деду Петровану не сиделось на месте: он вставал, ходил из угла в угол, снова присаживался на скамью. Жгучая досада жалила сердце. Здорово их, честных колхозников, обдурили монахи! Ловко подсунули в колхоз безухого дьявола! Сейчас уже ясно как день: не по пьяному делу откусили у Селька ухо, а отхватили, чтобы правдоподобней выглядела ссора между отцом и сыном, между монахами и Сельком. Дьявольщина! Такое перенести, чтобы втереться в доверие к односельчанам... Ну, варначище!..

А в огороде тихонько ходила Маня. Любопытно девчонке, до смерти хочется знать, с кем это разговаривает дедушка, но боится подслушать.

— А мост-то, мост этот самый кто соорудил? Зачем?

— Монахи, — ответил Алешка. — В прошлую зиму ночевали у нас странники, два дряхлых старичка, долго разговаривали с дедушкой об этом мосте. Вспоминали, как валили толстенные лиственницы, соединяли какими-то хитрыми «замками». Не один год-де положили на это дело монахи, немало их перетонуло. Давно сделан, а все как новый. Под водой ведь дерево не гниет...

— Это я знаю. Сам знаю, парень. Только никак в толк не возьму: зачем монахам понадобилось такую страшную работу делать? Ведь озеро-то не узкое, более полуверсты будет. Да и на краях его, с обеих сторон, зыбуны!

— Отец Исидор, говорят, хотел богомолам показать какое-то чудо. Христос-де по морю, ровно посуху, ходил. И Исидор хотел, чтобы его святым признали. Смотреть его чудо народ в монастырь тогда шел и шел бы.

— От варнак! — не мог усидеть на месте дед Петрован. — Это, значит, так понять: войдет Исидорусько в воду, перейдет озеро по мостику и покажет, на что он способен!..

— Показать не успел, власть переменялась, — продолжал Алешка. — А мост все одно пригодился: монастырское богатство переправили по нему за болото и упрятали в тайниках.

— А сами монахи бандитами стали. Это я понял, парень. Понял наконец, что дедушка твой, Безухий Селько, верой-правдой служил им, помогал грабить и убивать безвинных людей. И кровь Андрюши Сальникова на его совести. Убийца он, твой дед.

— Убийца! Те странники, что ночевали у нас, говорили, как они с дедушкой убивали председателя и его мать. С тех пор бояться я стал его. Ведь убийца...

— Так, парень, так... А ты тоже хорош! Знал такое — и помалкивал.

— Я давно хотел рассказать, но боялся. Дедушка говорил: проболтаешься — смерть тебе. О подводных мостках мы, говорит, только с тобой знаем — и боле никто. Он и богомолку-то проводил по мосткам только ночью, в дождь, чтобы ничего не поняла.

Алешка помолчал, перевел дыхание.

— Это, говорит, божья дорога. Она, говорит, поит и кормит нас, она богачество дает. Ведь за болотом лоси табунами бродят, там разной птицы видимо-невидимо. Прошлой осенью, как подморозило, дед лосей к стожкам приучал и бил, разных других зверей и птиц стрелял. Заготовители в селе спасибо ему сказали, премию дали, кто знает — сколько! Всегда мне толкует: помру — тебе останется. Только помогай мне. А проболтаешься — смерть. А зачем мне деньги?

— Так, парень, так. Ты спи теперь, спи. Вот придет Наган Наганыч...

Дед Петрован уложил Алешку под тулуп. Тот сразу уснул. Выложил все и успокоился, будто стопудовый камень с плеч долой.

ТРЕВОГА! ТРЕВОГА!

Еще тогда, когда выходили с болота, Сережке вдруг начало казаться, будто у него что-то украли. Сначала казалось, что украли совершенную малость, а чуть попозже начало казаться, что украли уж слишком много.

И кто его обокрал? Виталько! Тот самый, которого он так великодушно взял с собой на Бездонное болото.

«Зачем я его взял? — спрашивал себя Сережка. — Зачем? Наверняка начнет везде горлопанить, что это не я, а он затеял пойти за болото. И ему поверят. Ко-

нечно, поверят. Виталька самохвалом еще никто не обзывал».

А Виталько, кажется, ни о чем не тужил. Он бежал по тропинке, торопясь в Панькино урочище, где перкоягцы косили траву.

До Панькина урочища добежали быстро. Нашли там бригадира Элексана и, перебивая друг друга, принялись рассказывать, где сегодня побывали, какие страсти повидали. И, конечно, так увлеклись, что наболтали лишнего и даже не заметили, как начал собираться вокруг народ.

— Ты чего здесь шляешься, а? — услышал Сережка за собой материн голос. — Опять ветер пинаешь?

— Ужо молчи, кума, — остановил ее Элексан. — Угланы... это самое... по делу. Браконьер какой-то в лесу появился... Ну-ка, что же дальше? — повернулся он к ребятам.

Только тут они вспомнили, что дедушка Петрован строго наказал: живо-два и шито-крыто!

— Дяденька Элексан, быстро надо. Дедушка Петрован так и сказал. А нам еще к Наган Наганычу надо сбежать.

Бригадир крикнул мужичкам собираться домой, а сам кинулся запрягать лошадь в телегу.

— Садись оба! — приказал он.

Мальчишки влезли на телегу, бригадир — раз, раз, раз! — огрел лошадку вицей, телега затарахтела.

Эх, увидала бы их сейчас Манька Онянова, вот разинула бы рот от удивления! Ого! А еще Сережка подумал о матери. Опять, говорит, ветер пинаешь. Как бы не так. Зазря бригадир катать их не станет!

Довольные и гордые катили два приятеля. Только встречи с Наган Наганычем несколько робели. Оно понятно: ни с Наган Наганычем, ни вообще с милицией Виталько и Сережка сроду дел никаких не имели. В Вильгортском сельсовете всякий худой человек, у кого совесть нечиста, спит и сны кошмарные видит про Наган Наганыча. Попадешься ему — пиши пропало. Не зря же прозвание у него такое.

Еще задолго до войны приехал в Вильгорт из районного села участковый Иван Иванович Петухов. Был он тогда молоденький, румяный, ходил легкой походочкой. Куда бы ни шел, а наган с собой. Да оно и понятно: времена были беспокойные. И вот однажды

Иван Иванович, рассказывают, поймал хулигана, доставил в сельсовет, усадил на лавку и вынул из кобуры свое страшное оружие.

— Этого видел, нет? Знаешь, что такое? Это наган. Понял?

А потом положил перед ним лист чистой бумаги, сунул в руки карандаш:

— Грамотный? Пиши! Да живей, чего дремлешь? Пиши: на-ган. Написал? А сейчас читай слева направо и справа налево. Чего выходит? А? Понял? И так и этак, как ни крути — все равно наган. Вот и смекай, что к чему.

Тут не только хулиган, рассказывают, подивился, но и всяк, кто в это время в сельсовете сидел. Как же так? Прочтешь налево — наган, наоборот прочтешь — опять наган. Правда, хитрая штука. И с этого вот пор начали величать Ивана Ивановича, как по имени и отчеству, Наган Наганычем.

Милиционер, уса́тый богатырь, сидел на ступеньке крыльца и как раз любовно чистил свое грозное оружие. Бригадир пожал ему руку, что-то шепнул на ухо. Милиционер тотчас вскочил на ноги, рывкнул:

— Наталья! Ремень с кобурой вынеси! Живо у меня!

И минуты не прошло, как Иван Иванович Петухов был уже в полном боевом снаряжении, плотно подпоясавшись ремнем, защелкнул «Наган Наганыча» в желтую кобуру и сел на телегу.

— Эй, герой! — крикнул он Витальку. — Садись рядом!

Вот и начинается! Как думал, так и выходит. Виталька уже назвали героем, а его, Сережку, пока что никто не назвал. Эх! Как это такое терпеть?.. Тяжело было Сережке, скверно. А Виталько рад-радешенек! Еще бы: рядом с милиционером сидит.

Лошадка пустилась вскачь, телега затарахтела, точно боевая тачанка в кино. Около семи километров считают от Вильгорта до Перкояга, а в этот раз даже толком и оглядеться не успели, как с шумом и треском влетели в деревню и подкатили прямо к воротам деда Петрована. А тут и колхозники уже ждут. И дедушка Петрован места себе не находит.

КОЛЬЦО СЖИМАЕТСЯ

Наган Наганыч приказал разбудить Алешку, который все еще спал под тулупом. Дедушка Петрован боялся, что парень опять заартачится, а то и в обморок рухнет. Но Алешка проснулся, едва дед Петрован дотронулся до его плеча. Вяло мотнул башкой, протер глаза.

— Сон нехороший приснился. Будто бы дедушка мой, Селько...

— Дедушка твой пока в лесу, а вот Наган Наганыч прибыл.

Тяжело сопя, Алешка поднялся на ноги, голову втянул в плечи. Вид у него, прямо скажем, был далеко не геройский. Дедушка Петрован легонько хлопнул парня по плечу, ободрил:

— Прибыл, Алеша, Наган Наганыч. Ты его не бойся. Ты доложи ему все, как было. Понял? Тогда твоего мучителя живо-два поймают.

Пока милиционер и колхозники разговаривали в избе, Сережка и Виталько тоже разговаривали. Нет, они не разговаривали, а спорили. И начал спор, как всегда, Сережка.

— Ты что сияешь, как начищенный самовар? Звезду, что ли, с неба достал? — спросил Сережка.

— Звезду? Зачем она мне, звезда?

— Зачем? Знаю я тебя! Небось, начнешь трезвонить ребятам: я да я! Я первый понял, что Безухий Селько да эта проклятая старушенция нечистые люди... Я первый сказал, что надо сходить за болото...

Виталько, ясно, сразу догадался, куда клонит дружок. Догадался и сказал звонко и отдельно:

— Не бойся. Я никому ничего не расскажу.

— Не-ет! Знаю я тебя! Ну-ка, дай честное слово!

— Зачем честное слово? Раз сказал, не буду трезвонить, — значит, не буду. Не бойся. У меня тоже свой характер имеется.

Вот так и шлепнул: «У меня тоже свой характер имеется!»

И когда сказал он этак, сразу почувствовал: а действительно, ведь и у него тоже характер имеется.

Виталько улыбался. А Сережке было не до улыбок. Плохо было Сережке. Еще в десять раз хуже стало, когда подошла к ним Маня Онянова и сообщила:

— Сережка, а я вымыла твой пестерек. Грязищи там было — целый пуд. И знаешь, что я там нашла? Трубку! Ты что, курить начал?

Сережка вспыхнул, зарделся маковым цветом. Тогда Виталько решил пойти на выручку:

— Вот еще! Нет, Сережка не курит. Нашел он ее.

— Забавная трубочка. И чертик симпатичный. На, Сережка, храни на память.

И протянула Сережке волшебную трубку. Сережка, все еще красный, торопливо сунул ее в карман: кто знает, может, пригодится.

Неловко помолчали. Маня не уходила. Мане до смерти хотелось узнать, что видели они за болотом. И, как это у девочек принято, она начала с нападок:

— Почему меня оставили? Почему не взяли? Я бы тоже пошла с вами.

— Ты — за болото? — язвительно спросил Сережка. — Мало каши ела!

— Вот и не мало! Я не хуже вас!

Неизвестно, чем кончился бы этот разговор: Маня рассердилась и, вполне возможно, что-то сказала бы этакое обидное. Но в это время открылась дверь и на крыльцо вышли мужики. Впереди Наган Наганых, а за ним и все остальные.

— Враг есть враг. С ним надо решительно и смело, — говорил милиционер, спускаясь с крыльца. — Сколько лет он дурачил меня... А старуху-то, старуху... Как же мы ее прозевали! Эх, поймать бы тоже, нечестивую, да спросить, кто ее сюда посылает, какой такой городской святой...

Наган Наганых был зол и решителен. Усы его топорщились, глаза так и метали искры. Предстояла настоящая схватка. Не мелкий воришка, не забияка перед ним, а настоящий враг, матерый бандит. Голыми руками его не возьмешь.

— Ну, Алешка, кажи дорогу, — сказал Наган Наганых. — Не бойся.

— С вами я ничего не боюсь, — ответил Алешка.

Мужики направились вслед за ним. Условились идти за старую мельницу пешком, чтобы меньше шуметь.

— А мы? — встрепенулся Виталько.

— А нас разве не берут? — спросил Сережка разведчика Элексана.

— Ничего, ребятишечки вы мои, справятся и без нас. Вы свое дело уже сделали. А я инвалид, не воин.

Подошел к ним дедушка Петрован, тяжело вздохнул: тоже не взяли в лес.

Если бы не торчала тут Манька Онянова, наверное, мальчишки заревели бы. Но Маня стояла возле, и они сдержались. Сдержались, как и положено мужчинам.

Они еще надеялись, что деда Петрована в конце концов удастся уговорить, как уговорили на болоте. И, пожалуй, уговорили бы. Но тут неожиданно прибежала Виталькина мать, схватила сына за руку и потащила домой:

— Давно дрыхнуть пора, а он в лес норовит. Вот уж истинно: куда конь с копытом, туда и рак с клешней.

А с матерью не поспоришь, вмиг получишь на сон грядущий. И Виталько смирился с судьбой.

Сережка, повесив голову, тоже побрел к своей избе.

Деревушка Перкояг жила своей обычной жизнью. Пахло парным молоком, мычали коровы, скрипели калитки, над избами заструились вечерние дымки. Женщины громко переговаривались от калитки к калитке:

— Что случилось, что?

— Сус Христос, все ли ладно-то?

— Все ладно, бабоньки. Поймают стервеца-браконьера — и крышка ему. Разве можно лосей бить? Да еще летом, — хитро подмигивая, говорил Петрован, собираясь к телятам.

СТАРУХА В ЗАПАДНЕ

Очень плохо спалось в эту ночь Витальку. Когда тебя мучает обида, разве уснешь? Только закроешь глаза, только начнешь забываться, но опять кольнет тебя обида — и сна будто не бывало. Зажмуришь глаза, а сна нет как нет...

Вот опять открыл глаза. А тут Маня Онянова. И крепко зажмурился — так ослепительно солнечно! А Маня знай себе тормозит его, без всякого стеснения орет что-то под самое ухо, будто не видит, что человек не спал всю ночь. И ведь дошла до такой наглости, что очень больно ущемила Витальку за ухо.

— Да брось ты! — завопил он и сел в постели.

Конечно, утро. Так и есть. Мать ушла на работу, а бабушка выгнала на поскотину коровенку и сейчас возится по хозяйству.

Виталько был очень недоволен собой.

— Ну чего тебе?

— Вот и чего! Спишь как убитый, — быстро, чтобы Виталько не успел еще больше рассердиться, зататорила Маня. — Тут такие дела, а он дрыхнет.

— Какие такие дела?

Маня выпалила одним духом:

— Я старушку в кокошнике видела!

— Врешь!

— Правда, правда! Ой, я пошла в лог за ключевой водой, а она возле бани Селька стоит. Стоит и что-то шепчет. Заметила меня, сразу шмыг в баню. Что она там делает?

— Айда к Сережке! — решительно заявил Виталько.

Наган Наганыч прямо сказал, что надо ее поймать. А один разве поймаешь? Надо с Сережкой. Маня не в счет, она девчонка — какая от нее помощь? А вот Сережка смелый, с ним все можно. Но Маня сказала:

— Нету, Сережки дома. Я бегала к ним, дверь заперта. И на сеновале пусто. Видать, мать его с собой забрала на луга.

Виталько растерялся. Что делать? Он думал минуту, думал другую и только после этого сказал:

— Пойдем к бане. Будем следить.

Деревня была пуста. Возле калиток лениво ходили куры, с края на край перекликались петухи. Ни души. Женщины давно ушли на покос, а мужчины не вернулись из лесу.

Виталько и Маня осторожно спустились в лог, бояливо поглядывая на черную баню Безухого Селька. Конечно, старухи тут уже не было.

— Удрала! — огорченно сказал Виталько.

— Может, и удрала, — уныло согласилась Маня. — Заметила меня — и, как мышь, в баню.

Все с той же осторожностью Маня и Виталько пробрались к бане, прислушались. Подошли совсем вплотную. Густо запахло мыльными помоями, застоявшимся смолистым дымом и затхлостью. Прислуша-

лись — ни звука. Осмелев, Виталько тихонько, стараясь не скрипнуть половицами, шмыгнул в предбанник.. Обычно Селько почему-то запирает свою баню на замок. А сейчас она не была заперта. В предбаннике возле двери валялись поленья, старые веники, увесистая палка... Размышляя о том, где он видел эту палку, Виталько непроизвольно поднял ее, а затем быстро подпер дверь. Если старуха в бане, то и сиди там, пока не придет Наган Наганыч.

Так оно и вышло. Старуха была в бане. Сквозь дверь донесся ее голос:

— Оте-те-теть! Селько, это ты?

Виталько, не чуя ног, бросился на улицу, шепнул Мане:

— Теперь не уйдет! Я запер ее...

— Запер?

— Сказал — не уйдет! Ты вот что... Ты сиди здесь, следи за баней, а я мигом слетаю, может, кого и найду.

В ответ Маня принялась дрыгать руками и ногами:

— Виталько, да ты что! Виталько, одна я не могу остаться! Давай вдвоем.

Что тут делать? И впрямь, наверно, ничего Виталько не придумал бы, если бы не движок дядюшки Элексана. Он начал тарахтеть, и Виталько сразу вспомнил о бывшем разведчике.

— Маня, — сказал он, — дуй быстрее к парникам!

На этот раз Маня беспрекословно выполнила Виталькин приказ. Кинулась — только пятки засверкали. И через десять минут вернулась с Элексаном.

— Заперли? В бане заперли? — удивился Элексан. — Ах, молодцы! Ты, Виталько, обязательно разведчиком станешь. И ты, Маня, тоже.

Элексан прогрозил костью по предбаннику, вышиб палку, рванул дверь и шагнул в баню. Виталько и Маня прошмыгнули за ним.

Первое время, после солнечной улицы, ничего было не разобрать. Постепенно глаза свыклись с полумраком.

Старуха пластом лежала на полу.

— Померла, что ли? — растерялся Элексан.

Он нагнулся над старушкой, подергал за руку.

— Жива...

Острые Виталькины глаза различили в полумраке на полке огромный пестерь. Вот это да! Что в нем?

Элексан открыл пестерь, опрокинул его. Из пестеря на пол с грохотом и звоном посыпались иконки. Деревянные, железные, большие и крохотные, темные, поблескивающие — всякие... И еще высыпались, позвякивая, желтые кольца и маленькие нательные крестики. «Вот они, «грибы и орехи»! — догадался Виталько. — А что же «малина»? Да это наверняка монастырское золото!..»

Услышав звон своих сокровищ, старушка приоткрыла один глаз.

— А, сразу ожила! Тьфу, сколько всякой дряни насобирала, — искренне удивился Элексан. — Не иначе, монастырское добришко помаленьку таскает куда-то. Вы вот что, молодцы, отправляйтесь сию же минуту за старую мельницу, доложите Наган Наганычу, кого мы словили. Бегите скорей. А с ней я управлюсь.

Ребята выскочили на яркое солнышко и помчались сломя голову.

Между медными соснами плыла смолистая дымка, под лучами солнца переливались кроны деревьев. Хорошее было летнее утро!

КОЛЬЦО СОМКНУЛОСЬ

Как раз в то время, когда Виталько и Маня подбегали к поскотине, за Бездонным болотом тишину расколол трескучий выстрел. Тугое эхо, перепрыгивая с вершины на вершину, докатилось на эту сторону, и от него, казалось, вздрогнули листья берез и осин. Маня и Виталько, не сговариваясь, удвоили прыть и понеслись, не разбирая дороги, прямо к избушке.

У избушки стоял дед Петрован — взлохмаченный, со свалывшейся бородкой. Старик пристально смотрел за болото.

— Что там, дедушка?

— Кто стреляет?

И теперь только они заметили, что дед Петрован не один. Чуть поодаль, у ивняка, стоят двое и тоже

неотрывно смотрят за болото. Одежда на них вся в иле и грязи, изодрана настолько, что еле можно признать комбинезоны...

— Маня, глянь, они! — крикнул Виталько.

Да, это были изыскатели.

— А-а, это ты, веснушчатый? — узнал его Володя. — Ну, как жизнь?

Подошел, горячо, как взрослого, потряс за плечи. А Сергей Петрович приветливо помахал рукой.

Маня Онанова сгорала от зависти и любопытства.

— Ну, ну, слышали мы про вас. Молодцы, ребяташки. А мы... Эх, да что уж тут говорить! Два дня кружили по тайге. Завел нас Селько в такую чащобу — колодняк! Урманы! Когда-то пронесся там ураган-лесовал, наклал крест-накрест лесины, так раскорезил — не пройти. Попали мы в эту кутерьму как-то незаметно, все куда-то шли, а потом ни взад ни вперед. Еле выбрались. У бывшего монастыря Селько бросил нас. Идите, говорит, в деревню, а я отдохну маленько, шибко устал...

Володя рассказывал это посмеиваясь, а Сергей Петрович плюнул с досады под ноги и отвернулся.

В это время из мокрых болотных зарослей вылез еще один человек. Манька так и ахнула:

— Сережка, ты почему здесь?

Паренек глянул ей в глаза, бросил небрежно:

— Эка, шустрая! «Почему здесь?» А где я должен быть в такой важный момент?

Подошел дед Петрован, внес ясность:

— Прибежал ночью. Мне, говорит, подвиг совершить надо, а не дома спать. И совершил-таки подвиг: всю ночь просидел со мной в засаде у монастыря. Мы ждали, когда появится Селько и куда он стопы направит: за болото или домой в деревню. Такое миллицейское задание было.

Сережка был горд, как никогда, посматривал на Маню и Витальку снисходительно, как и подобает герою. Но Маня быстро сбила с него геройскую спесь:

— А мы с Витальком старушку поймали. Вот!

— Какую еще старушку?

— В кокошнике.

Эх, Маня, Маня! Что ты наделала? Зачем так сразу огорошила парня? Видишь, что с ним происходит? Плохо ведь ему.

Что происходило с Сережкой? А совсем непонятное.

Сначала лицо его так и вспыхнуло. Затем побледнело, а под конец стало ни бледным и ни красным.

Сначала губы у Сережки сжались, затем как-то косо скривились, а под конец стали расширяться, расширяться, расширяться. Расширились до того, что рот его стал похожим на букву «о».

— Дедушка, — сказал Сергей Петрович, — веди нас на болото, покажи дорогу. Там, возможно, беда случилась, а мы стоим тут.

— Проводи, дедушка, — просил и Володя.

— Эка вы, нетерпеливые! — заворчал старик. — Ведь сказал же: не велел милиционер никого пускать. И так, говорит, народу лишка. Селько, видимо, там. Засада его — цоп! Может, уже и поймали!

Сережка и Виталько тоже не могли спокойно стоять.

— Пойдем, дедушка, хоть до полянки!..

— Не велено!

Старику и самому было немого. Он беспокожно ходил, садился на порог избушки, снова поднимался на ноги.

— Пойдемте, — наконец решил он. — Встретим мужичков.

СКОЛЬКО ВЕРЕВОЧКЕ НИ ВИТЬСЯ

На полянку пришли как раз в пору. Сережка вдруг крикнул радостно:

— Ведут! Ведут!

За озером шли мужики. Впереди шагал Безухий Селько. Даже отсюда было видно, что его крепко-накрепко связали веревкой: Селько не размахивал руками, шагал короткими шажками, как спутанная лошадь. За Безухим Сельком следовал Наган Наганыч, держа в руке конец веревки. «А где отец? Где он?» — встревожился Виталько. И сразу же повеселел.

— Батя! — закричал он. — Батя! Я здесь!

Вот Безухий Селько ступил на полянку, милиционер Наган Наганыч подтолкнул его своим оружием: «Давай, давай, шагай бодрее, бесстыжий!»

— Два дня и две ночи кружили по тайге, все старались за болото попасть, а она, дорога, глянь, тут и была, — удивленно проговорил Володя.

— Проводил-таки, — сердито отозвался Сергей Петрович.

Безухий Селько походил на волка. Рыжая его борода потускнела и стала похожа на звериную шерсть. Его лешачьи глаза жгли, кажется, весь белый свет, он напряжился, будто приготовился к прыжку. Попадись такому на узенькой тропе — в порошок сотрет.

И Виталько подумал вот о чем. Очень опасен враг, вооруженный до зубов, но еще страшнее тот, который выдает себя за честного человека. Такого распознать трудно.

Призадумался и Сережка. Он глядел на Безухого Селька и размышлял: смог бы его, такого, один поймать? Нипочем бы не смог. А милиционер и колхозники — поймали. А смог бы он, Сережка, вчера один за болото перебраться? Нипочем бы не смог. В первой же луже утонул бы. Одному против силы ничего не сделать. Так что же ерепенился перед Витальком? А трубка-то? Будь она неладна! Даже в черта поверил...

Хорошо думал Сережка. Правильно думал.

К Витальку подошел отец, положил руку на голову сына.

— Ну вот так. Опутали лешака, спеленали веревкой.

Виталько только тут заметил, что отец гладит его волосы левой рукой, а правую прижал к груди. Она была перевязана платком. Сквозь материю проступила кровь.

— Батя, ты ранен?

Отец рассмеялся, потрянул кудрями:

— Ничего! Пройдет. Он, медведь, успел-таки зубами хватить. А зубы у него — ого! Чуть не до костей вонзил.

Колхозники рассмеялись.

— Тебе, Митрий, в больницу придется сходить, уколы принять.

— Вдруг ядовитые эти зубы?

Что же все-таки было за болотом?

— Батя, расскажи, как его поймали, — попросил Виталько.

Алешка наилучшим образом выполнил задуманный план. Подошел вместе с Безухим Сельком к засаде, громко сказал условное: «Все, как бог положил!» — и прыгнул за кусты. Тогда из-за избушки и выскочил Наган Наганыч да и рывкнул: «Стой! Руки вверх! Руки поднимай, бесстыжий!» Безухий Селько успел выстрелить в милиционера. Но промазал, только милицейскую фуражку сбил. В это самое время Виталькин отец прыгнул на него сзади, свалил на землю. Падая, Селько еще раз бабахнул в белый свет. И милиционер тоже грохнул из «Наган Наганыча» — просто так, для остротки. Но Селько еще успел кунуть руку отцу Виталька. Бился, пока веревкой не скрутили.

— Вот такие дела были, — закончил свой рассказ отец.

Алешка стоял за спинами колхозников, все-таки он побаивался встретиться с дедом глазами. Безухий Селько обернулся к нему, обжег волчьим взглядом:

— У-у, псина! Жаль, не успел свернуть тебе шею! Ужо попадешься!

— Руки коротки, — осмелев, вдруг отозвался Алешка.

Безухий Селько распрямил грудь, точно хотел освободиться от пут.

— У-у, сволочи! — завыл он. — У-у, голодранцы! Ненавижу вас всех! Недолго вам осталось тешиться. Опустит боженька на ваши головы атомную бомбу, не спрячетесь. И как я вас терпел, как это до сих пор гнездо ваше не спалил вместе со всеми потрохами? У-у!

— Ну-ну, хватит тебе! — строго сказал Наган Наганыч. — Ступай на дорогу, отправлю я тебя в райотдел, прямо к начальнику. А чтобы веселей было в кутузке, заберем с собой и подружку твою, ту, в кокошнике.

Сережка в это время незаметно отошел к ивняку, вынул из кармана какой-то предмет и изо всех сил швырнул его в болото. Но Маня все успела заметить.

— Ты зачем трубку бросил? Не надо было. Этаким симпатичный чертик. Точно живой.

— Надо, Маня, — весело отвечал Сережка. — Красивый, а все равно черт. А раз черт — то и пусть живет на болоте.

ГДЕ ОН, ЭТОТ СУНДУК?

Весть о том, что перкоягские мальчишки помогли взрослым раскрыть давнее преступление, обезвредить злобного бандита, разнеслась, конечно, по всему сельсовету с быстротой молнии. Уже в полдень деревушку Перкояг нельзя было узнать. С шумом прибежали вильгортские парнишки, успевшие за эти дни во главе с Катькой Петровой съездить в город; прибежал знаменитый карикатурист Петька Лунегов; заявился собственной персоной Васька Порсев из Гундыра — тот самый, который два раза принародно обозвал Серезку самохвалом.

Много народу прибежало — человек двадцать, наверное, а то и больше. И все канючили наперебой:

— Виталько, расскажи, как было дело?

— Серезка, это здорово интересно! Расскажи.

А-а, стало быть, интересно? То-то же!

Серезку так и подмывало покуражиться, лукавый кайский бес так и толкал его в пузырь. Но паренек выдержал характер, не стал чваниться и задира́ть нос, а не торопясь, обстоятельно отвечал на все вопросы.

Шумно было в деревне — куда с добром! До вечера колокольчиками разливались звонкие голоса.

Конечно, всем очень хотелось побывать и за Бездонным болотом. Но строгий милиционер Наган Наганыч еще утром наказал: за болото пока не ходить. Вот уберем бандитское оружие — тогда...

Гости и хозяйева были люди сознательные, к милицейскому приказу отнеслись с пониманием и уважением. За болото в этот день никто не пошел. Наган Наганыч оценил их поведение на пять с плюсом и тянуть время не стал. Утром следующего дня при помощи Алешки он без труда выкопал бандитскую колоду, колхозники вынесли из-за болота немало интересных вещей: старые винтовки, револьверы, патроны, разные кадила да кресты. Были тут, конечно, и святые угодники, то есть иконы, и прочий церковный хлам. На двух подводах увез Наган Наганыч всякого добра-барахла в районное село, сдал по акту кому следует.

А после он сам водил желающих за болото, удовлетворял их любопытство. Проходя по подводному мосту, ребята ахали, удивлялись монашеской хитро-

сти и, перебивая друг друга, громко делились впечатлениями. Виталько и Сережка показали вильгортским то место, где они нашли Алешку, где отдыхали после болотного перехода. Шагая мимо загадочной могилы, головами покачали: что тут святого? Могила как могила, небольшой бугорок — и только. Даже креста нету. Алешка сказал, что был крест, но сгнил и упал. Селько бросил его в болото, за что получил благодарность от монаха брата Егория: «Антихристы мимо пройдут...»

И лес ничем таким особенным не отличался от других лесов. Такие же мохнатые ели, сосны, пихты...

Успокоились мало-помалу ребятишки, вышли из-за болота и разбежались по домам.

А что дальше?

А дальше началась, как однажды пошутил дедушка Петрован, кладоискательская лихорадка. Наган Наганыч сколотил команду, отдал приказ: ищите монастырский сундук!

В эту боевую группу, то есть в команду кладоискателей, кроме Виталька, Сережки и Алешки, проживавшего до поры до времени в амбаре Петрована, на добровольных началах вошли уже известные нам Васька Порсев и Петька Лунегов. Хорошие подобрались ребята. Следовало ожидать, монастырский сундук будет найден в самую малую пору.

Увы...

Две недели, ровно две недели ребята почти не выходили из лесу. От зари до зари ходили по чащобам. Лопатами, вилами, острыми прутьями прощупали каждую пядь земли на десятки верст окрест, заглянули под каждую колодину, под каждый выворотень, под каждый кустик. И воочию убедились, что старая поговорка «Не положил — не ищи!» придумана отнюдь не праздными людьми. Монастырского сундука не нашли.

Нашли очень красивые ветвистые рога, сброшенные лосем; в провалившейся землянке, в которой, видимо, жили бандиты, нашли четырехгранный ржавый штык, обойму пустых патронов; нашли скелет какого-то большого зверя, наверное медведя; поймали двух ежей, издали видели лосиху с теленком...

А сундука нигде не было.

Будто в воду канул.

В лесу в эти недели, кроме ребят, упорно работали изыскатели, проектировщики лесовозных дорог, таксаторы. При встречах с ребятами они наперебой восхищались богатством этих дебрей, радовались: лучшей строительной древесины и искать нечего. И хватит ее на многие годы.

— Стало быть, механизированный леспромхоз надо строить немедленно, — говорил Сергей Петрович. — Стране нужен лес.

Наступил август. И как всегда, в эту пору началась полоса дождей. Почти ежедневно kloкотали ливни, лес наполнился сыростью. Неуютно стало в лесу, тоскливо. Алешка уже не раз заявлял: мол, ему пора оформлять документы, чтобы отправили в ФЗО. Петя-ка Лунегов тоже ссылался на какие-то неотложные дела. Виталько вдруг вспомнил, что в прошлом году, как раз в начале августа, он выловил в Шерве метровую щуку...

В общем, дожди и усталость погубили дело. Дедушка Петрован, который все это время хлопотал на телячьей поскотине, однажды увидел: вернулись друзья из лесу с лопатами, вилами, прутьями — с тем инструментом, который обычно оставляли на ночь под кустами.

— Али насовсем? — спросил он.

— На время, — ответили ребята. — Ужо в другой раз.

Кладоискательская лихорадка прошла.

КРИВАЯ КАВЕРЗА НЕ ДРЕМЛЕТ

Но события на этом не кончились. На этот раз они развивались так стремительно, что дедушка Петрован, волею случая ставший телячьим пастухом, еле поспевал за ними.

Однажды, когда он сидел на пороге избушки и мастерил новый туесок, из Монастырского бора неожиданно вышло немало темных личностей. Дряхлые старушки, одетые в длинные шабуры и шушуну, в черных платках до бровей, в яловых ичигах-броднях, согнувшись в три погибели, под предводительством Кривой Каверзы подошли к избушке. Сколько их? Да немало. Семь старух насчитал дедушка Петрован. Что-

то вспомнив, он весело улыбнулся: вся вильгортская божья рать!

На первый взгляд их можно было принять за грибников или ягодниц: у каждой за плечами пестерь, в руке — набирушка.

Дедушка отложил в сторону свое рукоделие, встал с порога, отвесил дряхлому воинству чинный поясной поклон.

— Куда это вас чомор понес? — спросил весело. — На богомолье, что ли? Так ведь монастырь-то давно крапивой пророс...

Кривая Каверза строго посмотрела на деда единственным оком, изрекла скрипуче:

— Будет тебе, старый ворон, каркать-то. Ай не видишь: по смородину да бруснику пойти отважились. Покажи-ка, безбожник ты и грешник, на ладан дышащий, дорогу. Покажи нам дорогу вон туды, за болото. Слышно, ягод тамока дивно уродилось. послужи перед смертью добрым людям. На страшном суде, ведомо мне, зачтется твоя услуга.

Дед Петрован быстро раскусил «ягодниц», хотел было отбрить Кривую Каверзу, как оно положено, да язык не поворотился. Тогда-то он решил выпроводить старух по-своему. Он опять поклонился, улыбнулся вроде бы виновато и понес такое, что и у самого волосы на голове зашевелились:

— Хоть ты толкуешь, будто на ладан дышу, но из ума пока что не выжил. И за болото я не пойду. Никаким пряником не заманишь после вчерашнего случая.

— Чего там увидел-то?

— А вот послушайте! Отправился вчера я туда лыко на мочало драть. И вдруг слышу: чавкает кто-то за кустами. Чавк-чавк-чавк... Заинтересовался я, думаю — кто таков? Выглянул из-за кустов и обмер!

— Кто?!

— Лешак! Огромный такой и страшный — косматый, бородатый, из ноздрей огонь пышет. Сидит, негодяй, за кустами на колодине и завтракает. Верно говорю, вот те крест. И кого он лопает? Ни в жизнь не узнаете! Да, не узнаете. А жрет он, бабоньки, другого лешака. Ей-богу! Чавк-чавк-чавк...

— И-ах! Не говори боле! — замахала руками Кривая Каверза и перекрестила лоб. Ее подружки зашеп-

тали молитвы. — По шарам твоим вижу — врешь. Но все равно прекрати. Экой страсти. Ах, ах!

— И еще одно лихое дело меня в беспокойство ввергло. Да! Заметил я вчера, что там, за болотом, кто-то чуть ли не под каждой елкой расставил капканы. Вольшие такие капканы, медвежьи. Ступишь ненароком — поминай как звали. Без задних копыт как раз и останешься.

— Господи, кто бы это мог? — зашептала Каверза.

— Кто знает! Поди, Селько лесовал, а может, и сам Исидор. И решил я пока туды не ходить. Был вчера вечером у Наган Наганыча, рассказал все как есть. Он, отчаянный человек, лешака того решил пристрелить, дабы детей не пугал, а капканы обезвредить. Вот жду его с часу на час, обещался приехать...

— Кто?

— Наган Наганыч, сказываю.

Нагнал-таки страху дедушка Петрован. Кривая бабка не стала больше терять времени даром. Она подмигнула подружкам, махнула рукой в сторону леса: дескать, кыш отсюда, топайте обратно домой, если с Наган Наганычем не хотите с глазу на глаз встретиться. И те потопали.

А дедушка Петрован задумался. Сидя на пороге, стал рассуждать сам с собой: значит, старое начинается сызнова... Вогомолки решили навестить могилу отца Исидора, покликушествовать. Разнесут они молву по всему волоку, закопошатся божьи старушки. И пойдет паломничество на «святое место».

— Такое допустить нельзя! — твердо заявил себе дедушка Петрован.

Вечером он сходил в деревню, поделился своими мыслями с Элексаном. Тот выслушал его внимательно. Сказал тоже, что такое допустить нельзя. В тот же вечер Элексан запряг в телегу лошадку и поехал в Вильгорт, в сельсовет.

В сельсовете он застал председателя и Наган Наганыча, рассказал о прыти здешних старух. Наган Наганыч посмотрел на председателя, председатель — на Наган Наганыча. А бывший разведчик Элексан ждал ответа.

— Сравнять эту могилу с землей — и вся недолга! — рывкнул милиционер.

— Могилу — с землей? — удивился председатель.

И задумался. В затылке поскреб. — Не приходилось подобными делами заниматься. Как бы не перегнуть палку... Завопят старушечки, хай подымут на весь район.

— Черт те что! — выругался Наган Наганыч. — Что бы такое придумать?

Дядюшка Элексан долго морщил лоб, выкурил две сигарки самосаду, заговорил осторожно:

— А если, скажем, замаскировать могилу? Засадить всю местность вокруг можжевельником, шиповником, прочими колючками, забросать все мохом да старой хвоей...

Милиционер и председатель опять переглянулись, подумали.

— А что? Это, по-моему, идея, — осторожно сказал председатель.

— Это действительно идея, — согласился с ним милиционер. — Сделаем! Изладим все под моим наблюдением. Шиш покажем этим каверзякам. Ишь, бесстыжие, сразу разнохали поживу. Не выйдет!

Сильно разгорячился милиционер. Он наказал Элексану подготовить в Перкояге небольшую команду для проведения задуманной операции, чтобы начать ее, операцию, завтра же чуть свет и провести без лишнего шума, без лишних глаз.

ПОБЕДНЫЙ САЛЮТ

Наган Наганыч чуть свет действительно заявился в Перкояг. На берегу Шервы-реки выстроил боевую команду из трех человек. Это были надежные люди, закаленные и проверенные — Алешка, Виталько и Сережка. На таких орлов можно положиться: умеют держать язык за зубами. Однако «закаленные» люди на этот раз собирались в лес без особого энтузиазма. Милиционер сразу заметил, что боевой дух у команды недостаточно высок — вялые были ребята, кислые какие-то.

— Что случилось, друзья? — строго спросил милиционер.

Сережка и Виталько долго переминались с ноги на ногу, затем забубнили. Оказывается, Манька Онянова еще вчера слетала в Вильгорт и разжилась там новыми учебниками для седьмого класса. Виталько и

Сережка опасаются, как бы не остаться без учебников.

— Мы в Вильгорт сегодня хотели, — заявили они.

Наган Наганых дал твердое милицейское слово, что он сам достанет им новые учебники и вручит в торжественной обстановке со своим автографом, скрепленным гербовой печатью.

— Доведем дело до конца, поставим на «болотной операции» точку и будем наконец вольными казаками, — говорил Наган Наганых. — И знаете, что еще я надумал? Я надумал, друзья, отметить завершение этого дела салютом. Да, да, салютом. Так и быть, разрешу я вам пару разов бабахнуть из ружья. Вот из этого! Специально взял для такого случая.

Понимал человека бравый милиционер, знал, чем разжечь геройские сердца. Виталько и Сережка вмиг преобразились, засияли. Бабахнуть из настоящего ружья!

— А у тебя что, Алешка? Почему такой смурый? Оказывается, и у Алешки были свои дела.

— В город я собрался, — ответил он. — Все документы в ФЗО оформил. Сегодня бы и отправиться.

— Ужо вечером и отправишься, — подумав, сказал милиционер. — Организуем тебе проводы. Речи говорить будем, как при открытии электростанции. Еще почище!

И Алешка тоже расправил плечи, заулыбался.

Ребята быстро вооружились лопатами, прихватили с собой на всякий случай топор и зашагали за старую мельницу. Шли рядом с милиционером, ежились от сырости: ночью прошел дождь, и сейчас было зябко.

У старой избушки на телячьей поскотине, где бывший пастух Алешка провел немало бессонных ночей, спасаясь молитвами от болотной нечисти, команду встретил дедушка Петрован.

— Наловил сейчас целую бадейку окуньков и щурят, — похвастался он. — Уха будет царская. Садитесь отведать.

Милиционер отказался: некогда-де. Надо, в конце концов, кончать со всем этим, на пятки другие важные дела наступают.

Дед, махнув рукой, пожелал им успеха.

Он один выхлебал полный котелок ухи, долго облизывался. Затем сгонял телят на водопой, поправил

у болота прясла. Работал не спеша — сказывалась ночь, проведенная у мельничного омута за рыбалкой. Ему очень хотелось заглянуть за болото, помочь ребятишкам, но усталость брала свое. Он махнул рукой и, погладев зачем-то на небо, убрался в избушку.

После бессонной ночи, а также после царской ухи спал старик очень крепко, как говорится, без задних ног. И в то же время был чуток. Слышал почти все, что творилось вокруг. Дедушка давно заприметил: голова его за последнее время вела себя довольно странно. Ночью одна половина спит и сны всякие видит, а другая в это время бодрствует. И что бы ни увидел во сне дед Петрован, та половина, которая бодрствует, тотчас дает толкование увиденного сна.

Так случилось и на этот раз. Едва смежил он веки, как сразу же нырнул в непроглядную темень, будто в бездонную яму. И тотчас замельтешили перед глазами какие-то фигуры, звери, птицы. И увидел среди этих фигур дедушка самого себя. Вот он идет по дремучему лесу, любит елями, прислушивается к шорохам. И уловил дед Петрован непонятные противные звуки: чавк-чавк-чавк... Кто это так чавкает за кустами? Раздвинул осторожно кусты, а тут такая несуразица! Сидит лешак и завтракает другим... «Ах!» — вскрикнул старичок. И тут же успокоился: не бойся, дурень. Это же просто сон. И видишь ты, старый пень, как раз ту сказку, которую рассказывал вчера Каверзе. Повернись на другой бок, дрыхни.

Дед послушно повернулся на другой бок, захрапел. Успокоила его та половина головы, которая бодрствовала.

Сколько он спал, сказать невозможно. Часов на пастбище нет, а солнышко пряталось за тучами. Одно наверняка известно: проснулся дед Петрован от страшного грохота. Будто небо раскололось или земля полетела в тартарары. Дед Петрован живо слетел с нар, больно шлепнул ладонью по лбу, резко крутанул башкой, приводя мозги в порядок.

— Что случилось? — грозно спросил самого себя старик, вылетая на волю.

А в это время опять как загрохочет за болотом, как бабахнут из ружья! Бу-ум! Тугое эхо, рассекая воздух, перекаатилось по болоту, так и ударило по сердцу старика: господи, все ли ладно?

Держась за сердце, дедушка Петрован вышел на тропинку, побежал к подводному мосту. И тут же увидел Виталька, бежавшего ему навстречу. Паренек размахивал руками, подпрыгивал и все летел и летел вперед. Заметив деда, он заорал во все горло:

— Нашли, дедушка! Выкопали!

— Какого чомора нашли?

— Да сундук же! Монастырский!

Поравнявшись с дедом, Виталько хотел было остановиться, но не смог, пробежал еще, наверное, метров пятнадцать-двадцать. Вот какая кинетическая энергия была вложена в этого человека!

А за болотом между тем продолжалась пальба. Через равные промежутки времени там раздавался ружейный выстрел. Бум-м! Бум-м! Бум-м! Точно из пушки палили. Виталько объяснил, что это милиционер Наган Наганыч в честь победоносного завершения «болотной операции» устроил салют, что первый выстрел произвел он, Виталько, и сейчас по приказу милиционера бежит в деревню за подводой.

— Тяжелый сундук! — уточнил он.

Дедушка Петрован был сильно взволнован, но старался не выдавать своего волнения.

— Где выкопали-то? Каким манером?

— А у могилы! Почти рядышком с ней. Только начали ямку выкапывать, как взвякнула лопата о твердое. Сначала каменную плиту выкопали, потом небольшую железную икону, а после и сундук. Не такой уж и большой, а тяжелый он, беда. Вчетвером едва подняли из ямы.

Дедушка Петрован понял все, расхохотался:

— Надо же, а! Ха-ха... Жадный отец Исидор и золотишко на тот свет прихватил, рядышком с собой уложил. Это чтобы откупиться перед богом, вымолить прощенье за земные грехи. Умора! Ох, хитер был варнак, хитер. И брат Егорий тоже. Ишь, до чего додумался! Верно, Егорий рассуждал так: кто же святую могилу курочить будет? Да бог такое не допустит!

— Наверно, так оно и было, — мотнул головой Виталько. — Ну, я пошел, дедушка.

— Дуй! У Элексана лошадка завсегда под руками.

«Я пошел...» — сказал Виталько. А сам пустился с места в карьер и на первых же метрах развил такую бешеную скорость, что если, скажем, врезался бы в

дерево, то, несомненно, разнес бы его в щепки, как артиллерийский снаряд. Петрован, ошеломленный такой великолепной резвостью, только руками развел: ему, деду, так уже никогда не бегать. Да!

Завидуя Витальку, старик пожевал губами и только после этого поспешил за болото, чтобы помочь Наган Наганычу вызволить оттуда тяжелый сундук.

СЧАСТЛИВОГО ПУТИ, АЛЕШКА!

В этот день на новом леспромхозовском грузовике в Перкояг прибыла первая партия рабочих. Вместе с ними прибыл и председатель колхоза. Он прошелся взад-вперед по деревушке, присматривался к пустующим домам, выбирал более подходящую избу под временное жилье для рабочих. А они, рабочие, пока сидели на берегу Шервы, дымили сигарками и беседовали о чем-то своем.

Милиционер Наган Наганыч, благополучно доставив тяжелый железный ящик в деревню, зашел в избу Петрована, пригласил в понятия бывшего разведчика Элексана, прибежавшего с поскотины дедушку и председателя колхоза.

— Итак, составим акт, подробную опись содержимого сундука, — сказал Наган Наганыч.

Алешка в это время готовился в город, собирал котомочку. А Сережка и Виталько уныло сидели у опрокинутой лодки. Друзей опять мучила жгучая обида: искали-искали сундук, сколь времени потеряли, а как нашли — подите прочь, даже и не показали, что в нем, в этом поповском ящике. От обиды комок в горлу подкатывал. Но реветь они все-таки не стали, не такие слюнтяи, чтобы из-за какого-то хлама нюни распускать. Ну его, этот сундук.

А тут неожиданно вышел на крыльцо дедушка Петрован, крикнул:

— Виталько! Сережка! Дуйте в избу, начальство просит. В сундуке-то, в сундуке-то...

Ребята не помнили даже, как оказались в избе.

— Ну, герои, подите сюда! — сказал важный Наган Наганыч. — Посмотрите-ка!

В сундуке, в одном отсеке, были небольшие бле-

стящие кругляшки. Ребята поняли: это золотые монеты. Было их видимо-невидимо, поди, не меньше миллиона штук. Вот это богатство так богатство! В другом отсеке была какая-то черная шкатулка. Открыл ее милиционер, прищурился: мол, смотрите, радуйтесь, дивитесь. И впрямь, было чему подивиться. В шкатулке оказались очень красивые блестящие цепочки, колечки, какие-то крестики... Всего не перечислишь.

— Цена этим сокровищам, наверное, тысячи тысяч рублей, — сказал дед Петрован, когда милиционер захлопнул крышку шкатулки.

Дядюшка Элексан, подумав, добавил:

— На это можно столько построить заводов, фабрик! И леспромхоз в нашем Перкояге построят.

Наконец леспромхозовский шофер по требованию милиционера подал машину к крыльцу Петрованова дома. Наган Наганыч вместе с рабочими бросил в кузов сундук, ловко поднялся сам и сел на золото.

— Где Алешка?! — нетерпеливо крикнул он.

Прибежал Алешка, засуетился. Его обступили перкоягцы, говорили напутственные слова. Бывший пастушонок сегодня весь сиял, его трудно было узнать: одет во все чистое, почти новое.

Оказывается, бабушка Аграфена подарила ему добротные холщовые штаны, домашним способом выкрашенные в синий цвет, красную пестрядинную рубаху и еще поясок-покрёмку. А дедушка Петрован важно преподнес довольно крепкие яловые сапоги.

— Вот, носи, Алешка, — сказал он, пряча довольную улыбку в усы. — Да учись там, в городе-то, не ленись. Парень ты честный. Если горячо возьмешься за учение — далеко пойдешь. Можешь, к примеру, стать крупным специалистом-мастером, а то и командиром. Генералом.

Наконец Алешка забрался в кузов, примостился рядом с Наган Наганычем. Машина, посигналив, лихо тронулась в путь. И пока она не скрылась за поворотом, Алешка все махал и махал рукой.

Счастливого пути тебе, Алешка!

Кукушкин рай

ТРУД — ВСЕМУ ГОЛОВА

Рай начинается сразу же за древней Веретя. Говорят, конца-краю ему нету, тянется вплоть до печорских волоков, а там — до самой тундры. Это лес, дремучий, кондовый. На обширных кварталах еще не успели побывать лесорубы, и тайга стоит непроходимая. Но веретинцы считают ее своей, родной и называют — Кукушкин рай.

Все жители Верети, и стар и млад, хорошо знают, что попасть в этот рай можно без особого труда. Перепрыгни за околицей речушку Веретю, ступи на тропку, змейкой ныряющую под кусты, — и через каких-нибудь полкилометра окажешься в странном коридоре: с обеих сторон навалены пни-раскоряки, набросаны колодины, валяются сучкастые пихты, всякая лесная гниль. Это осеки, кое-где прошитые тянущей к солнцу разлапистой молодью.

Мягкая, слегка пружинящая тропинка и приведет тебя примехонько в рай.

Осеки-изгороди, перейти которые невозможно ни зверю, ни скотине, тянутся, конечно же, не до тундры. У бойкого лесного ручейка Чукашор просека начинает расширяться. Один осек круто забирает влево, идет недолго вдоль ручейка, затем снова делает поворот налево и возвращается к Верете, огибая широкое поле, засеянное рожью. Второй осек уходит направо и тянется, похожий на крепостной вал, до деревни Ректан, расположившейся километрах в трех от Верети. Кроме этих осеков, в Кукушкином раю еще немало изгородей и тропинок-проселков. Полно там озер и бойких родников, укромных полянок, грибных и ягодных местечек, тучных пастбищ. Богата матушка парма лесным добром. И любой в Верете, кого держат ноги, стремится за Чукашор, каждого манит туда всякая всячина.

В обширном Кукушкином раю места вроде бы всем хватает...

Бывали неотложные дела в этом лесу и у розово-

щеккого паренька Макси Ошканова, прозванного дружками за разные веселые проделки Чомором, то есть бесом. Зимой на лыжах там бегал, зайчишек и горностаев гонял. Прошлым летом удачно рыбачил, ягоды и грибы собирал, по самым высоким деревьям лазил. В изобилии добывал он кедровые шишки на орехи, всесторонне изучал беличьи гнезда: достаточно ли мягко застелены, надежно ли хранятся припасы?

Нынче в начале лета Макся в торжественной обстановке получил свидетельство об окончании местной восьмилетки, в табеле по всем предметам значились одни четверки и пятерки — хоть ура кричи. Однако шуметь он, понятно, не стал, а справедливо заключил, что сейчас, после таких успехов, он имеет полное право на длительный активный отдых.

— Пойду на целое лето за Чукашор, — заявил он родителям. — Буду шастать по чащобам и берегам рек с фотоаппаратом, нащелкаю, глядишь, вдоволь веселых пичужек и шустрых зверюшек, фотоальбом будет всем на удивление.

Отец, терпеливо выслушав размечтавшегося сына, головой покачал:

— Целое лето по чащобам шастать? А работать когда? — он пожевал губами, со значением посмотрел Максе прямо в глаза, добавил: — Слыхал я от старых мудрых людей, что безделье — родная мать всех пороков, а труд облагораживает человека. Так-то вот. Труд — всему голова.

Макся заметно скис, засопел конопатым носом. Он ясно понял, что дорога в Кукушкин рай, да еще на целое лето, ему пока что заказана. Интересно, куда его метят родители? На заготовку кормов? На колхозный кирпичный завод?

Мать, изучавшая Максина документ об образовании, будто угадала его мысли. Она сказала:

— Председатель сельсовета Исай Сергеевич интересовался сегодня тобой. Видишь ли, какой-то большой начальник на временную работу требуется ему: то ли баянист для сельского клуба, то ли помощник киномеханика. А правду сказать — посильный. Куда он пошлет, туда и побежишь. Конечно, не задарма. Оклад, говорит, приличный. Глядишь, к осени богачом станешь.

— Работа в сельсовете интересная, всегда на людях, — снова заговорил отец с улыбкой. — В неделю разок сбегаешь в Ректан или, скажем, в Гундыр — и вся недолга. Бег на чистом воздухе — это разве не активный отдых?

— Приятное с полезным, — хохотнула мать.

Макся не удержался, тоже хохотнул, беззаботно махнул рукой: Кукушкин рай куда не денется, успею побывать и там. Что касается бега по деревням, то бегать Макся любил, на всех кроссах в школе всегда занимал призовые места. А денежки? Тоже приятное с полезным. До районного села, где средняя школа, больше пятнадцати километров. Пешком, что ли, летать в такую даль? Понятно, нужен будет личный транспорт. «Подзаработаю денежки, куплю себе хотя бы мопед!» — подумал Максим и опять махнул рукой:

— В сельсовет так в сельсовет!

Хорошо помня о том, что железо куют, пока оно горячо, заботливые родители не стали откладывать дело в долгий ящик, а повели своего послушного сына в сельсовет, не мешкая, ранним утром следующего дня. Председатель сельсовета Исай Сергеевич Вольлапин встретил всех троих приветливо, пригласил сесть. И для приличия, а также для первого знакомства с новым подчиненным, побеседовал с ним о текущих делах. Макся вел себя солидно, на вопросы отвечал толково, непринужденно. Он сказал, например, что их Веретинский сельсовет в районе спокон веку по всем показателям идет впереди, за что много раз награждался почетными грамотами, переходящими знаменами, премиями; а позавчера в честь их колхоза в районе был поднят флаг трудовой славы...

Председатель расплылся в довольной улыбке, крякнул:

— Правильно! А откуда тебе это известно?

— Так по телевизору же показывали!

Исай Сергеевич не стал больше тянуть время, хлопал паренька по плечу:

— Идет! Сразу видно, человек грамотный, начитанный. Кажется, не Макся со мной разговоры ведет, а сам ученый лектор из Москвы. Такой для сельсовета — сущий клад! Одно прошу учесть, Максим Максимыч. Начальник я строгий, два раза повторять свои

приказания не люблю. Сказал — и бегом марш! Видал, какие они, задачи-то?

— Само собой.

Максины родители остались безмерно довольны. Они поблагодарили «строгого» начальника и ушли на покос.

Проводив их до дверей, председатель распахнул окно и, наверное, минут пять, если не больше, прохаживался по комнате, дымя папиросой. Он заметно припадал на правую ногу, даже чуточку волочил ее, отчего грузная его фигура и крутые плечи неровно колыхались, левая лопатка ходила то вверх, то вниз: рупь-два, рупь-два... Макся улыбнулся. Он живо вспомнил печальную и в то же время забавную историю, приключившуюся с председателем сельсовета.

Прошлым летом, в разгар сенокоса, в Кукушкином раю, на глухой речушке Пуртымке, Исай Сергеевич ублажал себя рыбной ловлей. Как рассказывал позже сам, сидел он на чурке тихо да мирно, ни о чем худом не помышлял. Клев был знатный, окуньки и плотвички сходу бросались на крючок. За какие-то полчаса он надергал, наверное, килограммов пять. Да так увлекся, что ничего не слышит и, кроме поплавка, ничего не видит. Будто глухарь на току. Этим и воспользовался лесной бродяга: бесшумно подошел сзади, хлестанул чем-то тяжелым по хребтине! Исай Сергеевич, ясное дело, кувырком полетел в воду.

В одежде он был, в болотных сапогах, но выбрался все-таки на другой берег, кое-как очухался. Глядит, а там, где рыбачил, Топтыгин вовсю безобразничает: нахально уплетает его богатый улов за обе щеки, жмурится от удовольствия. Не понравилось такое рыбаку. Облюбовав на всякий случай разлапистую ель, он в ярости поднял увесистый камень, запустил им в разбойника. Зверь, кажется, опешил, удивился, а затем рассвирепел. Посмотрев на человека печально-укоризненно, он показал ему... кулак. Потом зарычал страшно и тут же схватил ту чурку, на которой рыбачил Исай Сергеевич, да с огромной силой метнул ее через реку. Со свистом пролетела чурка, кувыряясь в воздухе. Но мимо. А то бы...

Впрочем, Исай Сергеевич, как выяснилось, и так пострадал изрядно. Когда, плюнув с досады в сторону медведя, продолжавшего уничтожать улов, он заша-

гал домой, то захромал. Оказывается, повредил правое колено, да так сильно — ступить мочи нет. Падая в реку, видимо, задел ногою о топляк.

Вот такие дела случаются в Кукушкином раю.

...Накурившись, Исай Сергеевич тяжело сел на свое место, вяло, как бы через силу, подмигнул Максе, сказал добродушно:

— Ну, вот так, дорогой Максим Максимыч. По части работы все ясно. С сего числа ты штатный сотрудник нашего учреждения. Стало быть, приступим к делу. Дошли до меня слухи, будто ты, Максим Максимыч, фотограф шибко дошлый?

«Мать честная! — удивился Макся. — Исаю Сергеевичу, видно, позарез нужен фотограф». Он воспрянул духом, заерзал на стуле, всем своим видом дал понять, что он готов хоть сейчас выполнить любое поручение. Кто-кто, а Макся заткнет за пояс всех местных фотографов.

— Добро! — заключил Исай Сергеевич. — Хорошо! Вот послушай-ко. Вчера на исполкоме сельсовета мы подводили итоги работы за полгода. И выяснилось, что некоторые наши передовики, чьи портреты вывешаны на доске Почета, несколько сдали свои позиции, вперед вышли новые работники. Вот этих-то новых — их трое — надо немедленно сфотографировать. Портреты тех, кто поотстал, решено снять...

— Понял. Все ясно. Кого решили сфотографировать?

Приятно все-таки, когда люди понимают друг друга с полуслова. Ни тебе крика-ругани, ни уговоров и увещаний. Одни трогательные улыбки, веселые взгляды. Хорошо!

Исай Сергеевич порылся в столе, нашел нужную бумажку и передал Максе. На листке значились новые передовики: гуртоправ Иннокентий Мокеевич Кольчурин, доярка Матрена Павловна Митюкова, тракторист Вениамин Васильевич Ракин.

ПРИЯТНОЕ С ПОЛЕЗНЫМ

Максе повезло: передовой гуртоправ дедушка Иннокентий Кольчурин в эти дни готовил очередной гурт для сдачи государству на отгонном пастбище Пуртымка, как раз в тех местах, где в прошлом году Исай

Сергеевич Вольлапин стравил свой богатый улов вероломному лесному бродяге. «Встретится этот грабитель — сфотографирую», — решил Макся. Надо сказать, повезло пареньку не как-нибудь, а сильно, даже очень сильно: шагал он на Пуртымку не один, а вместе с лесником из Ректана Кузьмой Кузьмичом. И лесника погнало в те края какое-то дело. Вел он Максю на пастбище прямоком по чащобам и вырубкам, по редким еланям-перелогам, сплошь покрытым таежными душистыми цветами и пышной муравой.

Кузьма Кузьмич в Веретинском сельсовете человек заметный, значительный. «Кайский облом» величают его за глаза. Он коренаст, грузен. Лицо с отвисшими бурями щеками и мясистым большим носом, похожим на нестандартный огурец-желтяк, украшено черными усами. На лбу, у самой переносицы, красуется внушительных размеров сизая бородавка. Надо полагать, эта бородавка еще подрастет, получит, так сказать, дальнейшее развитие, и тогда — пхе-ха! — у лесника будет собственный замечательный рог, мощный, ветвистый, почище, чем у лося. Пока же, без рога, лицо его интересным не назовешь. А стáтью лесник хоть куда. В крепких яловых сапогах с подковками, в грубой брезентовой куртке, подпоясанной широким ремнем, вооруженный большим охотничьим ножом в кожаном чехле, Кузьма Кузьмич смахивает на таежного волка, удалого богатыря. И несет от него чем-то резким, скипидарным. Человек насквозь пропах едкой сосновой смолой и болотным багульником.

С самой ранней весны вплоть до седой зимы-матушки Кузьма Кузьмич, как он сам выражается, лешачит в лесу. Видно, потому и огрубел. Но — вольный казак! Ходи себе да похаживай по Кукушкиному раю, наслаждайся природой. Ничего не скажешь, хорошо устроился мужик. И держится на людях важно, независимо.

Макся был несказанно горд, что лесник взял его с собой, и на свою судьбу пока что не сетовал. Он мимоходом удачно сфотографировал глухаря-бородача, полосатого бурундука, белку-летягу. А непуганых кукушку, дрозда и работягу дятла нащелкал вволюшку, и спереди и сзади. Очень хотелось сфотографировать и того медведя-проказника, но хитрюга прошел на этот раз стороной, не пожелал встречи.

— Не огорчайся, паря, — успокоил его лесник. — Ненормальный он какой-то, этот ведмедь. Озорник, видимо, тот еще. Ну его к ляду, окаянного.

Макся, шагая с лесником рядышком, умело поддерживал разговор.

— С неделю назад прибежал с пастбища пастух Миколь Сеня, — сообщил он. — За хлебом прибежал и в баньке заодно попарился. Так разбередил душу! Говорит, прошлогодние зверюги-гости, дикие кабаны, слышь, опять-де за Чукашор пожаловали. Правда, правда! Целая семья-де. Пастух видел их издаля... Откуда они приходят, зачем?

Лесник терпеливо выслушал Максю. Сообщение о кабанах его, кажется, не взволновало. Даже глазом не моргнул. Он только и сказал:

— Звери живут по своим законам. Зачем они забрели к нам, сказать невозможно. А откуда притопали? Я думаю, из удмуртских или вятских краев. Там кабаны, слышно, водятся с давних времен. В наши леса они и раньше забредали. В прошлом году, как помнишь, в местной газете писали, будто в гайнских лесах целая семья жила. Несколько кабанов даже зимовало там. Поехали, рассказывают, колхозники за сеном. Подъезжают на тракторе к стогу, а из него, из стога-то, навстречу кабаны вылетают. Дивно дело. Ведь так? В позапрошлом году, — продолжал лесник, — в Ошибском лесничестве их тоже видели. И не только видели. Нашлись подлецы-браконьеры, которые позарились на даровое мясо. Конечно, их примерно наказали, да изъяну не исправить: убежали из Ошиба кабаны, не полюбили те леса. И выходит, дикого кабана, как новый животный вид в парме, надо всемерно оберегать, не бить его почем зря.

— Оберегать надо, — согласился Макся. — Дикий кабан! Интересно, как они в лесу зимуют? Ведь холодно!

— Кабану-то холодно! Хе-хе! Да ты, паря, ничего про них не знаешь. Кабан, брат, такой зверюга, что любой мороз ему нипочем. Под кожей у него слой сала толщиной в два вершка.

Желая продолжить эту содержательную беседу, паренек спросил как бы между прочим:

— Опасный, поди, этот кабанище?

— Опасный, конечно. Однако кто знает его, тому

он не очень опасен. Был со мною зимой случай. Встал я на лыжи, бегу за Чукашор, к Бабкиному омуту, налимов подергать. Прибегаю, а тут — рогатый меня забодает! — кабаньи следы... Секач зимует! Пригляделся я — точно он! Выбрал место у переката, барахтается в грязи. Ну, не стал я его беспокоить, повернул оглобли, и назад. А он услышал скрип лыж, зафыркал, повернул голову в мою сторону. «Беда, — думаю, — сейчас в погоню бросится!» И бросился ведь! Ну, я знал его натуру. Бегу на лыжах во весь дух, лечу по болоту... Кабан за мной летит, похрюкивает. Вот-вот догонит. Хоть он и без лыж, а бегает — куда ты, ого!..

— Не догнал? — перестав дышать, спросил Макся.

— Догнал бы. Обязательно догнал бы. Но я перед самым его рылом резко бросился в сторону. Кабан, точно артиллерийский снаряд, пролетел мимо. Хрюк-хрюк!

— Мимо?!

— Ага. Кабан — зверь тяжелый, быстро маневрировать не может. Если уж разбежался, то летит, как торпеда, по прямой. Метров пятьдесят или, может, все сто чесанул, никак не мог остановиться. А когда остановился, я уж далеко был!

— Ловко! — воскликнул Макся. — Вот бы сфотографировать хоть одного!

Лесник с интересом посмотрел на него, задумчиво пошевелил усами.

— Всему свое время, паря. Всему свое время.

К полудню они вышли на болотистую пойму Пуртымки, поросшую буйным разнотравьем, поговорили еще о том о сем и разошлись. Кузьма Кузьмич отправился дальше, в верховья, где намеревался, как он выразился, «изучить кедрячи на предмет урожайности: много ли там нынче белки, достаточно ли шишек на деревьях?..» А Макся по еле заметной тропинке заспешил на пастбище — недалеко брэнчали ботала, изредка мычали телята.

Гуртоправа Кольчурина он сфотографировал верхом на гнедой лошади. Дедушка сидел статный, смотрел на мир весело и озорно, махал в воздухе хлыстом, точно боевой саблей. Не гуртоправ получился, а лихой воин. Хороший будет снимок, просто отличный.

...Усталый, но умиротворенный, Макся вернулся домой, снял с себя походную амуницию и налегке тотчас, даже не отдохнув, отправился на ферму, которая стояла недалеко от взгорья за околицей. Здесь быстро отыскал доярку Матрену Митюкову, известную всем как тетя Мотя, сфотографировал ее с двумя полными ведрами молока в руках. Была доярка серьезная и важная, усталая после дойки. Настраивая фотоаппарат, Макся показал ей палец, велел улыбаться. Тетя Мотя глянула удивленно, возразила:

— Работа у нас не смешная. Чему улыбаться-то?

— Надо, тетя Мотя, надо. Для разнообразия.

— Да не умею я улыбаться. Не артистка ведь.

— Ты представь себе, тетя Мотя, что в данный исторический момент тебе очень весело и радостно. Ты представь, будто наградили тебя орденом. Вот вручают тебе высокую награду, ты стоишь на сцене. И что делаешь? Улыбаешься, радуешься!

— Ну, Макся! Ну, дьяволенок! Да за что это мне орден-то? Придумает же такое... Ха-ха-ха!

Тут уж Макся не растерялся, моментально щелкнул затвором — чак!

А позднее, когда карточки были готовы, он отнес одну доярке на память. Глянула тетя Мотя на свой портрет, руками всплеснула:

— Лешачий лоб! Макся, что ты наделал? Гли, рот-то, рот мой! Сто разов шире хомута. Ха-ха-ха! И никто не разберет, где ворота, а где рот... А зубы-то... чисто лошадиные!

— Хорошие у тебя зубы, тетя Мотя. Белые, ровные, крепкие, — сказал Макся дипломатично. — Ученые пишут, будто главное в жизни человека — это зубы.

— Так прямо и пишут? — ахнула доярка.

По всему было видно, работой Макси она осталась очень довольна. Макся сиял.

Желая быстрее справиться с заданием, на другое утро вприпрыжку отправился в Ректан, где проживал передовой тракторист Вениамин Васильевич Ракин.

Между нами говоря, это был никакой не Вениамин Васильевич, а просто-напросто Венька Ракин, угловатый человек лет восемнадцати, зимой и летом щеголявший в модной курточке, из которой давно вырос. Трудился он в колхозе после восьмилетки уже третий

год и, как видите, успел прославиться: частенько получал премии, на собраниях его отмечали за трудолюбие и старательность, за хорошее отношение к технике. И вот, пожалуйста: решили в сельсовете вывесить его портрет на доску Почета.

Макся сфотографировал Веньку Ракина с особой тщательностью: свой брат, пусть красуется на доске Почета, пусть смотрят на него люди и завидуют. Родило тракториста с Максей еще и то, что Венька после восьмилетки тоже работал в сельсовете и тоже был «то ли баянистом в клубе, то ли помощником кино-механика».

— Ну, как они, делишки-то? — спросил передовик Максю с заметным интересом. — Сработался с председателем? Хо-хо... Хотя оно и того, первые денечки трудисься. А я, брат, два месяца выдюжил. И только после этого деру...

— Удрал?

— Подался, как видишь, в трактористы.

Венька Ракин криво улыбнулся, головой потряс. На вопрос, что ему так не понравилось в сельсовете, он хмыкнул неопределенно:

— Не там я искал место в жизни. Председатель, он, конечно, покладистый, зря гонять нашего брата по деревням с разными бумажками не любит, только в исключительных случаях, но...

Стоп, Венька Ракин! В исключительных случаях, говоришь? Разве бывают таковые в Веретинском сельсовете?

И на этот вопрос Венька головой потряс, сообщил, что случаются таковые иногда, хотя и крайне редко. В позапрошлом году, к примеру, только два случая было. Но запомнились надолго, прочно. Первый памятный исключительный случай произошел в деревушке Гундыр. Какой-то обормот среди бела дня снял там с дверей хозяйственного ларька висячий замок. Ни единого ржавого шпингалета, ни единого гвоздя он не украл, из кассы ни единой копейки не взял, а замок унес. Видно, очень понравился, ведь был замок-то старинный, еще купеческий, какой-то винтовой. Веньке пришлось сбегать в село Пеливож, что километрах в пятнадцати от Верети, найти участкового милиционера, который один обслуживал два сельсовета, поднять на ноги актив — дружинников... С не-

делю искали вора, а заодно и замок, заглянули во все хутора и деревеньки — и, конечно, впустую. Преступление так и осталось нераскрытым. А недели через две новое дело. На этот раз происшествие случилось в самой Верете. Видимо, все тот же озорник зачем-то с мясом сорвал со стены сельсовета почтовый ящик... Более сорока лет, рассказывают, висел он на виду у всех, никому не мешал — и вот нá тебе.

— Опять я слетал к милиционеру, — рассказывал Венька, — опять искали балбеса во всех углах и опять таки все впустую.

— Из-за этих случаев и удрал из сельсовета? — спросил Макся.

— Да нет, что ты! — замылся Венька. — Тут, знаешь ли, другая причина. Понимаешь, не бумажки моя стихия, а техника.

— Понятно, — сказал Макся. А сам подумал: значит, и в их тихом Веретинском сельсовете бывают всякие происшествия... Не интересовался раньше ими, другие заботы донимали. А сейчас... Не худо было бы, право, не худо, если для разнообразия грянуло бы что-нибудь такое. Кто-кто, а он, бойкий Чомор, глядишь, и показал бы себя.

Не знал Макся, что сногшибательный исключительный случай был у него уже на носу, можно сказать, на самом кончике. А пока...

А пока, после того как портреты передовиков заняли свои законные места на доске Почета, он по заданию Исая Сергеевича на аккуратно выструганных, выкрашенных в красный цвет дощечках писал краткие призывы к населению обеспечить общественному скоту сытую зимовку, напоминал всем о том, что молоко у коровы на языке. И так далее. Эти дощечки он прибивал на столбах, на стенах домов. Кроме этого, Макся выпускал и так называемые «молнии», бюллетени о ходе работ в сельсовете. За этими делами незаметно прошла неделя, а затем и другая. Жилось неплохо. Исай Сергеевич и впрямь оказался человеком покладистым, лишней раз Максю по деревням не гонял, а при случае уверенно пользовался телефоном. После изнурительных выпускных экзаменов за эти недели паренек хорошо отдохнул, в прохладном чулане между делами успел прочитать до десятка книг про шпионов и сыщиков и, сам того

не замечая, заметно раздался вширь, раздобрел. Одно беспокоило Максю: с некоторых пор стал замечать, что к нему настойчиво и неотразимо подступает какая-то непонятная чертовщина. Куда-то тянуло его, что-то звало на вольную волю, в сердце — щемящая грусть.

Особенно плохо стало, когда начался массовый сенокос и всех сельских служащих стали посылать вместе с колхозниками на луга. Придет, бывало, в сельсовет, а тут ни единой живой души, хоть ревмя реви от тоски-досады. Паренек однажды даже пожалел, что так долго не кончатся каникулы, так долго не наступает зима. Эх, быстрее, быстрее бы пожаловала она, матушка-проказница!

Ему живо вспомнились зимние веселые картинки, сердце так и затрепетало! Хо-хо! Запряжет, бывало, в санки цугом дюжину местных бродячих собак, сам этаким барином завалится в санную плетеночку и — э-э-эгей, милые, не подкачайте, залетные! И летят себе «залетные» во весь собачий дух, прут прямо по снежной целине — душа не нарадуется. А то еще на коньках катался. Привяжет к ошейнику породистого волкодава веревочку, возьмется за другой конец ее сам и опять — веселись душа! Волкодав сильный, летит по звонкому веретинскому льду, как ветер. А ноги — мельк, мельк, мельк! — кажется, будто не четыре их, а по крайней мере штук десять. Пес гремит от удовольствия дьявольским басом, а Макся улыбается. Хорошо было зимой!

Собаки, конечно, и сейчас никуда не подевались, да что толку. В бричку-пароконку или, скажем, в тракторную тележку их не запряжешь, а специальный летний собачий экипаж, видимо, пока что не изобрели.

Что же делать-то? Что предпринять?

Не успел паренек ответить на этот вопрос, как новое дело. Он вдруг заметил, что к нему вместе со скукой незаметно подкрался самый ярый враг человеческого рода — это сама лень-матушка. Макся как-то раз даже поразился: до того дошел, что забыл ополоснуть утром лицо свое холодной водой. Мать честная! Да этак недолго и в свинью превратиться... Стать неисправимым тунеядцем! Вот тебе и труд — всему голова...

А что делать?

Но не такой он был человек, чтобы сразу нюни распускать. Он сказал самому себе: надо что-то придумать, не зря же тебя в самом деле прозывают Чомором... Пхе!

И придумал.

Бегать надо! Гнать надо тоску-кручину ко всем чертям. Ну ее!

Он не стал терять время даром, тотчас вышел за калитку, пустился с места в карьер. Маршрут кросса выработался сам по себе: к машинному двору, а после, обогнув ремонтные мастерские, бежать к правлению колхоза и, наконец, обратно к сельсовету. Хорошая трасса, пересеченная. Один круг сделаешь — километр с гаком будет.

Бежал Макся не как-нибудь, не рысью и не трусцой, а так, что рубаха пузырем, в ушах ветер. Первый круг, второй, третий, десятый... хорошо! Приятное с полезным.

Сейчас уже не пропадет.

ДОВЕРИТЕЛЬНЫЙ РАЗГОВОР

Это было вчера. А сегодня, когда Макся прибыл на службу, сразу заметил, что Исай Сергеевич куда-то собрался: был в стареньком плаще, в рыжих сапогах.

— На покос, никак, Исай Сергеевич! За болото куда-то?

— Нет, Максим Максимыч, не на покос. Задумал я, видишь, сходить на отгонное пастбище. Ты давай-ко, дружок, вот что: сиди у телефона, никуда не отлучайся. В сельсовете ни души, все на заготовке кормов. Вот ты и будешь за главного. Кто меня спросит, так и скажи: мол, ушел председатель к пастухам. Ясно?

— Куда как ясно!

Исай Сергеевич запер ящик стола на ключ и вышел, тяжело ступая сапожищами.

Едва его широкая спина скрылась за дверью, Макся, важно усевшись в глубокое кресло, поздравил себя с добрым утром. После этого он прищурил левый глаз и от полноты чувств заулыбался: радуйся, остался за хозяина сельсовета!

А хозяину что позволено? Чего душа захочет!

Можешь ты, скажем, сию же минуту завалиться в чулане на топчан и начать без всяких там предисловий деловую беседу с уважаемым господином Храповицким; можешь ты, никого не спрося, сбегать на речку, принять водные процедуры — «чтобы тело и душа были молоды». А после этого — бегать, бегать. Бегать до тех пор, пока за спиной не вырастут крылья.

Хорошо быть начальником!

Однако, прямо скажем, не все мечты реальны, далеко не все сбываются сразу. Только подумал о прелестной начальнической жизни, как заявился лесник Кузьма Кузьмич. Ввалился он без стука в кабинет, почему-то сильно нахмурился, когда в председательском кресле увидел Максю.

— Один, что ли?

— Один, дядя Кузьмич.

— А где же сам?

Макся ответил в двух словах. Кузьма Кузьмич опять нахмурился, но ничего не сказал. Максе подумалось, что лесник несолоно хлебавши сейчас же покинет сельсовет, и он, «хозяин», может без задержки заняться чем угодно. А лесник уходить не собирался. Он шлепнулся на стул у окна, не спеша стал нашаривать в кармане кисет с махоркой. Максе пришлось примириться с судьбой. Пусть сидит, вдвоем веселее времечко коротать.

Сворачивая козью ножку толщиной с оглоблю, «лесной волк» спросил:

— Давно ушел председатель?

— Только-только, дяденька Кузьмич.

— На которое пастбище? За Чукашор? В Пуртым?

— Этого не говорил.

Кузьма Кузьмич заходил в последнее время частенько, чуть ли не каждый день. Вчера был, позавчера, помнится, тоже сидел тут, у окна, говорили с председателем о всякой всячине. Больше, конечно, о жизни дремучего леса, о зверях и дичи. Лесник часами мог рассказывать о проделках волков, лисиц, росомах. Хорошо, если и сейчас расскажет какую-нибудь лесную историю, Макся с удовольствием послушает.

Но лесник прикурил сигарку, тяжелым испытующим взглядом смерил паренька:

— Рассказывают, будто вчера в вашей шумной Верете опять ружейная пальба была. Кто это, интересно, так забавляется? Опять небось сам Исай Сергеевич? В кого он стрелял?

Ах, вот что привело лесника в такую рань! Вчерашняя стрельба разволновала... Было такое дело, было. Макся ухмыльнулся, ответил весело:

— Последнего петушка прикончил. А потом с его разрешения, дяденка, и я разок бабахнул из замечательной двустволки. В дверь старой бани. С пятидесяти шагов ударил в пято и не промазал. Отменно бьет председательское ружье.

— Доиграетесь вы, два озорника, — задумчиво сказал лесник. — Исай Сергеевич, помнится, слово давал не стрелять больше. А вот поди ж ты! Будто совсем непонятливый. Нет, кто заразился ружьем, того не вылечить.

Макся возражать не стал. Водились за Исаем Сергеевичем делишки. Кто бы ни приехал в деревню, веретинцы каждому, смеясь, рассказывали, как председатель сельсовета вдруг стал отчаянным стрелком. Макся, нечего греха таить, тоже кое-кому рассказывал.

...После той памятной рыбалки Исай Сергеевич месяца два ходил, опираясь на костыль, всяческими снадобьями «чинил» колено. И сразу же, как полегчало, решил расчитаться со зверем, при случае загнать ему в лоб пулю-жакан. Он съездил в райцентр, при помощи знакомого охотника выбрал в магазине самую лучшую двустволку и, желая проверить ее, по дороге домой пальнул в ворону, сидевшую на телеграфном столбе. И так это заманчиво получилось: птица камнем кувыркнулась на землю!

Ворона оказалась, между прочим, не простой, а волшебной, что ли. Не давала она Исаю Сергеевичу ни сна, ни покою. Чем бы ни занимался теперь председатель сельсовета, а перед глазами — черная птица, камнем падающая со столба. Скоро Исай Сергеевич дошел до того, что заснуть не мог, пока не подстрелит какую ни на есть пичужку. Охотничьего опыта у него, конечно, не было, добывать глухарей и тетеревов не мог, но зазевавшихся ворон, галок, надоев-

ших своим чириканьем воробьев настрелял порядочно. Натешил свою душу до того, что лесник Кузьма Кузьмич прибыл однажды в сельсовет к новоявленному охотнику и принародно заявил:

— Хоть ты и председатель, а можем и наказать, если не уймешься. Разве можно невинных пичужек истреблять? Иду вчерась по Акулькиной тропинке, а на ней малиновка валяется. Зачем ты ее погубил? Добро бы — волка.

Грубоватым человеком слыл Исай Сергеевич, характерным и мог бы запросто утихомирить лесника, сказать ему, чтобы не совал свой длинный нос куда не следует. Но тут покраснел, как мальчишка, которого вывели за ухо из чужого огорода, буркнул:

— Не трону больше ни одной твари. А медведя, того дурака, так и знай, проучу. Будет знать, как у людей ноги корежить и улов отбирать. У-у, разбойная душа, таких рыбин слопал!

После этого будто заболел. Сидеть спокойно не мог за своим председательским столом, постоянно думал, куда подеваться с ружьем. Придет домой — тоже не легче: двустволка — вот она, висит над кроватью, так и просится в руки. Сядет председатель на табурет, упрется взглядом в ружье и сидит, точно замороженный, минут двадцать-тридцать, никак оторваться не может. Ясно, не только ворона, но и двустволка тоже волшебной оказалась.

Однажды вечером Исай Сергеевич спросил у жены:

— Ты, Марья, опять окрошку готовишь? Снова один квасок?

— Да чего это ты, Исаюшко? — отозвалась жена своей обычной скороговоркой. — Кто же летом окрошку не ест? Огурцы свежие, всякая зелень. А я еще редьки натру...

— Редьки, — пробурчал Исай Сергеевич. — А почему бы мясца не накрошить?

Жена только руками всплеснула:

— Твоих ворон, что ли?

— А цыплята весной вывелись? Вывелись. Половина-то петушки? Точно. Ну, так одному головешку можно и свернуть...

Исай Сергеевич энергично махнул рукой, устремился к ружью:

— Марья, сейчас мясо будет!

Через минуту он, размахивая руками, уже гонялся за цыплятами, стараясь отогнать их подальше за угол дома. А когда один петушок отделился от своих собратьев, Исай Сергеевич, почти не целясь, выстрелил. В вечернем воздухе закружились перья.

С этого и началось. Что ни вечер, у дома Исаея Сергеевича раздается ружейный выстрел. Жена его только хлопала себя по пухлым бокам да взывала:

— Люди добрые!..

Соседи пожимали плечами: Исай Сергеевич — председатель сельсовета, начальство, упрекнуть его, мол, увлекся ружьишкой, вроде бы неловко, сам должен понимать.

...Изредка поглядывая в окно, Кузьма Кузьмич с наслаждением сосал «козью ножку», наполнил кабинет вонючим махорочным дымом. Чтобы не задохнуться, Макся встал из-за стола, распахнул окно. Тяжелый синий дым заструился на улицу, и если бы в эту пору мимо сельсовета шагал человек, он наверняка подумал бы, что в кабинете председателя какой-то злодей разводит костер. Но на улице было пустынно. Ни единого веретинца.

— Последнего петушка, говоришь, порешил вчера? — снисходительно улыбнулся лесник. — Это к лучшему. Сейчас, думаю, успокоится неугомонный стрелок, утихомирится...

— Утихомирится, поди. Ведь жена отобрать хочет ружье и выбросить в бочажину, — сообщил Макся, сладко зевнув.

Кузьмич бросил окурок в печь, поправил на голове кожаный картуз. Видя, что он собирается уходить, Макся тяжело вздохнул, занял:

— Тоска лютая! Прямо хоть ори. Ох! Не повезло мне нынче, сильно не повезло. Да! Привязали, вишь, к телефону — нельзя и на минуту отлучиться. А как хочется, дяденька Кузьмич, уж так хочется в лес! Медведя сфотографировать бы, кабана... Может, сходим в Кукушкин рай, на Пуртымку?

Лесник ответил не сразу. Он выглянул на улицу, вроде бы прислушался, вынул кисет и стал завертывать новую «оглоблю». Когда прикурил и затянулся как следует, заговорил тихо:

— Любишь тайгу? Ладно, ладно... Сам вижу — любишь. А если любишь тайгу — значит, ты добрый

молодец. Значит, на тебя можно во всем положиться. Ведь так? Вот! И быть тебе, паря, моим помощником. Скоро организуем большое дело. Уже и в лесничество бумагу я написал. Если разрешат, — а я думаю, обязательно разрешат, — организуем дело. Назначу тебя командиром. Большим отрядом командовать будешь. Вот! И будем бродить по лесу. Даже ночевать там будем.

Макся был ошеломлен. Он несколько минут не мог выговорить ни слова, даже рот раскрыть не мог. Наконец спросил:

— Что мы делать будем, дядя Кузьмич? Ну!

— А это пока секрет. Пока секрет! — хитро улыбнулся лесник. — И вот что, паря. Держи пока язык за зубами, не болтай много-то. Знаешь, что старые люди толкуют? «Захотел о чем-нибудь о тайном поговорить — иди во чисто поле. А в лес не ходи. Уши у леса длинные». Вот так-то. Не надо много болтать. Особенно в парме...

Макся маленько пристыл, пообмяк. Он только и сказал:

— Хорошо по тайге бродить, интересно. Гришка, мой дружок, который сейчас отцу Миколь Сене помогает скот за Чукашором пасти, рассказывает: беда-де весело живется. Там, слышь, с утра до ночи малиновки, дрозды, зяблики поют. Ронжи между деревьями порхают, журавли на болоте кричат, кукушки без умолку года считают. А по ночам филины ухают, совы стонут — фубу, фубу... И этих самых, кабанов-то, дяденька, Гришка тоже видел. Говорит...

Лесник сильно нахмурился, исподлобья бросил на Максю обжигающий взгляд, оборвал на ходу:

— Балбес он, твой Гришка. Лупить его некому. Разве можно о диких кабанах на всю округу базланивать? А вдруг и у нас, как в Ошибе, браконьер объявится, тоже позарится на даровое мяско? И перестреляет он всех свиней, даже сосунка не пожалеет. И останется парма без нового животного вида. Эх!

Проговорив все это, лесник заторопился, наконец, к дверям:

— Время не ждет, на работу пора. Жаль, не застал Исаю Сергеевича, жаль. Дельце было. Небольшое, да важное. О дне своего рождения он ничего не толковал? Юбилей ведь на днях у него...

— Нет. А что?

— Как что? Добрые люди ко дню рождения готовятся загодя. Товарищам, общественным организациям и высокому начальству сообщения делают: мол, так и так, юбилей у меня тогда-то и тогда-то... Приглашаю в гости и тому подобное. А начальство понятие имеет: раз Исай Сергеевич намекает на свой юбилей, значит, того-этого... Подарочек подготовить требуется. Хе-хе...

Усмехнувшись, он потоптался у дверей, крикнул. И сразу сильно нахмурился. И снова стал таким, каким заявился в сельсовет: глаза холодные, колючие, ухмылка на губах какая-то кривая, вроде бы брезгливая. Нос покраснел сильнее обычного, стал похож на картофелину сорта «красная роза». Обращаясь к Максе, лесник наказал строго:

— Передай Гришке, чтоб рот не разевал больше. Да и сам о кабанах позабудь, не трезвонь, где надо и не надо. Тоже ведь ботало — ни дать, ни взять. Эх, вы!

И вышел. Макся глянул в окно. Кузьма Кузьмич шел к калитке, гремя по тротуарам подковами. Ступал уверенно, твердо. Не лесник, а сам таежный волк. Попадись такому браконьер на узенькой тропиночке — небо с овчинку покажется.

Интересно, что он такое затеял, какое большое дело? Командиром назначу, говорит, отрядом командовать будешь. Зачем-то про председательский день рождения упомянул... Подарочек тоже готовит, что ли? Вот преподнесет он от имени лесничества что-нибудь этакое — ахнешь! Лесничество в районе большое, предприятие богатящее...

Все-таки какой такой отряд имел в виду? Собирать еловые и сосновые шишки для семян? Ректановские ребята, помнится, хвастались, что в лесничестве прошлым летом больше месяца собирали такие шишки, немало ценных семян добыли. Ухаживали они и за лесами, убрали ненужный хлам.

Может быть, специальную команду по борьбе с браконьерами да пожарами задумал создать? Это было бы здорово! Гуляй себе целое лето по лесам да болотам! Ого! Если разрешат в лесничестве организовать такой отряд, то он, лихой Чомор, покажет, наконец, себя.

В это время на улице просигналила автомашина, спугнув кур, остановилась на той стороне дороги, у магазина. В кузове поблескивали фляги: шофер вез молоко утренней дойки в село, на маслозавод. У магазина тотчас появилась продавщица тетка Марфа, родная сестра Исяя Сергеевича. Молодая и сильная, она набросала в кузов пустые ящики, мешки, забралась в кабину. И машина запыхала в село.

Поскреб Макся в затылке, отправился в чулан.

— Ну, привет тебе, господин Храповицкий! Как дела? — Он лег на топчан, руки, скрестив, положил на пузо. — Солдат спит, а служба идет.

ГУЛКИЙ ВЫСТРЕЛ

Хорошо устроился Макся, любой позавидует. Оставим его тут, в прохладе, а сами напрямик перемахнем в Кукушкин рай, за речушку Чукашор. Места здесь очень красивые и жизнь настоящая: на все лады бренчат ботала на бычьих шеях, переливаются колокольчики-боргунчики и слышится неутомимый песий лай. Как не надоест Шарик у тавкать круглые сутки? Ночью он боится медведей и, делая вид, будто охраняет стадо, полаивает осипшим баском, жметя к скотине. Днем Шарик радуется солнцу, своему белобрысому хозяину Гришке и опять же тавкает, протяжно скулит, путаясь под ногами. Пес, а хорошо понимает: кормят его за усердие.

Сразу же за речкой, на поляне, поросшей мелколесьем, стоит избушка. Сейчас в ней топится печь, и Гришка варит похлебку, кашу и жарит на сковородке грибы. Вкусный запах вьется над печкой, и пареньку до смерти хочется есть. Но рано. Отец его, Миколь Сеня, ушел с топором огородить новую поляну под загон. Тюк да тюк, тюк да тюк — доносится от небольшого ручейка. Сеня валит худосочные осинки, кладет их на пни и коряги. Глянешь — и сразу догадаешься: осек выходит.

Миколь Сеня — человек небольшого роста, слабого здоровья. Лицо — двумя пальцами прикроешь! — затянуто мелкой сеткой морщин. На таком лице борода почему-то не растет. Одна волосинка на одной щеке торчит, другая — на другой, небольшой клочок вьется на подбородке — вот и вся красота. Что делает при-

влекательным это лицо, так разве глаза: большие, добрые, голубые. В них, как в зеркале, отражается душа Сени — мягкая, кроткая.

Рассказывают, однажды, еще в молодости, Миколь Сеня белковал в Кукушкином раю и, переходя речку Чукашор, нечаянно угодил в полынью. Еле выбрался на берег и, конечно же, простыл до последней жилки. Около полугода провалялся в больницах. И не стало для него светлых дней. Он частенько болеет, сделался тихий, в защиту самого себя слова не вымолвит. Иной накуролесит, набедокурит — в самый раз хоть за решетку! — а глянь, сухим из воды выйдет. Миколь же Сене, как говорят у нас, всюду клин да палка, все шишки на него валяются, как на того бедного Макара. Прошлым летом Сеня зашиб хворостиной зазевавшегося раненого рябчика. Кажется, ну что тут такого? Подбил — так зажарь и съешь. Кто тебя в этом раю поймает. Так нет же — Сеня и тут влип. Лесник Кузьма Кузьмич накрыл с поличным, оштрафовал да еще и птицу отобрал. Слышно, намеревался конфисковать ружье, но сжалился под конец...

— Да что же это такое? Да какая же это жизнь? — вопила супруга Сени Парася, женщина шумливая и норовистая. — Да не из ружья же ты тваря убил, а палкой... палкой, говорю!

— Уймись, Парася. Горлопан он, лесник-от, на лешака пошибает, что с ним спорить, — только и сказал Сеня в ответ.

Таких людей в деревне озорники награждают обидными прозвищами. Тяжело им живется! А Сене вдвойне туго: семейка большая, мал мала меньше — трое девчонок, двое мальцов, да один только Гришка и работник, окончил нынче с Максей восьмой класс и вот помогает отцу.

Однако Сеня не унывает, дети ему не в тягость. — Ничего, Парася, — частенько толкует супруге. — Дети, они подрастут... Тожно хорошо заживем.

Отец и сын денег зарабатывают немало, да как-то все так выходит, что ничего у них нет: то добрый Сеня угостит на празднике любителей проехаться за чужой счет, то жена вдруг захочет в петров день гостей удивить. Глянь — опять одежонка на Сене только та и поприглядней, что получена от правления колхоза: брезентовый плащ да резиновые сапоги —

гуртоправская спецовка. Впрочем, в сапогах Сеня ходит редко, только в дождливую пору. Для него, мало-мощного, они слишком тяжелы. Бегать по лесу в ичихах-броднях, в бахилах, сработанных из выделанной лосиной шкуры, — куда как сподручней.

— Вот! — говорит иногда Сеня Гришке. — Вот так этак, будичи. Заготовим побольше дубильного корья, в село увезем. Деньга будет. На книжку положим. Люди же кладут.

Ивовое корье в селе действительно принимают, дают за кило двугривенный, и отец с сыном иногда дерут ивняк. Хватает его здесь у речушки, конца-краю нет, да тоже не больно-то развернешься: больше сотни голов в стаде, пасти надо. Только возьмешься за корье, а тут, глянь, бычок-лоботряс уже лезет в осек, своими рожками пробует крепость изгороди, так и норовит в лес, поближе к медведю.

Случаются между сыном и отцом разговоры и на более важные темы. Однажды Гришка, слетав в деревню за хлебом, удивил отца:

— В Верете, у самой речушки, новый коровник задумали ставить. Большущий коровник. Комплекс.

Комплекс... Это новое слово давно прижилось в парме, но Сеня пока что плоховато понимал его значение. Чувствовал только: раз комплекс, то это что-то крепкое и, стало быть, очень дорогое.

— Эка они. А откуда денежки-то, тожно? Так, слышь-ко, на зарплату не хватает, — заволновался он, слушая сына.

— Найдут, тятя. На наши-де привесы надеются. Трава на пастбищах нынче добрая, привесы будут хорошие. Продадут бычков государству — вот и денежки.

— Так-то оно так.

Скотину Сеня любит, пасет и кормит на совесть. Прошлым летом привесы достигали полутора килограммов в сутки. Сеня от правления колхоза премию получил. Вызывали его на районное совещание, преподнесли дорогие часы; да ведь своего счастья нет, так не займешь, говорят, у другого: потерял часы по дороге домой.

...День сегодня хороший, солнечный. Сеня чувствует себя бодро, трудится помаленьку и искоса поглядывает на солнышко: скоро ли обед?

— Тятя-а! Тя-тя-а! — кричит ему Гришка. — Грибы-то пережарятся! И каша готова. Тятя-а!

Не ожидая повторного приглашения и взглянув для приличия еще раз на солнце, Сеня воткнул топор в пенек, утер пот со лба. По пути к избушке завернул на речку, вымыл руки, освежил лицо, затем из студеного ключа вытащил литровую бутылку с молоком утренней дойки. У Миколь Сени в гурте есть коровенка, выбракованная весной «по случаю высохшего вымени». Все пастухи, отказались от хворой, а Сеня взял, вылечил ее снадобьями, изготовленными собственноручно из кореньев, и сейчас — пожалуйста, молоко имеется. Корова оказалась смышленной, стала есть, резвиться, быстро поправилась. Миколь Сеня доит ее в чуман и без молока за стол никогда не садится. Слышно, завидуют другие пастухи, да потерянного не воротить.

— Гришка! Пригони ну-ка корову! — распорядился Сеня, подходя к избушке. — Надоим тожно... так!

Для пущей важности Сеня доит ее трижды в день.

Гришка пригнал скотину, слетал в избушку и вернулся с чуманом, до краев наполненным теплой водой. Сеня, усевшись поудобней, обмыл вымя, насухо обтер полый плаща и принялся массировать его огрубевшими пальцами. Корова деловито махала хвостом, ее глаза выражали счастье. Шарик, скуля и повизгивая, неотступно следил за движениями хозяина. Когда молоко тонюсенькой струйкой брызнуло в чуман, он усердно брехнул. Гришка в это время накрывал на стол и резал хлеб...

Мирная картина!

И в эту самую секунду невдалеке от избушки в чаще грянул выстрел. Тугое эхо ответило с другого конца леса и, перепрыгивая с вершины на вершину, укатилось вниз по ручью. Шарик пулей рванулся с места. При этом он так взвыл, что корова, ошавев, брякнула ногой по чуману, хлестнула хвостом по Сениному лицу и, трубя по-бычьему, убежала за угол избушки. А пес, перемахнув через прысло, уже скрылся в лесу.

— Гришка!

— Чего!

— Стреляют! Будто из пушки, дак!

— Охотится кто-то...

— Глупый! Не время лесоваты! Гляди, медведя убивают. Неси ружье!

Гришка моментально сбежал за старенькой берданкой. Схватив ее, Миколь Сеня устремился в чащу. Шарик заливался совсем близко. Колючие ветви больно хлестали Сеню по морщинистым щекам, но он ничего не чувствовал. По колодине перемахнул за ручей. Шарик выл взახлеб, тьякал нехорошо: напал на кого-то. Трусливый пес, а гляди ты, как разошелся, точно озверел. Сеня удвоил прыть, летел прямо через пни и валежины, спотыкаясь о кочки, коряги, а то и о собственные кривые ноги.

На полянке остановился, перевел дух, прислушался. Шарик будто приумолк, но Сеня уловил тонкое подвизгивание. Еще он услышал резкий треск сучьев, топот тяжелых сапог. Где-то чуть левой бежал человек. Он тоже не разбирал дороги.

— Шарик! Шарик, дак!

— Эр-р-р!

Собака, оказывается, тут и была, рядом. За сучкастыми елями, кустами жимолости и шиповника, пес терзал зверя. Сеня ринулся туда, держа ружье наготове, и попятился. То, что увидел он за кустами, было так неожиданно, что Сеня на некоторое время лишился способности соображать. На измятой траве в предсмертных судорогах бился вовсе не медведь, а огромный кабан. «Дикий кабан, из этих... Тожно!» — догадался пастух. Собака рвала зверя и лизала кровь, бьющую из раны.

Сеня долго не мог сдвинуться с места. А Шарик, остервенело взвизгивая, по-прежнему рвал кабана. Сеня поднял, наконец, берданку, тяжело двинулся на собаку. Взяв ружье, как палку, обеими руками за ствол, он изо всей силы долбанул по собачьему заду.

И тут грохнул выстрел. Дымное пламя на секунду ослепило отпрянувшего в сторону пастуха, ружье выпало из рук. Сеня долго ощупывал потную лысину, бочка, грудь и, убедившись, что цел, облегченно покачал головой. Жив! Это открытие обрадовало его, но волчье подвизывание ушибленного Шарика вернуло его к печальной действительности. Кабан! Вот он, распластавшись, лежит перед ним. Кто стрелял? Кто убил? По-ди, узнай!

Сеня подобрал ружьишко, цыкнул на скулящего

пса. В лесу после гулких выстрелов опять воцарилась летняя дремотная тишина. Сене остро захотелось в свою избушку, к своим мирным коровенкам, на какую-то долю минуты задержалась в голове мысль погнаться за тем стрелком, скрывшимся в чаще, но он не мог двинуться с места, ноги точно завязли в траве. Опять попал в паршивое дело...

— Гришка-а-а! — завопил он на всю тайгу. — Гришка-а! Дак! Подевался!

И в ответ послышалось, будто кто-то сказал: «А-а, попался...»

ВОТ И ЖИВИ НА СВЕТЕ

Кабан был большой, матерый. Взглядом опытного животновода Сеня мысленно взвесил его, и выходило чистого мяса не меньше пяти пудов. Сеня знал, что горло зверя надо немедленно перерезать, выпустить кровь, иначе свернется она и мясо испортится. Но вытащить из-за голенища нож никак не решался. Стоял, опершись на ружье, и что-то пытался сообразить. Однако мысли запутались, голова отказалась служить.

Заныло в груди, затянулись туманом Сенины добрые глаза. Он уже видел себя среди галдящей толпы, увидел среди прочих лицо своей грозной супруги. Вот ее толстая и высокая фигура неумолимо движется на него, руки растопырены. Никого так не боится Сеня, как своей жены: ругается страшно... Взглянул Сеня в ее лицо, как бы моля о пощаде, а лицо-то совсем не бабье и оспой совсем не тронуту. С черными усами, большим мясистым носом, отвисшими бурными щеками, оно возникло и заулыбалось хитро и противно, с нескрываемым злорадством. И глаза злые, прищуренные, глядят прямо, насквозь прощупывают. «Господи, — залихорадило Сеню, — да это сам Кузьма Кузьмич!»

— Свалил? Дарового мяска захотелось? — процедил сквозь зубы лесник и вырвал из рук Сени ружье. — Та-а-ак! Копоть в стволе...

— Дак... стрельнул кто-то, будичи...

— Рассказывай! Кто-то! Леший, наверное, выходил? Знаю я тебя! Набедокурить в лесу всегда готов.

Да, не открутиться сейчас Сене. Он уже знает, что ожидает его. Лесник поорет еще малость, напугает до

полусмерти, а потом вынет из сумки бумагу и напишет акт. В прошлом году, когда Сеня зашиб рябчика, именно так все и получилось.

— Дак... не я, говорю...

— Шея твоя толстенная — уплатишь, — неумолимо ответил лесник. — А не наберется столько — принудилровку дадут.

Кузьма Кузьмич вынул из кожаного чехла нож, ловким движением полоснул по горлу зверя. Бурая дымящаяся кровь хлынула на землю. Черенок ножа сплошь покрыт бурыми пятнами: кровь впиталась в дерево. Немало, видать, этот нож потрошил на своем веку зверя и скотины. Страшно стало Сене. Кузьма же Кузьмич ловко и быстро освежевал зверя. Глаза его перестали метать грозные искры, на лице застыла кривая ухмылка.

— Ну, как — акт рисовать будем? — вытирая пучком травы руки, спросил лесник.

— Дак... будичи... не я ведь...

Прибежал Гришка, испуганно уставился взглядом на зверя, затем поднял глаза на отца:

— Кто его, тятя?

— Эва, кто? — скривил губы Кузьма Кузьмич. — Вон шлепнул!

— Тятя? Да он корову доил, когда выстрелили.

— Говори! Видишь, ружье до сих пор дымится...

Лесник достал из-за пояса топор, принялся рубить мясо.

Сеня отправился было в свою избушку, но лесник задержал:

— Подожди, куда торопишься? А ты, — обратился к Гришке, — марш отседова. Не толкись тут. Иди, смотри за стадом. Ну, кому говорят!

Однако Гришка не торопился. Он недоуменно посмотрел на отца, затем на лесника.

— Тятя ни в чем не виноват, — сказал он не очень уверенно.

Лесника это взорвало. Пронизывающим взором прошелся он по пареньку, кивком головы показал в сторону поскотины:

— Шыть в избушку! Живо! Хочешь, чтоб я тебя арестовал? Зачем Макс болтал, будто кабанов видел?

«Вот и живи на свете, — горестно подумал паре-

нек, опуская измусоленный козырек кепки на глаза. — Вот и радуйся тут. Эх!»

— Иди, Гришка, — покорно сказал отец. — Будичи... Тожно...

Когда Гришка скрылся за кустами, Кузьма Кузьмич подошел к Сене, положил тяжелую руку на его костлявое плечо.

— Вот что, Семен Николаевич, — сказал он без особой злости, — человек ты умный, зря болтать не любишь. Ну, так слушай: не трезвонь, что свалил кабана. Все надо делать с умом-толком. Нет мне никакого расчета содрать с тебя большой штраф, понял? Сам знаю, пусты твои карманы. Ну, так вот — молчи! Я тебе хорошее сделаю, ты мне. Будем добрыми людьми-человеками...

Кузьма Кузьмич оглянулся по сторонам, усадил Сеню на колодину, сам пристроился рядышком.

— Поговорим ладком, мил-человек. Вот слушай. Когда ты думаешь перегнать стадо на Морошкину гриву? На той неделе?

— Думал раньше, — не понимая, куда клонит лесник, осторожно отвечал Сеня. — На этом пастбище травы, однако, не осталось. Всю стравил...

— Не могли пока перегонять. Нельзя! Неужто забыл, что рядом с той гривой моя личная делянка? Ась? Так вот опять же слушай: рано утром или ночью мы с женой выкосим с гривы воза два, перетаскаем кошенину на свою делянку. Кстати, и ты поможешь нам, пуп-то не треснет, коли помашешь маленько литовкой. И после этого ты сразу пригонишь на гриву коровенок. И комар носу не подточит.

Сеня, не ожидавший такого оборота, расчувствовался чуть не до слез. Он попытался даже улыбнуться. Подождать с перегоном скота на новое пастбище? Господи, да неужто нельзя! Конечно, подождет. Пусть себе скотинка попасется пока что в Кукушкином раю. Привесы, это ясно, упадут, травы здесь уже нет. Да ведь не штрафы же платить ни за что ни про что.

— Я согласный. Коси, сколько надо...

— А мяса можешь взять маленько, только острожней орудуй, — великодушно разрешил довольный лесник. — Я его в ручей погружу.

Сеня, не скрывая радости, ушел в избушку. Ушел без ружья: лесник на всякий случай отобрал его.

ШУТКИ В СТОРОНУ

В избушку, к богато накрытому столу, Миколь Сеня вернулся в приподнятом настроении. Его голубые глаза излучали умиротворенность и тепло. Вывернулся-таки из паршивого дела, пронесло окаянную беду мимо. Это хорошо. Садясь за стол, Сеня провел ладонью по голове сына, сказал, радуясь:

— Дак, будичи... Как бабахнуло ружье-то мое... Хо! Однако жив остался.

— Зачем ты стрелял?

— Само стрельнуло, Гришка! Видно, бегучи, я оттянул затвор-от, а опустить-то и позабыл. А тожно ружье и бабахнуло.

Слушая незадачливого отца, чуть не погибшего из-за нелепой оплошности, Гришка головой покачал: да, повезло... А на душе все равно было тоскливо и тревожно. Липкая муть незаметно подступила к горлу. Противная рожа лесника маячила перед глазами. Подлый он человек, этот Кузьма Кузьмич, нахал. Арестую, говорит... А за что?

— Ружье-то отобрал? Или сам отдал? — спросил Гришка отца.

— Взял, горлопан. Но ты тожно... вернет. Мы поладили.

И он рассказал, как они поладили с лесником. Рассказал и строго-настрого наказал Гришке никому не обмолвиться об этом ни единым словом. «А то, будичи...»

Обжигаясь кашей, Сеня бойко причмокивал языком. Гришка с досады на него уронил ложку, грибы застряли в горле. Такие вкусные и аппетитные были грибы, а поди ж ты — застряли. Он вдруг почувствовал себя измученным и разбитым.

— Тять! Да как же это так, тять! Ведь ты же не убивал кабана, так почему этот лесник к тебе пристал? — спросил он, исподлобья глядя на отца. — И почему ты согласился с ним? А Морошкина-то гривачья? Ведь она колхозная. Что-то неладное получается. Дикость какая-то, тять. Боремся за привесы — и вот тебе...

— Горлопан он, лесник... будичи! Но ты не тужи. Травы сейчас в лесу много. Выкрутимся. И не болтай шибко-то. У поваленного зверя пойманы.

Вот и поговори с таким. На колхозное добро руку поднимают, а он — «выкрутимся». Жалким показался отец, рохлей.

Гришка отчетливо понял: если не помешать леснику, то он выкосит с Морошкиной гривы всю добрую траву, оставит для откормочников одни колючки да ядовитые былинки. Привесы сразу сползут наполовину. И колхоз, ясно, потеряет много мяса. И будет тебе новый коровник...

А как помешать леснику? Сказать: не смей, мол, появляться на окультуренном пастбище? А он и заявит в милицию. Как же, поймал пастуха с поличным. Вот и ружье, скажет, доставил вам. Свежая копь в стволе. Штраф полагается...

В углу, у порога, жалобно поскуливает Шарик, обиженно посматривая на Гришку: за что побили? Гришка посматривал на отца: как выбраться из петли, к кому обратиться за помощью? Но отец молчал. Пил холодное молоко и молчал. А что он, такой-то вояка, мог сказать? Какой он все-таки неладный... Ворочает скулами, причмокивает. Нет, с таким каши не сварить.

И тут Гришка твердо решил действовать самостоятельно. Нельзя терять времени, надо делать что-то. Страшно в лесу. Надо пойти в деревню, к людям. Можно сбежать к учителю Ивану Прохоровичу, не откажется помочь. Да, надо в деревню. Не одни Кузьмы Кузьмичи живут на свете.

— Тять, а хлебушко-то у нас совсем на исходе. Даже и на ужин не хватит. Не слетать ли в деревню? — спросил Гришка. — Я быстро обернусь.

Сеня прикинул что-то в уме, повел плечами.

— И то. Сбегай уж. Лесник-от разрешил маленько мяса взять. Прихвати, будичи.

Гришка только рукой махнул: не до мяса, мол. Он быстро закинул за плечи свой походный пестерек и вылетел на волю.

Из Кукушкиного рая он с пустыми руками в деревню обычно никогда не ходил. То земляники собирает мальчикам, то дикого медку добудет. Сегодня пестерек был пустой, не прихватил Гришка ни ягод, ни меду, хотя был его припасен полон туесок. Забыл паренек про гостинцы, сильно торопился домой, к людям. Он бежал по знакомой тропинке, размахивал

руками и размышлял. Эка ведь! Не малый, кажется, этот лес, этот Кукушкин рай, а не разминулись с проклятым лесником, столкнулись нос к носу. Можно подумать, тут и сидел негодяй за кустами, поджидал, когда отец прибежит к убитому кабану.

Интересно, кто стрелял?

Гришка остановился на минуту, провел ладошкой по лбу. А не сам ли Кузьма Кузьмич? Конечно, он! Некому больше в эти страдные дни шастать по лесу. Вишь, подлец, как ловко устроил. Убил кабана у самой поскотины, наверняка знал, что отец прибежит — и на тебе! Неужто леснику поверят, а ему нет?

Выходя из леса, Гришка вдруг понял, что заявился в деревню в самое неподходящее время. Издалека было видно: Веретя в этот предвечерний час была совершенно безлюдна, совсем пуста. Все взрослые, конечно, сейчас на сенокосе, немощные старички да детишки, небось, подались в лес за ягодами и грибами. Разве усидят они в такой день дома?

Пуста была деревня, точно вымерла. Одна древняя бабка Митипериха, костлявая, высохшая, положив седую голову на жилистые руки, в глубокой печали дремлет на своем крылечке, шевелит черными губами, кажется, беседует сама с собой. Гришка не стал беспокоить ее, прошел мимо. Старуха тоже не обратила на него внимания.

К кому обратиться? Куда пойти?

Вся Веретя на виду, точно на ладони. И нигде ни одного человека. Куры, и те забились куда-то, даже петухи не поют.

Тишина. И в ней, в этой гнетущей тишине, парнек вдруг уловил взволновавшие его звуки: трень-трень-трень... брень-брень-брень... Доносились они из ограды сельсовета, и Гришка наострил уши: неужели это Исай Сергеевич веселит себя? Нет, не может быть! Конечно, не Исай Сергеевич это, а Макся, беззаботный Чомор, однокашник его, коротает длинный день, наслаждаясь балалаечной музыкой! Эх его, как наяривает!

Подшел Гришка ближе к ограде, заглянул в калитку. Так и есть — Чомор. Сидел он на колодине под навесом, улыбался во весь рот, дергался, как старый шаман в кино. Сейчас выбежит на лужок и пустится в пляс!

Но нет, Макся плясать не стал. Он неожиданно запел. Да так славно, что Гришка на минуту даже забыл о своем горе, невольно заулыбался. Занятная была Максина песенка — не хочешь, да прислушаешься!

Парень я весьма баской,
Не женатый, холостой,
Не женатый, холостой,
Руки, ноги за спиной!

Ничего себе дает! Это он-то баской? Надо же! И с чего так развеселился, спрашивается?

Не знал Гришка, что Макся более часа самым добросовестным образом дрыхал в чулане. А как воспрянул ото сна, то сходил на речку, хорошенько искупался. После с наслаждением, весело подпрыгивая и играя локтями, бегал по своему маршруту. Вернувшись в сельсовет, он первым делом дал себе слово не скучать. Тогда-то и вышел во двор, достал из-под стрехи старенькую балалаечку и, веселя себя, стал наяривать во всю ивановскую.

Когда Гришка предстал перед его очами, Макся страшно обрадовался: наконец-то слушатель появился! На полуслове он оборвал самохвалебную песенку, инструмент пристроил у ног.

— Подходи, подходи смелее, Григорий Семенович! — пригласил он, широко улыбаясь. — Садись вот сюда, на бревнышко, покалякаем. Слышал, как я здорово пел? То-то же. Это я, брат, про себя песенку сочинил. Замечательно получилось. Ведь так?

Подошел Гришка к дружку своему, поздоровался с ним за руку. Макся поерзал на колодине.

— Ты к председателю, что ли? — спросил он.

— К нему. С важным делом.

— С важным делом?! А председателя-то нету. Ушел, брат, с утра к пастухам. У вас не был?

— Не видели. Не сказывал, когда вернется?

— Этого не говорил. Но, думаю, скоро придет. Он должен, Гриша, к завтраму оперативные сводки о ходе сенокоса собрать. Так что вернется. Ты посиди со мной. Скучно мне одному, прямо беда. В деревне ни одной доброй души.

Проговорив это, он снова взял в руки балалайку, лихо ударил по струнам.

У-ух,
Нечистый дух!

Хорошо он играл. И пел замечательно. «Наградит же природа вот таких озорников всяческими талантами», — позавидовал Гришка, который перед народом в качестве артиста еще ни разу не показывался. А Макся пел и играл на гармошке. Зимой на смотре художественной самодеятельности в районе он первое место занял. И премию дали — фотоаппарат. Одаренным человеком оказался Макся.

— Говори, Гришка, напрямик: хороша моя песня или как? — кончив играть, неожиданно спросил Макся. — Сам сочинил. Врать не буду. Ну, сказывай!

Гришка смутился, но, подумав, душой кривить не стал:

— Расчудесная песня! Только, как мне кажется, вовсе и не ты сочинил.

— Говори, злодей! Продолжай! Люблю правду-матушку.

Гришка, смеясь, продолжал наводить критику:

— С неделю назад эту песенку по радио передавали. Из самой Москвы. Мы с отцом по транзистору слушали. А ты: «Сам сочинил!» Поменьше бы врал.

— Правильно! — обрадовался Макся. — Правильно и совершенно верно! А я голову ломаю: откуда в ушах звенит эта музыка? Назойливая такая музыка, никак не забывается. Услышал, видно, по радио и забыл. И стало казаться, будто сам сочинил. Ну да ладно, хватит о ней. Значит, председатель позарез тебе нужен? С важным делом к нему? Какие, интересно, у тебя могут быть важные дела?

— Очень важные, Макся.

— Ишь ты... А ну, говори... Может, мы без Исаея Сергеевича как раз и обойдемся. Тоже не лыком шиты.

Гришка призадумался. Говорить о своем деле музыкально одаренному Максе, скажем прямо, он раньше как-то и не подумал: больно уж несерьезный человек, кажется, весь сшитый из разноцветных кусков, не поймешь, что к чему. Порой такие штучки выкидывает... А если здраво рассудить, так не все ли равно, кому сказать о проделках лесника? Важно вовремя поднять шум, дать леснику по рукам, чтобы век помнил.

— В беду мы попали, Макся. Уж в такую беду! Кто-то пристрелил сегодня в Чукашоре дикого каба-

на. Помнишь, я говорил тебе? А Кузьма Кузьмич, лесник этот...

— Кабана?! Вот это, брат, история. Ну, не тяни душу!

Отступать было поздно, сейчас уже поздно. И Гришка, поняв это, рассказал по порядку все. Макс, слушая его, напряжился, вот-вот подскочит и побежит как угорелый в лес, на место происшествия. Но не побежал, терпеливо выслушал Гришку до конца, похлопал по плечу. «Кажется, будет мне работенка, — подумал на ходу. — Сейчас держись: наступил тот самый исключительный случай. Да еще какой!»

— Здорово ты разутешил меня, — сказал очень серьезно и придвинулся к Гришке вплотную. — И ты такую тайну держал при себе, не рассказывал мне сразу? Эх, Гришка, Гришка, друг ты мой сердечный, таракан запечный! Ну, да ладно. Ладно уж то, что мне поведал, а не кому другому. Это очень важно. Сейчас мне скучать будет некогда. Займемся настоящим делом, шутки в сторону!

— Ты думаешь, нам можно выкрутиться? — остановил его Гришка. — Как? Ведь лесник-то ружье отобрал...

— Ни слова больше, Гришка. Все ясно. И верю я тебе, потому как знаю: не мог твой отец на кабана руку поднять — смелости не хватит. И сделаем все, чтобы лесник больше не безобразничал. А как — пока не знаю. Дай срок, придумаем что-нибудь. Ты вот что... Иди пока домой, собирай котомочку и жди меня. Я подумаю в одиночестве, составлю план действий, и будем шуровать. Однако ну и денек выдался! Исключительный случай!

КТО СТРЕЛЯЛ?

Шевелить мозгами, составлять оперативный план по разоблачению стрелка можно было, конечно, тут же, во дворе. Сиди себе на колодине, размышляй на здоровье, сколько влезет. Но Макс почему-то решил, что в кабинете председателя, в официальной обстановке, мыслить будет куда легче, оперативный план, глядишь, составит сам по себе. И зашел в кабинет.

Поелозив в глубоком кресле, он подпер голову руками и стал энергично думать, шевелить мозгами.

Итак, в Кукушкином раю, у студеной речушки Чукашор, сегодня кто-то пристрелил дикого кабана, который забрел к нам неизвестно зачем из далеких удмуртских или вятских краев. Кто пристрелил пришельца?

Вот задача так задача! В самом деле, у кого поднялась рука на зверя? Лесник, как утверждает Гришка, обвинил пастуха Миколь Сеню. Но всем известно, Миколь Сеня — порядочный трус, на крупную дичь никогда не ходил; всю жизнь забавлялся одними рябчиками. Пристрелить незнакомого зверя он безусловно не мог. Тут и гадать нечего.

Кто остается? Гришка подозревает лесника — самого Кузьму Кузьмича. Но мог ли он совершить такое? Ведь Кузьмич и денежки получает как раз за охрану природы, у него должность такая, чтобы ловить подлых стрелков-браконьеров. Мог ли он убить кабана? Вряд ли. Не верится что-то. Вон и председателя приструнил. И утром сегодня о кабанах молчать велел.

Ах, черт! Тяжело мозгами шевелить, даже лоб взопрел.

Неужели... Исай Сергеевич отважился?

Скажи об этом людям, они живо засмеют тебя. Те-те! Исай Сергеевич хоть и вырос в Верете, среди заядлых лесовиков-охотников, но все знают: до встречи с разбойным медведем ружья в руки не брал, охотой не интересовался. А после, как купил двустволку, кроме ворон и малиновок, ни в кого не стрелял. Петушки не в счет...

Мог он, руководитель сельсовета, неопытный стрелок, пойти на дикого кабана? И почему именно Исай Сергеевич? В Веретинском сельсовете каждый второй хозяин ружье имеет. И все они в лесу частенько бывают. Так неужели каждого второго в браконьерстве подозревать? Не годится вроде бы.

Макся встал из-за стола, заложив руки за спину и морща лоб, походил, как настоящий детектив, из угла в угол. Подошел к окну. А тут — мать ты моя честная! — сам Исай Сергеевич топает. Легко на помине!

Исай Сергеевич, пуще обычного припадая на «починенную» ногу, шел со стороны леса. Шел он, понурив голову, опираясь на суковатую палку. Устал че-

ловек, намаялся за день. За плечами, кроме тощего рюкзака, ничего не тащил — ходил в лес, оказывается, и вовсе без ружья. Максе даже неловко стало: нехорошо подумал о человеке. Разве можно этак с бухты-барухты? Так и на отца родного напраслину понесешь: ведь тоже ружьецо в чулане висит.

Нет, не установить Максе истину. Нипочем не узнать, кто свалил кабана. Придется позвонить в милицию, пусть там разбираются, это их дело. И сразу сильно поморщился. В милицию? Тоже не годится. Надо еще чуточку пошевелить мозгами. Не может быть, чтобы не разобрались сами. Зря, что ли, детективных книжек прочитано — не сосчитать.

Исай Сергеевич, между тем, поравнялся с магазином, заглянул в открытую дверь.

— Привет, Марфа!

— Добрый вечер, Исай! Ты откуда это?

— В лес ходил, покосы осматривал. Другие делюшки...

Исай Сергеевич рукавом куртки вытер лоб и, прежде чем расстаться с сестрой, что-то сказал ей доверительно. Говорил он как бы про себя, и Макся ничего не разобрал, только коротенькую фразу, вернее, конец фразы уловил: «Харьюзы, говорит... Лови ко дню рождения...» Какие харьюзы? Кто говорил? Э-э, оказывается, Исай Сергеевич на рыбалку ходил! Интересно, где он харьюзов, то есть хариусов, дергал-подергивал?

Марфа Сергеевна, прибыв с товарами из села, готовилась к вечерней торговле. В эти страдные дни магазин открывала она только рано утром и поздно вечером, когда люди были не на покосе, а дома.

— Пить, наверное, хочешь? Иди — угощу. Прихватила из дому холодного квасу, — сообщила брату, приятно улыбаясь.

Она вынесла туесок, Исай Сергеевич принял его, приложился к краю. Пил долго, с наслаждением. Утомялся человек, пересохло в горле.

— Спасибо, Марфа, напился!

— Да ты пей, чего так!

— Спасибо, хватит!

Понаблюдав за братом и сестрой, Макся уселся опять в кресло. Но продолжить размышления не удалось. Напившись квасу, Исай Сергеевич зашел в сельсовет.

— Как день прошел, Максим Максимыч?

— Безобразно! — резко махнул рукой Макся. — Прямо скажу: день прошел безобразно. Скукота была невыносимая. Ведь что получается, Исай Сергеевич? Посадил ты меня к этому телефону — и сиди, будто собака на цепи. Ни тебе на двор сходить, ни свежим воздухом подышать. Ошалеть можно при такой жизни. Ужасное положение, вразу не пожелаешь...

— Из района не звонили? — прервал его Исай Сергеевич.

— Звонили. В райисполком к завтраму сводку требовали, да еще спрашивали, произведен ли учет детей для первого класса. Велели позвонить, как придешь.

— Все?

— Заходил недавно бригадир, тебя спрашивал: где, говорит, председатель? Ну, я сказал, ушел, мол, по своим председательским делам.

— Так и не сказал, чего ему надо?

— Какой ему толк со мной разговаривать? А еще лесник приходил.

— Тоже не сказал, зачем приходил?

— Лесник-то? Нет, ничего не сказал. Спросил тебя и ушел. Это ведь еще утром было. Едва ты успел выйти из сельсовета, он зашел. А сейчас недавно Гришка-подпасок, сынок Миколь Сени, спрашивал тебя. Говорит, срочные дела имеются.

— Чего так? Какие еще дела?

— А черт их разберет, — лениво-небрежно отозвался Макся. — Нес всякий вздор. Будто бы медведя, что ли, в лесу кто-то пристрелил. Или кабана какого-то... Не разобрал я... Что-то с Миколь Сеней приключилооь там... Лесник, рассказывает Гришка, на лучший загон пастбища позарился. Сеня ружье ему отдал, чтобы откупиться... Колхозный загон уступил леснику-то!

— Зачем леснику ружье? Неужели не спросил ты? А загон-то к чему? У самого участок имеется.

— Не мое дело, Исай Сергеевич, во всякие истории вступать. Человек я маленький, и к тому же...

— Ну, хватит, — оборвал его председатель. — Будет! Черт знает, что получается. Никакого ладу.

Он нахмурился, быстро зажег потухшую папиросу, задымил. И зачем-то на некоторое время прикрыл ладонью глаза. Видимо, горький табачный дым хлестнул по ним, ослепил. А, поди, тоже размышляет?

— Где он сейчас? — спросил резко, убирая изо рта папиросу.

— Кто? Гришка-то? Да дома, наверное. Где ж ему больше быть, — ответил Макся и, в свою очередь, спросил, нельзя ли ему, горемычному, отправиться наконец домой. Ведь так притомился, уж так устал! Голова разламывается, спиной хребет ноет.

— Дуй! — буркнул Исая Сергеевич, усаживаясь за стол.

«Чего это он так нервничает? — поморщился Макся. — Неужели все-таки он? Не хотелось бы верить».

Он кубарем слетел с крыльца, сломя голову побежал вдоль по деревне. Не прошло, наверное, и минуты, как он уже тормозил Гришку:

— Давай, потопали на пастбище, там, на месте, и обмозгуем все до тонкости. Про зверя никому не трезвонил?

— Ну, вот еще! За кого ты меня принимаешь?

Гришка собрался в два счета, и они выскочили на улицу. Деревня по-прежнему была пустынна, бабушка Митипериха, пригорюнившись, все еще сидела на крыльце, коротая длинный летний день.

В избе у открытого окошка сидел дедушка Митипер.

Он поглаживал лысину и улыбался: видимо, приятные мысли витали в голове. Заметив дружков, заинтересовался, куда они, непутевые, шествуют на ночь глядя.

— В Кукушкин рай подались, — ответил Макся весело. — Медведя прикончить решили. Айда с нами, повеселимся вместе.

Дед отрицательно покачал головой, заулыбался пуще прежнего:

— Не-е, меня в лес калачом не заманишь. Боюсь медведя-то...

— Тогда передай нашим, что я вернусь только утром, пусть не беспокоятся.

НЕ ТРУСЬ, ДЯДЯ!

Случилось так, что с самой весны во рту Миколь Сени не было мясного. Еще в марте отелилась корова-кормилица, подарила хозяину ладного бычка. Сеня ваикнул было, что его, бычка-то, можно и «того-

этого... будичи!» И тут же прикусил язык. Супруга огрела его таким крепким взглядом-витнем, что и без слов было ясно: Парася скорее сделает отбивные из него, из Сени, нежели из сосунка.

— До осени продержим на подножном корму, — разъяснила Парася, — а тожно и продадим. Детям, да и мне самой, обновки надобны. Не век же мне в ватнике щеголять.

Вспомнился ему сегодня этот разговор, вздохнулось грустно-тоскливо. Сеня остро почувствовал, что ему чего-то недостает. И, сам того не замечая, все чаще и чаще стал поглядывать в лес, как раз в ту сторону, куда лесник Кузьма Кузьмич спрятал свежую свинину. Наконец, он встал, сунул за голенище нож, взял в руки ведро и побрел к ручью. Он мудро рассудил: всеильный лесник разрешил взять мяса? Разрешил. А коли так, то и бери, чего ж еще?

И Сеня взял. Выбрал он, знающий толк в мясе, самые лучшие куски, без малейших костей и прожилок, одну мякоть. У избушки что-то прикинул в уме и стал колдовать. Часть мяса из ведра — кусок килограмма на четыре — он переложил в чуман и погрузил в тот ручеек, где обычно хранил молоко. Оставшиеся в ведре куски залил водой, бросил туда соли, заправил для пущего вкуса какими-то корешками, диким луком-черемшой и повесил ведро над пламенем. «Тожно, дак, налопаюсь ужо». Он подумал и о том, что если на пастбище, узнав о случившемся, прибежит супруга и будет кричать, то, выбрав удобный момент, можно будет заткнуть ей рот тем оставшимся куском, глядишь, все в аккурате и будет.

Вскоре из ведра повалил густой, крепкий мясной дух. Он заструился в сторону леса, плыл все дальше и дальше, немилосердно щекоча чуткие носы зверюшек, забивался в самые непролазные чащи. Сильный был мясной дух, острый. Гришка и Макся, бодро шагавшие по тропинке, произвольно остановились, поглядели друг на друга. Еще с полкилометра, наверное, было до избушки, а их исправные носы уже уловили приятный запах.

— Отец не вытерпел, взял мяса, — догадался Гришка.

— Сообразил, — в предчувствии роскошного ужина облизнулся Макся. — Давно я жаркого не пробо-

вал, давно. А дикую свинину и во сне не едал. Какова она?

Они прибавили шагу.

А Миколь Сеня в это время, сидя на чурбаке, поклевывал носом. Приятные запахи, струившиеся из ведра, сморили его, истома взяла верх. И он, конечно, заснул бы — дело привычное, — но в тот самый момент, когда голова медленно опускалась на грудь, лежавший под кустом Шарик ошалело взвизгнул и, не глядя на хозяина, устремился в лес, на веретинскую тропку. Сеня встрепенулся, проворно потряс башкой, отгоняя сон, глянул туда-сюда. На кого это так набросился бестолковый пес? Поди, зверя какого учуял? А может, недоброго человека? В обычные дни о недобром человеке как-то вовсе и не думалось — откуда ему, злыдню, взяться? — а сегодня, с утра ошарашенный и сбитый с толку, Сеня невольно съезжился, прислушался к лесным шорохам. Надо бы, подумалось, снять с огня ведро, убрать куда подальше.

Поскуливая и виляя хвостом, Шарик прибежал обратно, уткнулся под кустик. Сеня решил: возвращается Гришка. Иначе пес не перестал бы рычать и тявкать. Он сел на свой чурбан, потянулся к кочерге. Опять посмотрел на тропинку: где он, Гришка? И — о лешачья ты доля! — выходят из лесу люди: один, два... Кто такие? Донес, видно, проклятый лесник в милицию, и вот идут...

Миколь Сеня быстро поднялся с чурбака, прошоркал ладонью глаза, засуетился. Мальчишки хорошо видели, как он зачем-то сбегал в избушку, через минуту вышел обратно, устремился к костру.

— Напугался, кажись, — прошептал Гришка.

— У страха глаза велики, — усмехнулся Макся. — Пришибленный твой отец, недотепа. Другого такого в сельсовете не сыскать. Вот я и думаю: кабан... Ну, черт с ним. Дело-то, думаю, вовсе и не в кабане. С лесником тоже понятно. Добром для него эта затея не кончится. А вот как привести в чувство твоего отца? А надо бы. Хочется, чтобы и он настоящим человеком себя чувствовал, не боялся бы, как зайчишка, любого шороха.

— Вот опозорим Кузьму Кузьмича принародно, тятя и поймет, что жить на свете можно по-другому, — не очень уверенно заметил Гришка.

Пастух между тем быстро снимал с обгорелой палки, прилаженной на рогульки, ведро. Чтобы не обжечь о каленую дужку пальцы и ладонь, он сообразил сдернуть с головы повидавший виды войлочный колпак, сунуть в него руку и только после этого схватить ведро. Стоять у костра он не стал. Он бросился было за угол избушки и во всю прыть побежал в болатную согру. И, конечно же, споткнувшись о собственную ногу, упал. Ведро, брэнча, покатилося под кусты, и вкусное варево полетело, как принято говорить в таких обстоятельствах, прямехонько собаке под хвост.

— Ты зачем побежал, тять? — подойдя к отцу, в горестном недоумении поинтересовался Гришка.

— Тожно, дак!

— Тожно, дак! — в сердцах передразнил пастуха Макся. — Наверняка нас спросонья за лешаков принял. Ведь так?

Оба — и Гришка и Макся — чуть не взревели от досады, когда установили, что жаркое на этот раз досталось не им, а разве только самым непривередливым зверюшкам да вездесущим воронам. Эхма! Тяжело вздохнув, Макся с остервенением ударил сапогом по перестойному подосиновнику, сказал пастуху:

— Ну, хватит в болоте нос мочить. Вставай, дядя Семен, потопаем в избушку. Дело, знаешь ли, не ждет, ночь наступает.

Ночь действительно наступала. Солнышко давно укатилось за потемневший зубчатый увал, на улице заметно посвежело. Из-за речушки Урвы потянуло мягкой сыростью, настоящей на багульнике. В низинах собирался туман — липкая водянистая пыль.

— Утром обещался лесник на Морошкину гриву? — спросил Макся пастуха, когда все трое, заметно успокоившись, шагали обратно к потухающему костру. Сеня сперва не понял, о чем разговор, и Максе пришлось повторить вопрос.

— Завтра утром, будичи. Утром хотел.

— Вот и ладно. Утром мы его и прихлопнем.

— Как?!

— Очень просто. Заявится он, подлый человек, возьмет в руки литовку и будет как ни в чем не бывало косить траву с колхозного участка. Тут мы его и сфотографируем из-за кустов на фоне той сосны, что

растет на гриве. Тревожить его не будем, пусть себе покосит на здоровье. Мы сделаем снимок и отнесем в сельсовет, скажем там: вот смотрите, как лесник Кузьма Кузьмич на колхозном пастбище орудует. Тут ему и крышка!

— Однако ружье, дак, отобрал, у зверя поймал, — забеспокоился Сеня. — Вдруг донесет, шуметь станет...

— А разве кабана-то ты свалил?

— Дак стрельнул кто-то, будичи, и побегал!

— Вот, вот! Кто-то стрельнул — и лататы задал. Так при чем же тут ты? И почему ты, дядя Семен, так легко согласился отдать ему, поганому человеку, колхозный участок? Да я бы на твоём месте показал ему дулю — на, мол, выкуси!

— Акт составляю, говорит. Штраф-де уплатишь...

— Акт составляю! Пусть себе составляет хоть тысячу актов. Куда он с ними сунется? В милицию пойти не отважится, ведь хорошо знает, что кабана-то убил не ты. Тут другой стрелок был. Нет, в милицию пойти ему не с руки.

— М-м... А вдруг пойдет, и поверят ему?

— Ну и пусть идет. Там, думаешь, дураки сидят? Так и оштрафуют тебя? Нет, дядя, так дела не делаются. Там, знаю я, будут думать, начнут следствие. Вызовут тебя и спросят: «Ты убил кабана?» А ты ответишь: «Нет, я зверя не убивал!» Вот и отправится следователь на место происшествия, чтобы разобраться во всем. Да не один придет, а с понятыми, скажем, с опытными охотниками. И будь спок, разберутся. Ведь у речушки-то болото, тина. Стрелок оставил следы. А жакан-пуля? Ведь не дробью же пальнули в кабана, а наверняка пулей. А у тебя ружье чем было заряжено? Вот и кумекай. Пуля, наверное, застряла в туше. Найдут ее, примерят к твоей кочерге-бердашке. И руками разведут: калибр не тот! Скажут тебе: «Ступай к скотине, работай. Ты не виновен...»

— Ловко, брат... — слабо усмехнулся Миколь Сеня.

— Конечно, ловко. А ты сразу согласился с лесником. Нет, дядя Семен, так не годится. Он горлопан, так и ты горлопаном будь. А к колхозному добру никого не допускай.

Пока Макся и Миколь Сеня вели этот разговор, Гришка вскипятил в котелке отменный чай. Можно

сказать, даже не чай, а крепчайший, ароматнейший настой из брусничника. Когда этот настой был готов, паренек сбегал за туеском, наполненным диким медом, пригласил Максю отведать. Тот, конечно, не отказался. Пил со вкусом, наслаждаясь. Гришка тоже причмокивал, солидно дул в кружку. Один Миколь Сеня сиротливо сидел в сторонке, о чем-то крепко думал, свесив голову на грудь. О чем он думал? Может, о том, что в самом деле поторопился согласиться с лесником, а может, в мыслях ругал себя за всякие несуразности и страхи. Ведь человек же он, а не тютеля или овца паршивая. И как же случилось, что его, старого человека, учит жить на свете зеленый сосунок, неперившийся галчонок?

Кто знает, о чем он думал. Впрочем, не он один думал разные думы. Нехорошо чувствовал себя и Гришка. Макся правильно рассуждает. Действительно, с бухты-барахты вряд ли стали бы наказывать отца. Так почему же он, уже взрослый парень, так струсил под взглядом лесника? Ведь тот просто брал отца, как говорится, на пушку, просто нахальничал, когда говорил, что арестует. На каком основании?

Стыдно стало, обидно. На всю жизнь урок!

Напившись чаю, Макся отодвинул кружку, поставил ее вверх дном. Миколь Сеня глухо произнес, ни к кому не обращаясь:

— Дак... тожно...

— Вот именно — тожно, — тотчас отозвался Макся. — Дела, значит, дядя Семен, думать заставляют. И ты думай, как дальше быть, крепко думай. И еще: чуть чего, беги сразу в деревню. Вон Гришка правильно сообразил: прибежал и обо всем рассказал мне. Подумали мы вдвоем и решили-постановили показать леснику дулю. Сейчас, к примеру, мы пойдем в лес, к тому ручейку, куда он мясо спрятал, и устроим засаду. Думаю, придет кто-нибудь за мясом. Не может быть, чтобы людишки махнули на него рукой, все равно придут. Если зайвится, скажем, тот же лесник, мы его сфотографируем. Чик-чирик — и не дыши, подлый мужик. Хо-хо! Не трусь, дядя!

Миколь Сеня расправил плечи, произвольно приосанился:

— Сходить, что ли, завтрава к леснику. Дак, пушкой вернет ружье!

Подумав, Макся сказал:

— Пожалуй, не надо. Изладим дело так, что сам вернет. Еще извинения попросит. Вот так и будет.

И тут же головой покачал: мать честная! Почему эта мысль о засаде так неожиданно пришла? В сельсовете думал-думал — никак не придумал. А тут сразу осенью. Вот ведь как! Это не иначе от дикого меда и вкусного чая.

Уходя в лес, ребята заманили Шарика в избушку и велели пастуху ни в коем случае не выпускать его на волю.

— Может помешать нам собачина. Еще вспугнет воров, — сказал Макся. — А мяска сваря. Придем у речком — налопаемся. Осилишь?

— Тожно! Чего спрашиваешь? Чичас спроворим!

Миколь Сеня после недавнего испуга начал оживать. Пройдет немного времени, и он будет улыбаться.

У ЛЕСНОГО РУЧЬЯ

Высоко-высоко в ночном небе, над самым Кукушкиным раем, плыл глухой монотонный гул. Плыл он с юга на север, хотя спервоначалу и казалось, будто висит на одном месте. Задрав голову, Макся увидел зеленые огоньки, сказал Гришке:

— Пассажирский, скоростной. Наверное, реактивный.

— Каждую ночь в одно и то же время гудит. Он, я думаю, из Перми на Сыктывкар летает. Рейсовый.

— А интересно ведь? Вот мы у лесного ручья зябнем, а кто-то вон там, в небе, в самолете... Везет людям!

— Кому-то и скотину пасти надо. И воров ловить.

Недалеко скрипнул неутомимый дергач: дра-дра-дра. Квакали лягушки. Природа не спала.

Макся и Гришка тоже не спали. Тесно прижавшись друг к другу, они лежали у ручья, в густом колючем можжевельнике, прислушивались к шорохам. Холодная сырость подступала со всех сторон, сверху давил тяжелый туман. Гришку плохо грела брезентовая гуртоправская куртка, резиновые сапоги отсырели, и паренек ежился. Макся в старом ватнике и в яловых отцовских сапогах чувствовал себя лучше, но

тоже поскуливал: зябко, туман за пазуху лезет, такой густой, плотный — кажется, пальцами пощупать можно.

— Макся, а вдруг никто не придет, и мы зазря лежим тут? — унимая дрожь, прошептал Гришка.

Макся уверенно возразил:

— Придет, Гришка. Непременно заявится.

— А если он заявится с ружьем? Что тогда? Ведь не полезем же мы в драку с голыми руками, и сфотографировать в темноте нельзя.

— Что-нибудь придумаем. Мы, пожалуй, и не будем ловить его. Хоть и без ружья придет, все равно не будем. Зачем? В моей голове, Гришка, идея возникла: разоблачить подлеца более интересным манером, красиво и эффектно, чтобы одним ударом его — в самый дальний угол, в нокаут. Ты успокойся, Гришка. Мне думается, что он пожалует к нам этак поближе к утру, когда рассеется туман и будет светлее. А сейчас, пожалуй, можно маленько и подремать.

Он втянул голову в ватник и засопел. Гришке спать не хотелось. Его дожимали не только сомнения, но и всякие лесные страхи, тревожили ночные шорохи. Ему, натерпевшемуся за день, все время казалось, что кто-то шебуршит травой, тяжело вздыхает и на цыпочках крадется к ним. Не медведь ли? А может, волк? У ручья, за лохматыми, непричесанными кустами можжевельника и жимолости, тоже слышались подозрительные шорохи. Может, и впрямь косолапый бродит...

Гришка старался не заснуть.

Сильно встревожили его и слова Макси. Какая такая новая идея взбрела тому в башку? Эффектно, говорит, разоблачить надобно негодяя, красиво... Что бы это значило? Вот отмочит, по своему обыкновению, штуку — век не забудешь. Еще в новую историю влипнешь. Не зря же, в самом деле, такое прозвище приклеили к нему — Чомор...

Макся, оказывается, тоже не спал. Приподнявшись на локти, он неожиданно зашептал:

— Интересные люди эти взрослые. Ну, скажи откровенно: зачем Кузьмичу так много сена? Да еще с колхозной поскотины? Зачем?

— Кто его знает... Видимо, чтобы больше скота держать.

— А лишний-то скот ему к чему? — не отступал Макся.

— Ну и даешь ты! — искренне удивился Гришка. — Лишний скот — это мясо. А мясо на базаре в городе почему? То-то.

— По-твоему, мясо — это денежки? Допустим. Тогда скажи опять же откровенно: зачем Кузьмичу мешок денег? В кино он не ходит... Конфеты не покупает... На экскурсии за границу не ездит. Так зачем ему столько денег?

— Не знаю, — пожал худенькими плечами Гришка и повернулся на другой бок.

А лес продолжал дышать шорохами, филин время от времени ухал недалеко, в стороне Ректана, безнадежно просил себе по случаю сырости шубу. Вгустых зарослях шелестели ключья тумана, с ветвей звучно падали тяжелые капли. В лесу вдруг остро запахло багульником, грибной прелью.

Медленно наступало утро. Совсем близко, на кустах можжевельника, затенькали малиновки, чудом не попавшие под заряд Исаея Сергеевича, несмело закартавили зяблики. Почти одновременно с ними стали заливаться пеночки и синицы. А вот и бездомная кукушка проснулась, давай выводить свои два колена — ку-ку, ку-ку! Ожил лес, весело стало.

Отряхивая с деревьев обильную росу, прошелся озорной предутренний ветерок. На поскотине забрехали ботала.

— Нет, не приходит ворюга. Видать, учуял, что его ждут, и махнул на мясо рукой, — прошептал опять Гришка, переворачиваясь с живота на бок.

— Придет! Не такой он, чтобы на даровое мясо рукой махнуть. Жадный человек, Гришка, скорее на всяческую осторожность махнет рукой, а от поживы так просто не откажется. Вот через полчаса заявится. Сейчас жди. Лежи и не дыши, держи ухо востро.

— Интересно все-таки, кто стрелял?

— Скоро узнаем. Досконально узнаем, — заверил Гришку Макся и опять подумал об Исае Сергеевиче: неужели его рогатые попутали? Если так, то пострадает мужик, это уж как пить дать. И что же тебе, Чомор, предпринять, если к речке вот сейчас заявится именно он, Исаея Сергеевич? Сфотографировать его, а снимок завтра же отнести в райисполком или в ми-

лицию? Мол, нате, полюбуйтеесь... Это бы проще простого. Да ведь надо и о том поразмыслить: как будешь в родной деревне жить рядом с Исаем Сергеевичем? Как ему при встрече в глаза смотреть? Бр-р-р! В самом деле: выгонят его с работы с позором — иди, дорогой-бесценный, здесь больше не нужен. И пойдет Исай Сергеевич куда глаза глядят. И однажды попадешься ему навстречу ты, Чомор Макся. «Змея подколотная, — скажет со злостью и ненавистью. — Повесить тебя, разбойника, надо... А я на работу принял...» Вполне возможно, при встрече Исай Сергеевич не проронит ни единого слова, не обратит на Максю ни малейшего внимания — так и пройдет мимо, будто ты вовсе и не Макся, а кругленький ноль без палочки, пустое место. Думаешь, приятно будет? Какое там! Еще хуже будет. И выходит, махнуть надо на эту операцию рукой, пусть ею занимается милиция. Ну их всех!

Так размышлял Макся. Но подняться на ноги, уйти подальше от речушки и от всякого греха не торопился. «Еще неизвестно, кто пожалует за мясом... Еще неизвестно, кто стрелял!» Очень хотелось, чтобы заявился к ручью не Исай Сергеевич. Только бы не он!

В это время, будто в насмешку, у ручья противно заквакали лягушки — ква-ква... Гришка выругался, плюнул сквозь зубы. Кикиморы! Небось, выпалились на дне реки и сейчас заквакали от радости. Макся вдруг пребольно сунул ему в бок, приложил палец к губам.

Гришка уже и сам понял, что надо молчать. На той стороне ручья подозрительно зашевелился ошетилившийся можжевельник, стряхнув с себя капель. Из-за куста осторожно вышел серый от тумана, мокрый с головы до ног человек. В груди у Гришки так и екнуло, по спине побежали мурашки.

Макся опять поднес палец к губам, прошептал чуть слышно:

— Ишь ты, бабка... Кажется, мать лесника.

Сердчишко его сильно затрепетало: не Исай Сергеевич заявился! Вот это приятно. Вот и ладно. И как это он, Чомор Макся, мог так нехорошо подумать о своем «строгом» начальнике?

Гришка обмяк, перевел дух.

Старуха — это была действительно мать лесника — долго оглядывалась по сторонам, прислушивалась.

Она, кажется, даже шевелила ноздрями, водила туда-сюда носом. Но, ничего подозрительного так и не заметив, приступила к делу. Она ловко сдернула с плеча пестерь, широко перекрестилась и присела на корточки, прилаживаясь доставать из ручья мясо. Гришка недоуменно посмотрел на Максю: эх, почему не ловим? Тот погрозил пальцем: не дыши! Из-за кустов, из ловко устроенной засады, им хорошо было видно, как старушенция проворно вытаскивала из воды тяжелые куски, не таясь, бросала их в пестерь. Она окончательно уверилась, что поблизости никого нет, работала спокойно и деловито. Гришка понял: она здесь не впервые. Иначе как бы так быстро, без посторонней помощи нашла нужное место в этом лесу? Лес-то не маленький — не свой закут.

Туман, струясь под утренним ветерком, медленно уползал за дальние кусты и деревья. Быстро рассветало. В лесу в этот час, казалось, на каждой ветке сидели птицы и чирикали во всю мочь. Гришка успокоился, незаметно освободился от сковавшего его напряжения.

Стараясь не шуметь, Макся опять приподнялся на локти, достал из-за пазухи фотоаппарат, нацелил его на старуху. «Чак!» — щелкнул затвор. Затем еще раз: «Чак!»

Маловато свету, но, может, и получится снимок...

Успокоившись, паренек вытянул ноги, голову опустил на согнутые руки.

Наполнив большой пестерь, старушенция между тем устало поднялась на ноги, поправила на голове платок и тяжело забросила свою ношу за плечи. Она заметно скорчилась под кладью, но быстро выпрямилась, энергично повела плечами, прилаживая лямки, и, перекрестив лоб, не спеша отправилась прочь. Макся еще минут десять лежал молча, не шевелясь. И только после этого поднялся на ноги, для разминки помахал одеревеневшими руками.

— Ну вот так, Гришка, — сказал он тихо, как бы про себя. — Все идет своим чередом. А старуха-то сильная! Видел, как поперла пестерище? Пуда три поди, если не больше. Сразу видно: жадюга та еще.

— Почему мы ее не сцапали?

— Зачем? Ну, сцапали бы, повели в избушку. А дальше? Ну, наконец, повели бы в деревню, в сель-

совет. Вот, мол, поймали ночью в лесу, мясо кабанье в пестерь зачихала. А она, конечно, не дура. Она тотчас заявит: «Не брала я никакого мяса, они сами напихали в пестерь, чтобы грязью меня облить. Я просто грибочки собирала, а они, душегубы, хватя за пестерь, зачихали туды мяса...» Может, и другое что придумает. Одним словом, мы по-другому сделаем. Свою тяжелую ношу она тащить, конечно, будет долго, в пути станет часто отдыхать. Мы легко опередим ее, зайвимся в Ректан. И организуем ей торжественную встречу. Ректановский бригадир старичок Спиридон поможет нам. Вот увидишь, будет комедия.

Не торопясь, они вышли на знакомую тропинку. Макся продолжал развивать свою мысль:

— Я, Гришка, пожалуй, сейчас же побегу в Ректан. Встречусь там с бригадиром, поговорю. А ты делай вот что: иди за старухой, не упускай ее из виду. Знаешь, это чтобы впросак не попасть. Она может ведь мясо-то и того... Скажем, заначит у деревни в тайник какой, а придет домой налегке...

— ...А днем, когда деревня будет пуста, доволокет мясо в погреб, — согласился Гришка.

— Все может быть, Гришка. Все может быть. И вот что. Давай-ка так условимся: я побегу сейчас же, без остановки, а ты топай тихонько за старухой. Понял? Только осторожно действуй, не шуми, не кашляй. Будь настоящим разведчиком...

— Постараюсь. Не впервые в лесу.

— И слушай-ко. Когда до деревни останется не больше километра, ты обгони ее. Обгони опять же без шума, без треска...

— Еще бы...

— Когда она станет выходить к опушке, ежели все будет в порядке, подашь мне условный сигнал. Отойди подальше от нее и не очень громко закричи, будто теленка зовешь: пте, пте, пте... Я и узнаю тотчас: старуха на подходе. И встречу ее как положено.

УТРО В РЕКТАНЕ

Целую ночь провел без сна, голова к утру ватной сделалась. Казалось, вот сейчас свалится Макся с ног и больше не встанет, тут и успокоится в лесной траве-мураве. Именно так и казалось. А поди ж ты, как он

разошелся! Осторожно обогнав старуху, вышел на ректановскую тропиночку, пару раз шмыгнул отсыревшим на болоте носом и давай чесать ногами: ать-два, ать-два! Макся торопился в Ректан, к людям.

Но вдруг что-то неприятное, что-то такое кисленькое зашевелилось сперва в мозгу, а затем и в сердце кольнуло. Призадумался Макся, перестал махать руками. Пхе, пхе... Еще неизвестно, чем встретит его бородатый дядюшка Спиридон. Лукавый Максин бес успел и ему, бригадиру Спиридону, накуролесить, легонько боднуть в бок.

Случилось дело неделю назад, ранним утром. Старый Спиридон с каким-то делом завернул в сельсовет. В ожидании председателя снял с плеча пешорку с обедом, сел на завалинку. Да и прикорнул. В дни весеннего сева да подготовки к сенокосу человек постоянно недосыпал.

Заложив руки за спину, позевывая, Макся ходил взад-вперед мимо задремавшего Спиридона. Несколько раз вроде бы невзначай с интересом посмотрел на пешорку, подмигнул самому себе хитрым оком. Ишь ты, какая вещь — короб из лыка. Добротная штука... Подумав этак, Макся ткнул себе пальцем в грудь, и его неумный бес моментально проснулся, заплясал: действуй!

Не устоял Макся, послушался беса. Поднял с завалинки тяжелый кирпич, повертел в руках. Здоровый кирпичина, черный-пречерный, видно, с трубы упал. Макся как следует обернул его в газету. А дальше... Не прошло и секунды, как тяжелый кирпич улегся в пешорке на самое дно. Тут и председатель сельсовета Исай Сергеевич Вольлапин на службу прибыл. Ректановский бригадир сам по себе проснулся, энергично крутанул косматой башкой и, сладко зевнув, утер рукавом с бороды слюнки. Смущенно улыбаясь, он, отдохнувший, лихо приладил пешорку на плечо, зашагал в сельсовет. И лукавый бес заликовал: таскай, борода, доппаек по лугам, по полям. Хо-хо-хо!

Интересно, как его встретит сегодня бригадир? Человек он серьезный, шутить не любит. Пожалуй, того...

Эхма! Пхе, пхе...

Выходя из лесу, Макся смахнул с одежки хвою, заметно убавил шаг. Он хорошо понимал, что на виду

у всех жителей деревни ответственные работники по-солдатски не маршируют, а ходят этак вразвалочку, солидно, ведут себя с достоинством, степенно. На то они и ответственные. А Макся кто? Работник сельсовета! Это понимать надо.

И не от безделья, не шутки ради торопится он сейчас в Ректан. Он чешет с важным делом. Надо как можно быстрее разоблачить кайского облома, этого таежного волка, который так нагло напялил на себя овечью шкуру, разбойничает почем зря, издевается над честными людьми, превратился в мироеда-кулака и плкует на все законы. Приходил в сельсовет, шумел из-за ворон и малиновок, чуть не плакал — мол, смотрите, какой я хранитель природы, — а на поверку злейшим врагом этой природы оказался, не только кабана, а человека живьем съест. И откуда только такие берутся?

Вот именно, откуда берутся?

Часто передают по радио, и лекторы с докладчиками доказывают, и ученые люди пишут в газетах и книгах, что держится пока в отсталых людях пережиток прошлого — частнособственническая тенденция. Много раз слышал об этом за свою короткую жизнь и он, Макся Ошканов. И каждый раз моментально забывал. Почему-то думалось, что, может быть, где-то и носят люди в себе какие-то пережитки, а в Верете кому они нужны? Кто будет возиться с тенденциями? А тут смотри, что оказалось!

Жарко стало Максе.

Тенденция! Вот она какая, эта самая дрянь!

Несмотря на ранний час, в Ректане уже копошились люди. То в одном, то в другом конце специальные молотки бойко стучали по малюсеньким наковальням, вбитым в березовые чураки. Ток-ток-ток, чап-чап-чап! Это перед выходом на луга косари отбивали свои литовки, то есть правили их жала. Хозяйки растапливали печи, в свежем воздухе заструились запахи горевшей серы — смолы, бересты.

Макся бывал в Ректане частенько и знал эту лесную селитьбу как пять своих пальцев. Да и чего тут не знать-то? В деревушке не больше трех десятков домов и всего две улицы. Одна тянется вдоль по берегу все той же речки Верети, другая пересекает деревню поперек.

Сегодня юный сельсоветчик сразу разобрался в окружающей обстановке. Вот бригадная контора на перекрестке вросла в землю, скосбочилась, ремонта ждет; чуть пониже конторы — хоромина дядюшки Спиридона.

Наискосок, на другой стороне улицы, поблескивает окнами дом Кузьмы Кузьмича. Стоит он уже совсем у леса, одна ель, гляди, даже в огороде торчит. Отменный дом у лесника, ладный, снаружи обшит тесом, окна окаймлены легкими резными наличниками, покрашенными в голубой цвет. Опоян дом крепким забором. А ворота, глянь, — крепостные! Тяжелые, из толстых плах сколочены. И не как-нибудь, а навечно: каждая плаха притянута к поперечинам четырьмя болтами. И чтобы шляпки не врезались в дерево, положены под них широкие шайбы. Крепко отстроился Кузьма Кузьмич.

И порядочек навел вокруг дома куда как ладный. Под окнами, смотрящими на улицу, в красивом палисаднике посажены кусты акации и сирени, разбит цветник с астрами. А под теми окнами, что выходят в огород, разрослись пышные, богатящие черемухи. Их длинные, густо сплетенные между собой ветви достигают конька крыши. Такие черемухи добрые хозяева сажают не только для красоты. И уж во всяком случае не для ягод. Деревья несут службу: если, скажем, ненароком запылает соседняя усадьба, то огонь не сможет перекинуться на твой дом — черемухи остановят пламя. Макся знал об этом. Но сейчас почему-то подумалось, что под такими черемухами в знойный летний день, наверное, беда как хорошо отвести душеньку, то есть поспать на боку. Можно, конечно, и на спине — разницы нету.

Он поправил кепчонку, отряхнулся и завернул к избе бригадира Спиридона. Прежде чем взяться за кольцо щеколды, Макся через щелочку заглянул в ограду. Ну так и есть! Спиридон тоже уже не спал. Босой, в расстегнутой косоворотке без опояска, он сидел на верхней ступеньке крыльца и сосредоточенно ремонтировал грабли, заменяя износившиеся зубья новыми, пропитанными в янтарной сосновой смоле. Он был настолько увлечен интересным делом, что, кажется, и не услышал, как Макся брякнул щеколдой, распахнул калитку.

— Доброе утречко, дядюшка Спиридон!

Бригадир лениво поднял кудлатую голову, равнодушно глянул на гостя.

— Ась?

— Доброе утро, сказываю, — повторил Макся, держась рукой за козырек. — Здравия желаю. И так далее.

Хозяин с явной неприязнью прошелся по нему взглядом и в течение долгой минуты молча жевал губами.

— Утро-то оно и впрямь добренькое, да вот неведомо мне, за каким чомором приперся ты, бездельник, в такую рань?

— Сейчас все доложу по порядку, дядюшка. Все как есть выложу. — Макся без приглашения сел на ступеньку, тяжело отдышался. — Фу, устал я, спасу нет. Всю ночь не спал. Вот навалились заботы... А ты говоришь — бездельник.

— Говори дело. Ты думаешь, у меня только и забот, что с тобой долдонить? Ну!

Делая вид, будто утирает пот со лба, Макся небрежно отодвинул грабли, уселся поудобнее.

— Вот тебе и ну! Тут такие события-штуковины, а бригадир ничего и не ведает. Твой дорогой сосед Кузьма Кузьмич безобразничает в лесу!

Бригадир не усидел на месте, вмиг вскочил на ноги. Теряя самообладание, он проворчал:

— Говори! Ах, дьяволенок!

Не в духе был бригадир, издерганный. Короткий ночной отдых не успокоил его, а только подразнил. Поняв это, Макся не стал тянуть время, коротко и деловито рассказал все, что знал. Бригадир выслушал молча, с интересом поглядел на дом соседа.

— Не врешь? Разыгрываешь, поди?

— Была бы нужда. Не до шуток тут.

Выругавшись, бригадир зачем-то ушел в дом.

ЕЩЕ ОДНА ЗАГАДКА

Макся огляделся вокруг, поерзал на ступеньке. В дальнем углу ограды, на чурбаке, поставленном на попа, он вдруг увидел знакомый, прокопченный дымом кирпич, усмехнулся. Оказывается, не бросил его Спиридон в кусты, приволок домой: в хозяйстве при-

годится. Вот это хозяин, не то что иные прочие. Мужик! Догадался, поди, кто удружил ему этакое сокровище? Спиридон между тем вышел из дому, протянул Максе большую эмалированную кружку с квасом.

— Угощайся, паря!

— Спасибо, не откажусь.

Глядя куда-то через забор, хозяин произнес задумчиво:

— Ума не приложу, что тут и подумать. Кузьма Кузьмич человек солидный, в деревне всеми уважаемый. С какого боку к нему подойти? Сходить к Исаю Сергеевичу, что ли?

— Некогда, — возразил Макся, утирая пухлые губы кепкой. — Старуха вот-вот притопает. Тут бы и...

Он не договорил. Спиридон неожиданно дернул его за рукав и показал глазами на улицу.

— На ловца и зверь бежит, — прошептал он, отодвигаясь к стене.

По безлюдной улице Ректана, тяжело ступая сапогами, шел Исай Сергеевич Вольлапин. Шел он степенно, не оглядываясь. Ходил председатель обычно без палки, а сегодня опирался на увесистую дубину, сильно припадая на искалеченную ногу. У Макси от удивления даже голова задергалась, коленки обмякли. Зачем он в такую пору, ни свет ни заря, в Ректан приперся? Вот еще испортит все дело... Бригадир Спиридон пятерней терзал лохматую бороду, растерянно моргал усталыми грустными глазами. И, не выдержав, вышел на улицу.

— Исай Сергеевич! — замахал он рукой, призывая к себе председателя. — Ты пошто это обходишь мою хоромину? Ужо заверни-ка на минуточку.

Председатель, понутив голову, покорно побрел в ограду. Макся не успел заскочить хотя бы в закуток, уйти с глаз долой. Поэтому Исай Сергеевич, когда прикрыл за собой калитку, первым делом увидел его, насупил строго брови. Паренек тут же выбрал позицию, откуда можно было в случае нужды сигануть в калитку. Но быстро успокоился. Он, Макся, кажется, ничего такого не совершал. Нет, ничего не совершал.

— Максим Максимович? — удивился председатель. — Это ты, дорогой-бесценный? Так-так... Стало быть, не дома ночевал, а в чужой деревне? Понятно!

Бригадир Спиридон тут как тут:

— Чего понятно? Ничего понятного! Паренек ночевал, оказывается, за Чукашором. Вот послушай-ко...

И он, усадив председателя на крылечко, рассказал все, что знал о проделках лесника и его матери. Макся в это время переминался с ноги на ногу, смущенно водил по волосам пятерней.

— Стало быть, мамаша лесника? — кисло улыбнулся Исай Сергеевич. — Так. Будут колхозники с мясом! Будет им жаркое.

— Леснику, коли так, не сдобровать! — заявил бригадир.

Исай Сергеевич рывком поднял голову, посмотрел в сторону лесникова дома. Глаза его быстро-быстро заморгали-замигали, лицо покрылось слабым румянцем. Он тихо сказал:

— Лесник, конечно, он лесник, таежный волк... Но кабана-то, братцы, шлепнул все-таки я!

Максю словно палкой хватили по голове, он съехался, засопел. А бригадир Спиридон опять стремительно вскочил на ноги, зашатался. Вот уж чего не ожидал, того не ожидал. Сказал бы об этом кто другой, а не сам председатель, не поверил бы. Ни за что не поверил бы. Еще посмеялся бы вволюшку: нашли тоже стрелка! А тут что же получается? Что на свете творится?

Держась руками за поясницу, Спиридон с высоты своего роста смотрел на притихшего Исай Сергеевича, укоризненно качал головой, точно говорил: «Эх, сыне, сыне, и как тебя земля держит такого?» Вслух спросил:

— Как же это случилось-то, Исай Сергеевич?

Исай Сергеевич пожал плечами, забубнил неуверенно:

— Сам не знаю. Видно, рогатый попутал. Хо-хо! Да, конечно, он. Рогатый в личине лесника Кузьмы Кузьмича...

Помолчали, каждый думая о своем. Макся, присев на ступеньку, хмыкнул, заерзал, рот ладошкой прикрыл: лесник-то и впрямь рогатый! Но сдержался, не расхохотался.

— Он на улицу-то еще не выходил? — вдруг спросил Исай Сергеевич бригадира. — Поди, тоже уже в лес подался?

— А тебе шибко нужен?

— Конечно, шибко, — сказал председатель, облизывая обветренные губы. — К нему и торопился. Загадочку одну хочется разгадать.

— Разгадаешь. Времени сейчас только начало седьмого. Лесник наверняка дома. Пить хочешь? Сейчас вынесу.

Спиридон опять сбежал в избу, притащил в кружке квасу.

Исай Сергеевич пил с удовольствием, так же, как и вечером, у магазина. Только выглядел он далеко не таким, каким был вчера: постарел вроде бы, исхудал, сгорбился. Тяжелую ноченьку провел председатель.

— Что же все-таки было там, в лесу? Как ты на кабана-то наскочил? — спросил Спиридон.

Исай Сергеевич плечами повел.

Не поднимая головы, заговорил глухо, еле ворочая языком:

— Ловко он меня это самое. Как колдун какой, право слово. Заманил в свои паучьи тенета, глазом не моргнул. Прибежал позавчера в сельсовет, зашептал: «В Чукашоре, в Баркином омуте, харьюзы появились, такие здоровенные... Ей-бо. В омуте, будто в бочке, кишмя кишат. За какие-то пять минут вчера натаскал я полон пестерь... Не хотел никому сказывать, да пользуйся моей простотой... Прими как подарок ко дню твоего рождения...» И еще сказал, что мой враг, тот медведь, тоже недалеко от омута околачивается. Распалил, негодяй. Поверил я ему, отправился вчера к омуту, целый час сидел с удочкой. И хоть бы дохлого малька поймал! В омуте, кроме лягушек, ни единой живой твари. Ну, сел я на колодину, ружье свое пристроил у ног, размышляю: зачем Кузьме Кузьмичу понадобилось обмануть меня? Какая такая корысть? Думал, думал, ничего в голову не идет. А тут вдруг кусты на той стороне речушки подозрительно зашебуршали, закачались. Что такое? Взял я ружье, наближаю. И вот, выходит из-за кустов он. Черный, грязный, горбатый. Медведь! Мой враг!

— И выстрелил?

— Выстрелил, Спиридон Иванович. Бабахнул, не целясь, а угодил в самую точку. Зверюга даже не пикнул, сразу ткнулся носом в землю. Перемахнул я за

речушку, гляжу, а тут... Я опешил. Я даже глазам своим не поверил: откуда кабан? Почему кабан? Ведь я медведя, медведя видел! Того самого разбойника, который на Пуртымке в воду бросил меня... Неужели он фокусник-оборотень, неужели... как это... волшебник, что ли? Так быстро, прямо-таки в мгновение ока вместо себя подложил свинью. И как я попал-то в нее? Ведь не целился! Я даже невольно на небо посмотрел: господи, все ли у тебя ладно?

— Это со страху, — ответил бригадир. — И тогда, на Пуртымке, тебе со страху померещилось, будто медведь свистанул в тебя чуркой.

Исай Сергеевич резко мотнул головой, ладонью по лбу щелкнул. Было видно, что стало ему совсем хорошо.

— Ловко он тебя, — произнес Спиридон. — Видимо, досконально изучил все твои достоинства, вот и стукнул наверняка. Хитер, паршивец, хитер. И смелый. Ишь, на что решился, ворюга. Ну, а дальше-то как? Увидел ты кабана, понял свою промашку — и деру? Сразу, значит, давай бог ноги?

— Побежал, брат. Собака затыкала, и я — деру. Точно волк. Сообразил: Кузьма Кузьмич нарочно мне ловушку устроил. Но зачем? Какая такая корысть? Вот это загадка. Всю ночь не спал, ломал голову, мучился. И стряслась тут, Спиридон Иванович, со мною чертовщина одна. Ужас. До сих пор руки-ноги будто не свои...

Мальчишка замер, уставился на рассказчика. Бригадир Спиридон не усидел на месте, вплотную подвинулся к Исаю Сергеевичу, смял от нетерпения бороду в кулак, точно вырвать собрался.

— Протянул я этак руки через спинку кровати, — продолжал Исай Сергеевич таинственно, — напариваю на столе папиросы и спички. Одной рукой папиросы ищу, другой — спички. И надо же! Схватил кто-то за руку... И заорал я благим матом, жену всполошил, еле к утру успокоилась.

— Кто схватил-то? — не выдержал Спиридон.

— Кто, кто! Сам себя схватил. Левая рука цапнула правую. Тьфу, какое наваждение, прости господи.

— Нервишки твои с фундамента съехали.

— Может, и впрямь съехали.

Деревня незаметно наполнялась все новыми и новыми звуками. Где-то совсем близко, за угловым домом, громко переговаривались женщины, призывно мычали коровы, оголтело кудахтали куры. У колодца звякали ведра, надсадно скрипел, жалуясь на невыносимую жизнь, старый журавль-журавец. В избе Спиридона скрипнули рассохшиеся половицы: встала старуха-хозяйка, сейчас ополоснет лицо холодной водой, возьмет подойник и выйдет к корове, которая давно уже тяжело вздыхает за стеной двора.

— Ну, я пойду, пожалуй, — сказал Исай Сергеевич, вставая с крыльца. — Пойду и скажу ему, рогачу: «Говори, дорогой-бесценный, для какого ляду обманул ты меня так беспардонно? Ведь неспроста? Говори как на духу, негодяй!»

— Иди, пожалуй, — мотнул головой Спиридон. — Наверняка интересный разговор состоится. А что, если и я с тобой потопаю? Ведь я депутат сельсовета.

Председатель призадумался.

Подумав, сказал:

— Не стоит. При депутате сельсовета о своих задумках он говорить, конечно, не будет. Нет, интересного разговора при постороннем человеке у нас, чувствую, не получится. Пойду один.

— Обожди, — остановил его бригадир. — Погоди минуточку. А что, если мы с Максимом проскочим в его огород, сядем на завалинку и того... Подслушаем ваш интересный разговор. Будем, так сказать, свидетелями...

Исай Сергеевич ничего не сказал, он только ухмыльнулся и погрозил обоим пальцем: мол, смотрите у меня, действуйте с умом... Он, оглядываясь, быстро выскочил из ограды, пересек улицу и, поравнявшись с домом лесника, смело подошел к воротам, энергично зашумел кольцом щеколды. Не прошло и минуты, как из-за ворот, из глубины двора донесся голос Кузьмы Кузьмича:

— Кто там?

— Открой. Это я!

— Гхе, Исай Сергеевич? Заходи, заходи, гостем будешь!

Макся и Спиридон переглянулись: скоро, сейчас уже скоро...

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Спиридон не стал обуваться, не было на это времени. Не мешкая ни минуты, он потянул Максю сначала на свой огород, потом задами обогнули дом лесника и на цыпочках, точно бывалые воры, стали подбираться со стороны леса к пышным черемухам. Через несколько минут Спиридон как ни в чем не бывало сидел на завалинке и, наострив уши, ловил каждое слово, вылетавшее из дома через открытое окно. А Макся, осмотревшись и оценив обстановку, с ловкостью кошки вскарабкался на самую пышную черемуху, прилип к стволу, затаился в зелени ветвей. Хорошо устроился! Из дому его нипочем не увидят. Зато он, если чуточку раздвинуть веточки, сможет не только слышать, что там говорят, но и прекрасно видеть, чем занимаются. Он успокоил дыхание, устроился поудобнее, стал вести наблюдение.

Первым делом с верхотуры он заметил, что дом Кузьмы Кузьмича разделен на несколько комнат. В первой половине, в горнице, где находился Исай Сергеевич, хорошо прибрано, светло. В правом углу от порога грузно встала большая крестьянская печь, в левом — раскинулась широкая деревянная кровать, прибранная покрывалом из домашнего холста. На столе миски, горшки, нарезанный хлеб, — видать, только что позавтракать собрались.

— Эдя! Эдя! Да куда ты запропастилась? Не видишь, дорогой гость пришел? — закричал лесник.

Из боковой комнаты, как мышь, вынырнула сухонькая Эдя, чопорно поклонилась гостю.

— Накрой на стол, да побыстрее! — распорядился хозяин. И когда Эдя безмолвно устремила на кухню, Кузьма Кузьмич подал тяжелую руку Исаю Сергеевичу — поздоровался.

— Милости прошу за стол — подзакусим, — пригласил он и резко обернулся к жене: — Живее, живее, говорю!

И вышел в сени, громко брякнул там дверкой чулана.

Исай Сергеевич присел на лавку, оглянулся по сторонам. Затем, уронив голову на грудь, он о чем-то сильно призадумался, несколько раз провел рукой по лицу, поскреб в затылке. Эдя поставила на стол

большую миску с супом, принесла свежие огурцы, очистила несколько луковиц. А Кузьма Кузьмич, войдя в дом, с радушным стуком лихо поставил на стол поллитровку.

— Давно купил, да все как-то случая не было справиться. Ужо сегодня раздавим...

Исай Сергеевич рукой замахал:

— Не бражничать пришел, дело есть! Узнать мне до смерти хочется: как это тебе удалось дикаря, того секача, под мой заряд подбросить? Ведь не ручной он все-таки? Ты знал наверняка, что кабан к омуту выскочит?

— Ничего тут хитрого, Исай Сергеевич, нет, — незаметно улыбнувшись, сказал лесник. — Ничего хитрого. Этот кабан уже второй год у ручья околачивается. Тут и зимовал. Надо тебе знать, кабан — животное всеядное: траву, всякие корни, остатки после жатвы на поле — все жрет. Встретит на пути дохлого зайца — слопаёт. Очень любит картофель, брюкву, репу, даже редьку. Ну и подбрасывал я ему помаленьку все это дело. Весной нынче разбросал в тину горох, семена турнепса... Проклюнулись, пошли в рост. Кабану готовый стол. Зачем ему куда-то ходить? Живет, кстати, без семьи... Секачи, Исай Сергеевич, в большинстве своем предпочитают одиночество. Всякий раз, когда я приходил к омуту и сидел с удочкой на колодину, видел этого зверюгу. Вот и подумал: если я вижу его, то почему бы и другому не увидеть? И угадал в точку. Считаю, что ты получил подарочек ко дню своего рождения. От всей души...

— Мда-а, — пошевелил губами Исай Сергеевич. Поеживаясь, повел плечами. — Все очень мило и трогательно. А если бы он меня того... Ну, растерялся бы я, побежал. А он, всеядный отшельник, пришел бы меня клыками к дереву и скушал?

— Уж так и скушал бы! — усмехнулся лесник покровительственно. — Я ведь рядом стоял. Метрах в десяти и был за кустом. В случае чего пристрелил бы подлеца запросто.

— Леш-шак!

Лесник сиял: Исай Сергеевич попался в капкан; сейчас вей из него веревочки.

— Здорово ты бабахнул... Хе-хе!

— Всякое бывает.

На улице, собираясь на покос, громко переговаривались люди, протарахтел трактор. Исай Сергеевич молчал.

— Вижу, ты еще не оклемался от неожиданности, — заговорил лесник. — Это пройдет. Пройдет, и поймешь, что я от чистого сердца. Слышу, петушков бьешь, людей смешишь. А в лесу полно крупной дичи. Почему бы и не полакомиться? Подумал я и решил удружить тебе, как доброму другу-приятелю. Подумал, сознаюсь, и о том, что, мол, Исай Сергеевич человек деловой, в случае чего тоже не оставит и меня без милости, поможет, коли в какой услуге нуждаться буду...

— Что такое? — приподняв голову, быстро отозвался Исай Сергеевич. — Тяжело тебя понять. Говори уж прямо.

— Да малюсенькое дельце.

— Какое дельце? Ну, говори, я слушаю.

Лесник, искоса поглядывая на бутылку, ходил из угла в угол, говорил, будто сам с собою, задумчиво и глухо:

— Был я нынче весной в городе, заглянул от нечего делать на колхозный рынок. Ничего интересного, конечно, там нет. Продают бабы разную чепуху и дрянь, которая нашему брату-лесовику и даром не нужна. Но вдруг вижу: подъехал к воротам на новеньком «Москвиче» этакий хиленький старичок — дунь по сильнее, так полетит, будто воробьиное перышко. Одет тоже так себе — куртка ношенная-переносная, облезлая шапчонка-треух... Вытаскивает из машины три больших мешка, легкие вроде бы, точно подушки пуховые. Занимает место в углу за ларьками, торговать ладится. Ну, думаю, посмотрим, чем людей порадуешь. А люди, доложу тебе, уже бегут со всех сторон, спешат в очередь. Дела! Чем, ты думаешь, он начал людей тепшить? Вовек не догадаешься. А начал он, Исай Сергеевич, торговать хмелем. Да, да... Известно, коми-пермяку в праздничный день хлеба крошки не дай, а домашнего пива вынь да неси. А без хмеля, знаешь ли, пива не сварить. Вот и рвут у старика этот хмель вместе с руками, деньги бросают ему, сколь запросит. Обомлел я, глядя на такое, в жар бросило.

— Откуда у старичка столько хмеля? — не поднимая головы, спросил Исай Сергеевич.

— Вот в том-то и закавыка! — резко остановившись перед гостем, горячо начал Кузьма Кузьмич. — В том-то и закавыка! Дикий хмель продавал, каналья! Это я после узнал. Собрал, оказывается, старый пень, в лесу этого хмеля несколько сот килограммов, высушил, продержал до весны, когда цены на него подскочили, и давай загребать денежки. Сказывали люди, что и «Москвич» он на дикий хмель купил. А мы живем в лесу и ничего знать не знаем.

— К чему ты все это?

— А к тому, Исай Сергеевич, что и мы можем «Москвичи» заиметь. Знаю я в лесу такие места, где этого хмеля видимо-невидимо, знай бери, тащи на бавар. Да один много ли насобираешь? С гулькин нос. За день килограмма два-три нарвешь и надоеет до чертиков. Не тяжелая работа, да манливая, ужас. Вот и решил я обратиться к тебе: окажи помощь, ты сможешь.

— Говори, говори. Я слушаю.

— Я подумал вот о чем. Дай школе задание собрать столько-то килограммов хмеля, мол, государство требует, директива такая пришла... В деталях всю операцию я уже обмозговал. Шито-крыто, комар носу не подточит... Мы организуем для пущей важности школьное лесничество, создадим «зеленый отряд» и будем выполнять для маскировки кое-какие работы по уходу за лесом. А, так сказать, мимоходом будем хмель собирать. Я даже и командира отряда уже подобрал. Назначим, если не возражаешь, Максру. Паренек он сообразительный, тайгу любит...

«Вот это негодяй так негодяй! — возмутился Максру. — Вот это кулак! Моими руками решил себе карман набить. Надо же!»

Но не крикнул, не свалился с дерева, хотя от злости весь так и задергался. А Исай Сергеевич не выдержал характера, сильно заволновался. Он не усидел на месте, вскочил с лавки, в упор глянул на хозяина;

— Ты за кого меня принимаешь? Ах ты, погань! Лесник в ответ только ехидно ухмыльнулся:

— Не ори, пожалуйста. Ведь попался. Может, улики нужны? Так стоит у меня в чулане одна штукенция. Подобрал вчера в лесу.

— Ружье? Нашел? Ах, лешак! И патронташ при-
тащил?

— Урони в лесу иголку — и ее найду, — не без хвастовства отозвался Кузьма Кузьмич и опять по-казал глазами на стол. — Садись, поговорим. Не бу-дем зря тянуть время. Оно дорого: на покос со-брался.

Исай Сергеевич вдруг улыбнулся широко и просто-душно, головой покачал:

— Хвастун ты большой, Кузьма Кузьмич. Уж та-кой хвастун. Бахвалишься, будто иголку в лесу най-дешь. Так? А что творится у себя дома, под носом, не видишь. Макся, тот ушлый паренек, сидит вон на че-ремухе, спокойненько слушает, о чем мы тут разгово-ры ведем. И под окошком, слышно, кто-то возится. Наверное, Спиридон...

Лесник в ответ так ничего и не сказал. Он не мог произнести ни слова, потому что был огорошен до крайности. Его лицо быстро налилось сначала бурой краской, затем стало бледнеть, бледнеть... Как белое полотно сделалось. Глаза, обычно колючие и ехидные, вмиг расширились до предела, стали вылезать на лоб, рот перекосился. «Полный нокаут!» — успел подумать Макся, и больше он уже ничего не слышал и не ви-дел, что творилось в избе; он сам не помнит, как сполз с дерева, как оказался на улице.

Прибежал дядюшка Спиридон:

— Видал, как оно вышло? Пришиб-таки Исай Сер-геевич выродка. Как он щелкнул ему по носу! Ужас! Теперь леснику уже несдобровать. Пиши пропало.

Глядя на усадьбу лесника, Спиридон продолжал:

— Дела! Да будь они трижды! Однако кто мог по-думать? Живет рядышком. Мужик как мужик. Тьфу, погань, прости господи!

Со злости он плюнул так энергично, что плевок полетел в сторону лесникова дома, точно пуля. После этого бригадир велел Максе пойти на околицу, подо-ждать там старушенцию, а сам заскочил в избу на-деть сапоги.

МАКСИН ЭФФЕКТ

Было все еще раннее утро. Но ректановские хозяй-ки уже успели подоить буренушек, выпроводить их на

поскотину и сейчас дружно собирались на покос. С ливковками, граблями они шумно стекались со всех сторон к крайней избе, у забора которой тарахтел трактор с тележкой. Макся, заложив руки за спину, подошел к молоденькому чумазому трактористу, к знаменитому Веньке Ракину:

— Куда сегодня? Чем займемся, Вень?

— Кто куда. Одни косить на неудобницах, другие сенаж закладывать, — важно ответил тот.

Тут Макся заметил знакомых по школе девчушек, поворчал, будто древний старикан:

— Долгонько, долгонько спите, красавицы. Наши веретинские, чай, успели уже немало стогов наставить, а вы только собираетесь. Корма заготавливать надо, корма. От них сейчас зависит богатство колхоза. И гарантированная денежная оплата, само собой.

Бойкие девчонки, понятно, дали ему достойный отпор, обозвав его бездельником и чинодралом. А пожилая тетка ехидно смерила Максю колючим взглядом, добавила:

— Не сеет, не пашет, сидит в сельсовете да соплями рукав мажет, а тоже с критикой. Еще и поучает нас!

Девчата дружно прыснули. Макся не обиделся. Наоборот, он засиял, будто тетка посмотрела на него не с ехидцей, а с величайшей любовью и с обожанием. А чуть погодя и совсем развеселился: он услышал со стороны лесной опушки звонкий мальчишеский голос: «Тпруте, тпруте!» Это Гришка, как и было договорено, предупреждал: будь начеку, старуха на подходе.

Макся удовлетворенно хмыкнул, подмигнул девчонкам, насмешливо поглядывавшим на озорника. Но тут он внезапно нахмурился, сильно призадумался и даже пальцем у виска покрутил. Потом решительно подошел к одной из девчушек, спросил серьезно:

— Слушай, Клава, ты ведь прошлым летом в лесничестве трудилась? Долго там была?

— Целый месяц. А что? — насторожилась Клава.

— Да надо бы знать, чем вы там занимались. Какая там работенка? Занимательная, скучная или так себе?

— Да мы там по деревьям, как белки, лазили, шишки собирали. После сушили под навесом, шелушили — семена из них выбивали.

По словам девочки, жизнь в лесу была просто замечательна, романтики — хоть отбавляй. Часов до четырех-пяти выполняли задания лесника, а после бродили по чащобе, собирали грибы, ягоды, всякие лекарственные травы для аптеки. Вечером разводили костерок, варили кашу, жарили рыжики и подосиновики. А после ужина пели песни, иногда просто так сидели и мечтали.

— А хмель? Дикая хмель собирали там? — перебил ее Макся.

— Как же! В конце августа недели две рубили, отдирали плети от деревьев, выносили на поляну. Большие кучи собирали. Кузьма Кузьмич сказывал, будто бумага какая-то пришла, велено-де собрать этот хмель и сдать куда-то...

— Так! Хватит, Клава. Все ясно.

— Что ясно?

— Скоро узнаешь. Потерпи маленько.

Макся опять искоса поглядел в сторону леса, ухмыльнулся. Старуха шла медленно, согнувшись под тяжелой ношей в три погребели. На людей она не обращала никакого внимания. Впрочем, и люди тоже не обращали на нее внимания. Эка невидаль, соседка грибы несет.

Подошел к толпе, наконец, бригадир Спиридон, суетливо поздоровался с людьми, спросил на ходу:

— Все в сборе? Вот и ладно. Скажу вам, денек сегодня горячий будет: четыре машины выделили для вывозки силосной массы.

Когда старушка поравнялась с ним, Спиридон с веселой улыбкой поклонился:

— Уже и по грибы успела сбегать, Варвара Денисовна? Ах, какая ты неугомонная, право. Люди дрыхнут, а ты, небось, с полтонны рыжиков уже насобирала?

— Много ноне грибов всяких, — охотно отозвалась Варвара Денисовна. — Шибко много. И груздей, и рыжиков, и волнушек... Грибной год выдался, слава те господи.

— Это хорошо. Рыжики, они зимой сладость имеют невероятную.

Лесник Кузьма Кузьмич, видимо, заметил в окно свою мамашу. Грохоча сапогами, выскочил на крыльцо, завопил на всю деревню:

— Топай быстрее, топай! Эка ты...

Старушка засуетилась, прибавила ходу, но бригадир, всем на удивление, уцепился за пестерь, сказал строго:

— Стой-погоди! Куда спешишь? А ну, покажи-ка, разлюбезная соседушка, свои рыжички. До смерти хочется посмотреть, каковы они ныне! Необыкновенные, поди?

Размахивая руками, Кузьма Кузьмич примчался к толпе, рванул бригадира за рубаху:

— Чего к старухе пристал, смола? Ну!

Спиридон и тут удивил ректановских. Он с силой ударил лесника по руке и рявкнул грозно:

— Шыть, поганая твоя душа! Я депутат сельсовета и прошу тебя, варначина, не цапай меня грязными руками.

Назревал скандал. Люди заволновались, заохали. Прибежал председатель сельсовета Исай Сергеевич Вольлапин. Под шумок выскочил из-за угла Гришка и ловко юркнул в толпу, поближе к Максе. А бригадир Спиридон сдернул со старухиных плеч тяжелый пестерь, бросил его на землю. Кузьма Кузьмич, осатанев, сгреб бригадира в охапку. И, верно, помял бы его, если бы Исай Сергеевич не смял самого. Все это произошло настолько неожиданно и быстро, что люди не успели и рты разинуть. И только после того, как Варвара Денисовна очухалась и скривила рот, только после, когда она с диким воем во всю прыть понеслась в свою ограду, мужики и бабы подняли шум:

— Что у нас происходит? Господи!

— Отчего такой скандал? Исай Сергеевич, говори!

Исай Сергеевич оттолкнул в сторону скисшего лесника, заговорил, волнуясь:

— Ничего особенного не произошло. Виноват я перед вами, граждане: дикого кабана в лесу шлепнул. Не хотел убивать, а поди ж ты! Но об этом после...

— Вот именно! Об этом опосля поговорим на сельском сходе, — вмешался в разговор бригадир. — А сейчас не хотите ли посмотреть, какие расчудесные грибы растут у нас в лесу? Эй, Макся, развяжи-ка пестерь, покажи людям комедь!

Макся охотно выполнил его приказание, ловко развязал пестерь, вывалил мясо на лужок. Ошеломленная толпа охнула:

— Мясо?! Заместо грибов — мясо?

Исай Сергеевич, возбужденный и растерянный, выждав тишину, сказал громко, чтоб всем было слышно:

— Да, мясо. Кабана, сказываю, вчера свалил. Да! Я свалил, а даровое мяско, как видите, Кузьма Кузьмич потаскивает. И выходит, если здраво рассудить, — вор у вора дубинку украл!

— И на колхозный покос руку поднял. Вместо школьного лесничества шарашкину контору хотел содать, — добавил Макся.

— Обо всем подробно на сходе поговорим, — заявил Исай Сергеевич. — Сейчас нет времени. Работа не ждет.

Люди уехали на луга. Бригадир Спиридон пригласил Исайя Сергеевича и парнишек к своей хороmine, первым делом опять угостил всех холодным пенистым квасом, усадил на завалинку. Макся и Гришка искося поглядывали на новый дом лесника, лукаво перемигивались.

— Все ясно, — глядя на поникшего Исайя Сергеевича, говорил с ехидцей Спиридон. — Пострелял ты, развеселый озорник, и будет. Сейчас получишь положенное, а взамен ружье отдашь, ты-тю ему.

— Конфискуют, Спиридон Иванович, конфискуют, — согласился Исай Сергеевич.

Спиридон между тем ожесточенно поскреб в затылке, что-то вспомнив, крепко ударил ладонью по коленке, захихикал:

— Озорник ты, Исай Сергеевич, уж такой развеселый озорник! Ну-ка, сказывай: зачем в мою пешорку намедни кирпичину затолкал! Ась?

Крутанул Исай Сергеевич тяжелой головой:

— Кирпичину? Какую еще кирпичину?

— Обыкновенную. Черную от дыма, грязную. Неужто не помнишь? В пешорку сунул. Хе-хе... Только прикорнул на минутку, а он тут как тут!

— Ты вот что, Спиридон Иваныч, говори, да не заговаривайся. Какой кирпич?

— Эх его! Будто сам не знает.

Ничего не понимая, Исай Сергеевич подозрительно поглядел на Максю. Спиридон ехидничал:

— На мальчика не поглядывай. Он тут ни при чем. Когда я проснулся, его и духу близко не было. Ты стоял у завалинки, у самой пешорки, и ухмылялся.

Я и догадался опосля, чьих это рук дело. Председатель душу тешил. Озорник!

Исай Сергеевич опять повел плечами, поморщился: вот и начинается уже. Еще и не сняли с должности, а граждане уже потешаются, в шута превращают.

Он не знал, что сказать в ответ, и зачем-то сдернул с головы кепчонку, смял ее. Потом глянул на солнышко, стремительно поднимавшееся из-за дальнего увала, удивленно головой покачал: с той поры, как он, наказав Максе сидеть у телефона, отправился в лес, прошли ровно сутки.

День и ночь — сутки прочь.

Семь бед — один ответ.

* * *

Кто-то сидит за моей спиной и настойчиво шепчет: «Хватит. Поставь здесь точку!»

Это само благоразумие. Прислушиваясь к его голосу, я поставил было точку. Но осенью на окружном совещании животноводов в перерыве между заседаниями невзначай встретился с пастухом Миколь Сеней. Он за последнее время сильно изменился: щеголял в новенькой рубашке, ходил с поднятой головой, глаза светились радостью, даже ноги вроде выпрямились.

Миколь Сеня как смог рассказал мне о сельском съезде, на котором здорово влетело Исаю Сергеевичу за то, что плохо интересовался жизнью односельчан, забавляясь ружьишкой.

— Но народ ему поверил, — сообщил Сеня. — Оставил председателем. А Кузьмич...

Оказывается, в лесничестве с должности его сняли, в колхоз не приняли. Пришлось горлопану покинуть деревню.

Миколь Сеня всем этим, чувствовалось, был весьма доволен. Сидя за столиком в буфете, он со вкусом уплетал жареную по-домашнему говядину, запивал ее «базарским» пивом, наслаждался. В конце трапезы сказал с ухмылочкой:

— А у меня счас новые часы... Опять сегодня начальство выдало, дак... Хорошо-де поработал. Нельзя пастуху без часов.

СОДЕРЖАНИЕ

СТО ВЕРСТ ДО ГОРОДА	3
МОНАСТЫРСКИЙ СУНДУК	97
КУКУШКИН РАЙ	187

Иван Алексеевич
МИНИН

Кукушкин рай

Повести для детей
среднего школьного возраста

Зав. редакцией *И. Лепин*
Редактор *А. Зибзеева*
Художественный редактор *М. Курушин*
Технический редактор *Л. Тренева*
Корректоры *З. Селюк, Е. Евсеева*

ИБ № 1133

Сдано в набор 14.02.83. Подписано в печать 05.11.83. ЛБ02153. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бум. тип. № 2. Гарнитура «Школьная». Печать высокая. Усл. печ. л. 13,44. Усл. кр.-отт. 13,44. Уч.-изд. л. 13,428. Тираж 30 000 экз. Заказ № 141. Цена 60 к. Пермское книжное издательство, 614000, г. Пермь, ул. К. Маркса, 30. Книжная типография № 2 управления издательств, полиграфии и книжной торговли. 614001, г. Пермь, ул. Коммунистическая, 57.

Минин И.

М62 Кукушкин рай: Повести для детей средн. шк. возр. — Пермь: Кн. изд-во, 1984. — 255 с.

Повести известного коми-пермяцкого писателя о мальчишках военных, послевоенных и наших дней.

М 70803—12
М152(03)—84 19—84

Р2

